

Филипп Ванденберг

ТАЙНА СКАРАБЕЯ

Філіпп Ванденберг «Таємниця скарабея», серія «Текст» (російською мовою) //Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»,
Харків, 2009
ISBN: 966-343-467-8
FB2: "Busya ", 08.01.2012, version 1.0
UUID: e748e245-b14b-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20160627, coolib.net converter, Jun 15, 2023

Филипп Ванденберг

Тайна скарабея

Роман о загадках перерождения от мастера археологических триллеров.

Мужчина одержим женщиной. Женщина одержима прошлым.

Абу-Симбел – магическое слово и смелое предприятие археологии. Чтобы спасти храм Рамсе-са II от затопления Асуанским водохранилищем, его необходимо распилить, перенести и заново возвести на новом месте. При этом герои сталкиваются с пророчеством, дремавшим в земле тысячелетия. Проклятие фараона, запечатленное на зеленом скарабее, действует и по сей день.

Содержание

1.....	0006
2.....	0015
3.....	0020
4.....	0024
5.....	0026
6.....	0028
7.....	0031
8.....	0034
9.....	0039
10.....	0045
11.....	0049
12.....	0052
13.....	0055
14.....	0058
15.....	0068
16.....	0069
17.....	0071
18.....	0074
19.....	0077
20.....	0079
21.....	0080
22.....	0086
23.....	0090
24.....	0093
25.....	0097
26.....	0101
27.....	0106
28.....	0113
29.....	0117
30.....	0119
31.....	0128
32.....	0131
33.....	0136
34.....	0140
35.....	0143
36.....	0147
37.....	0152
38.....	0158
39.....	0162
40.....	0165
41.....	0170
42.....	0177
43.....	0181
44.....	0183
45.....	0190
46.....	0195
47.....	0198
48.....	0201
49.....	0206
50.....	0209
51.....	0213

52.....	.0216
53.....	.0221
54.....	.0226
55.....	.0229
56.....	.0230
57.....	.0233
58.....	.0234

**Филипп Ванденберг
Тайна скарабея**

1

Он представлял себе эту поездку иначе. Для него было не впервой ехать на стройку за границу. В Индии он строил плотину в верховьях Ганга, в Персии – опреснитель морской воды, который в то время считался чудом техники. Камински вообще мало времени проводил дома – он называл это свободой. Если бы он занимался одним и тем же делом, да еще и на одном и том же месте, то сошел бы с ума от скуки или состарился вдвое быстрее. А так, несмотря на свои сорок пять, Камински выглядел довольно молодо. Постоянно работая на открытом воздухе, он загорел, а благодаря короткой стрижке был похож на мускулистого бычка. Именно такой тип мужчин нравится женщинам, что ему иногда порядком докучало.

Нет, Абу-Симбел он представлял себе совсем по-другому: заброшенный поселок в пустыне, захудалый оазис, окруженный со всех сторон нескончаемыми песчаными просторами, медленное течение сдерживаемого плотиной Нила, деревянные бараки у берега, грунтовые дороги, которые грузовики расчищают после каждой песчаной бури. Рядом с поселком – какая-нибудь столовая, крытая гофрированными листами железа, столы и скамейки из грубо струганных досок, за которыми мужчины при свете газовых фонарей пропивают ползарплаты. Так было в Индии, да и в Персии все было точно так же: по сути, строительные площадки везде одинаковы.

– Удивлены? – рассмеялся Лундхольм, заметив растерянный взгляд Камински. В казино не было свободных мест. Ночь.

Камински кивнул.

– Черт возьми! И это посреди пустыни. Черт возьми! – повторил он опять.

Лундхольм, швед по национальности, должен был ознакомить только что приехавшего Камински с объектами совместного предприятия «Абу-Симбел». Он, как и Камински, работал инженером-строителем. Им предстояло проработать вместе два с половиной года. В отличие от Камински, который был типичным немцем, Лундхольм не был похож на шведа. Небольшой рост, полнота и кудрявая черная шевелюра выдавали в нем итальянские корни.

– В Индии было ужасно... – нерешительно начал Камински. – В Персии мы жили в низких каменных лачугах. К тому же каждую ночь приходилось отбиваться от крыс.

– Зато здесь есть скорпионы, – ответил Лундхольм и добавил: – Но, если честно, мне еще ни один не встретился.

– А как насчет змей?

Лундхольм пожал плечами. «Абу-Симбел» был для него первым зарубежным проектом. До этого он строил только мосты в Швеции для «Сканска» – фирмы, участвующей в совместном предприятии «Абу-Симбел».

– Змеи не очень-то и вредны, – продолжил Камински, – они поедают паразитов. Знаю по собственному опыту. – Заметив скептический взгляд шведа, он добавил: – От змей всегда можно защититься, а вот от крыс, мышей и мангустов – едва ли. Их становится все больше и больше.

Он взял свое пиво, наполовину опустошил бокал и огляделся.

– И всегда здесь так? – спросил Камински, кивнув в сторону других столиков.

Заведение было забито до отказа. Над квадратными железными столами

повис гул иностранной речи – немецкой, английской, французской, итальянской, шведской и арабской. Большинство посетителей были мужчины, но, осмотревшись повнимательней, Камински заметил и женщин. Они были одеты так же, как и мужчины: брюки цвета хаки и такие же рубашки.

– Погодите немного, – ответил Лундхольм. – В девять придет Нагла, вот тогда начнется настоящее веселье.

– Кто такая Нагла?

– Хозяйка этого казино. Приезжает из Асуана. А как стало известно, что в молодые годы она лучше всех в Египте исполняла танец живота, мужчины ей проходу не дают.

– И что?

– Нагла, конечно, не первой молодости, но мордашкой может посоперничать с двадцатилетней. Кроме того, у нее такие формы... – Он поднял вверх указательный палец и мечтательно прищурил глаза. – С тех пор Нагла выступает здесь каждую неделю. Ты ее еще увидишь.

Одноэтажное казино, формой напоминающее подкову, называли здесь также ярмаркой или клубом. Оно было выстроено на горе, возвышающейся над долиной Нила, и обращено на юг. Днем отсюда открывался захватывающий вид на Нубию. Но сейчас, ночью, казалось, что казино падает в бездонную черную дыру, и от этого становилось не по себе.

Обычным рабочим, которых было около тысячи, казино было не по карману. Те, кто пил здесь пиво или виски, возглавляли проект и жили всего в нескольких шагах отсюда в поселке *Contractor's Colony*, раскинувшемся вдоль дороги Хонимун-роуд, или Соуна-роуд. Здесь они зарабатывали свои десять тысяч марок в месяц.

Десять тысяч – сумасшедшие деньги. Это послужило причиной того, что многие добровольно приехали на работу в Абу-Симбел, но все иллюзии рассеялись через два-три года.

– Эй, Рогалла!

Лундхольм помахал высокому тощему мужчине, который вошел в казино в сопровождении девушки. На долговязом был облегающий льняной жилет, придававший ему определенную элегантность. Девушка же, напротив, уделяла своему внешнему виду мало внимания. Она была одета в широкий выцветший комбинезон, темные волосы завязаны в узел на затылке. Очки в роговой оправе придавали ей неприступный вид.

– Я вас познакомлю, – сказал Лундхольм после того, как парочка подошла к столу, – Артур Камински, компания «Хохтиф», Эссен. Специалист вместо Месланга. А это Иштван Рогалла, археолог, и Маргарет Беккер, его ассистентка.

Камински пожал обоим руки, и Лундхольм с насмешкой добавил:

– Должен заметить, что все археологи, которые здесь шныряют, – наши враги. Они только злят нас. Думают, что мы можем построить свою работу так, чтобы не упустить ни единой археологической мелочи. Но это же, черт возьми, невозможно!

Рогалла через силу улыбнулся, Маргарет Беккер вообще не подала виду, что что-то слышала.

– Ну, мы уж как-нибудь поладим, – ободряюще ответил Камински.

Рогалла кивнул и заказал пиво у официанта в длинном белом фартуке.

– Вам то же? – обратился он к Маргарет.

Это прозвучало несколько неестественно, словно раньше Рогалла обращался к своей ассистентке на «ты». Маргарет согласно кивнула.

– Чем я только не занимался в своей жизни... – начал Камински, чтобы хоть как-то заполнить неприятную паузу. – Но эта затея самая безумная: разобрать храм по кирпичикам, перенести на пару сотен метров и заново собрать!

– Речь идет, скорее, не о том, чтобы разобрать по частям, – произнес Рогалла.

– Что вы имеете в виду?

– Ваша задача немного сложнее. Храм Абу-Симбел представляет собой практически цельную монолитную конструкцию. Как вы знаете, он был высечен в горе или сделан из отдельного куска скалы. И именно это делает его уникальным! Поэтому мы не можем допустить, чтобы храм залило водой!

– Я знаю, – ответил Камински. – И когда же заполнится водохранилище? Я имею в виду, когда уровень воды поднимется настолько, что Нил хлынет через дамбу?

Лундхольм пожал плечами:

– Египтяне и русские до сих пор спорят об этом. Египтяне считают, что это случится в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Русские же называют вполне конкретную дату – первое сентября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Я больше склонен верить русским, чем египтянам. В конце концов, ведь это русские строят плотину.

– Первое сентября шестьдесят шестого? Это же еще целых два года!

– Уже меньше, чем два года! А нам пока не удалось поднять ни одного камня!

Рогалла кивнул.

– И почему же еще не начали работы? – поинтересовался Камински.

– Почему, почему, почему... – раздраженно бросил Лундхольм. – Проклятые почвы! Песок, сплошной песок, и нам крупно везет, если мы натыкаемся на слой песчаника. Для шпунтовых стенок нет опоры. Последние несколько месяцев мы только тем и занимаемся, что отбрасываем песок вокруг храмового комплекса, вместо того чтобы увеличивать высоту дамбы. Уровень воды здесь поднимается все выше. Затопление идет от шестидесяти до ста метров шириной.

– А высота?

– Высота плотины должна быть сто тридцать пять метров. Высота водного горизонта составит сто тридцать три метра.

– Это значит...

– Это значит, что от успеха этого предприятия нас отделяют каких-то два метра, проклятых два метра.

– И два года.

Лундхольм кивнул. В эту минуту он выглядел не очень радостным.

После продолжительного молчания Камински сказал:

– А если русские ошиблись? Я имею в виду, если уровень воды в водохранилище будет подниматься быстрее?...

Сидевший за соседним столом Жак Балое, глава отдела информационного бюро «Абу-Симбел», бросил взгляд в их сторону. Лундхольм, Рогалла и Маргарет Беккер выглядели так, будто испугались, что человек за соседним столом мог услышать невзначай оброненную Камински фразу. Словно новенький

сказал нечто невообразимое. В лагере принято было разговаривать на любые темы, но только не о сроке, который витал над совместным предприятием в Абу-Симбел, как зловещее предзнаменование. Никто не знал, как высчитывали» сроки. Они были просто установлены, и приходилось верить на слово.

– Чтоб их черти взяли, этих русских! – выругался Лундхольм. – Они уже отправили в космос трех космонавтов, которые облетели Землю семьдесят раз. Так что же, они просчитаются со скоростью подъема воды в каком-то водохранилище?

Рогалла поднял руку, словно хотел сказать что-то важное.

– Русские не будут виноваты, если что-то пойдет не так. Асуанскую плотину построили четыре года назад. И понятно, что Абу-Симбел в ближайшее время затопит вода.

Лундхольм, соглашаясь с археологом, добавил:

– Тогда уровень воды был около ста двадцати метров. Мы могли бы сэкономить время на защитной дамбе, если бы египтяне раньше приняли решение. Когда началась весна, воды было уже по горло. После этого я только тем и занимаюсь, что вколачиваю в этот Богом проклятый песчаник длиннющие шпунтовые сваи. Начинал с четырнадцати метров, сейчас уже двадцать четыре... И это фронтом в триста семьдесят метров! А для чего, спрашивается? Все пойдет прахом!

Еще до того как швед закончил, из динамиков грянула арабская музыка. Флейта пела под глухой ритмичный бой барабанов. Из-за бара на полукруглую сцену вышла женщина в одежде невероятного цвета. Лундхольм толкнул Камински локтем в бок и кивком головы указал в ее сторону:

– Нагла.

У Наглы были огненно-рыжие волосы. Камински, который в жизни видел всякое, еще ни разу не встречал девушку с такими просто пылающими волосами. Они резко контрастировали с ее зеленым костюмом, длинной юбкой из блестящего шелка, которая плотно обтягивала ее бедра. Расшитый жемчугом и камнями пиджак еле вмещал роскошную грудь.

Нагла выполняла конвульсивные движения – очевидно, в такт музыке, – но Камински слабо разбирался в восточных танцах. Музыка казалась ему ужасной, а возбуждающие движения танцовщицы – достойными восхищения. У Наглы все отлично все получалось. Ее тело, словно змея, волнообразно извивалось, при этом она запрокидывала голову назад. Когда она опустилась на колени, откинулась назад так, что рыжие волосы коснулись пола, и начала вращать широко раскинутыми руками, мужчины заулюлюкали. Раздались бурные овации. Зрители скандировали: «Нагла! Нагла! Нагла!», словно им было мало.

Воодушевленная выкриками, танцовщица поднялась с пола без помощи рук. Она продолжала выполнять быстрые, резкие движения бедрами, скрестив руки на уровне шеи. Медленно, маленькими шажками Нагла пошла вдоль столов, за которыми сидели хлопавшие в ладоши зрители. Камински увидел, как мужчины протягивали ей купюры. А поскольку Нагла отвечала поклоном, им удавалось засунуть их прямо в бюстгальтер. Помимо денег Камински заметил маленький клочок бумажки и вопросительно взглянул на Лундхольма.

– Каждый раз Нагла получает полдюжины предложений, – прошептал тот в

ответ.

– И что? – спросил с любопытством Камински.

Лундхольм утвердительно мотнул головой, словно хотел сказать: «Ну что поделаешь...»

Рогалла, Лундхольм и Камински, распаленные громкой музыкой и экзотическими движениями танцовщицы, хлопали в ладоши. Только Маргарет продолжала сидеть неподвижно. Камински, наблюдая за ней боковым зрением, спрашивал себя, что же должно произойти, чтобы девушка улыбнулась.

Тем временем танец Наглы достиг апогея. Обворожительное тело танцовщицы двигалось все быстрее. Она приблизилась к Камински. Он видел пот, выступивший на ее груди, слышал бряцанье золотых браслетов на руках и прерывистое дыхание. Нагла, как бы энергично она ни танцевала, не спускала глаз с новенького – словно впиалась в него глазами. – Хей, хей! – кричали мужчины, наблюдавшие за ними. – Хей, хей!

Она была не в его вкусе: слишком объемная, а тело... слишком провоцирующее. И вообще он уже был сыт по горло женщинами. Собственно, он надеялся, что в Абу-Симбел не встретит ни одной женщины, но вышло совсем по-другому.

Казалось, Нагла поняла безразличный взгляд Камински, потому что резко повернулась, решив направить всю мощь своего искусства обольщения на соседний столик, – к сожалению Лундхольма, который жадно наблюдал за движениями уходящей танцовщицы.

Вдруг сквозь гул громяющей музыки и бурных аплодисментов прорвался громкий крик. И словно цепная реакция, от столика к столику прокатилось: «Вода прорвалась!»

Лундхольм, взгляд которого был прикован к танцовщице, вскочил, сунул руки в карманы и замер, глядя перед собой. Потом пробормотал что-то невнятное, взглянул в лицо Камински и прошипел:

– Знал я, что это случится! Знал ведь!

И только теперь смог взять себя в руки. Он вытащил из кошелька купюру, швырнул ее на стол и, прежде чем развернуться и уйти, сказал Камински глухо:

– Пойдем, тебе следует на это посмотреть!

В это мгновение снаружи раздался звук горна. Музыка внезапно оборвалась, и Нагла исчезла за стойкой бара. Мужчины бросились к выходу. Не обращая внимания на собеседника, Лундхольм бросился к своему «лендроверу», который был припаркован у теннисной площадки. Камински пришлось приложить немало усилий, чтобы его догнать.

Лундхольм гнал внедорожник по Соуна-роуд, словно речь шла о жизни и смерти, потом свернул направо, на восток и поехал по широкой, залитой гудроном дороге – два километра она шла ровной полосой прямо к песчаной косе Абу-Симбел. Слева в свете фар мелькнуло вытянутое здание строительного управления. Едва удерживая на ухабах руль» Лундхольм шарил рукой около водительского кресла. Камински предложил помочь, но его фраза осталась без внимания. Наконец Лундхольм нашел бутылку, потряс ею, проверяя наличие содержимого, и вытащил пробку зубами.

– Вот! – сказал швед, протягивая бутылку Камински.

Но еще до того как Камински успел отказаться, Лундхольм резко ударил по

тормозам, потому что на перекрестке у радиоузла перед ними вдруг вынырнула машина. Бутылка ударилась о рычаг переключения передач и упала на пыльный резиновый коврик перед Камински. Резко запахло алкоголем.

– Чертовски жаль! – прорычал Лундхольм, снова вдавив в пол педаль акселератора. – Хорошая была выпивка.

Камински понимающе кивнул. Швед сбавил скорость. За следующим перекрестком дорога делала крутой поворот налево и слегка поднималась в гору, а еще через двести-триста метров сворачивала вниз, на восток. Слева виднелись огни небольшого склада. Отсюда дорога широкой дугой спускалась к Ни-лу и храмовому комплексу. Впереди Камински заметил отблески фар не менее десятка машин.

По правую сторону полыхала огнями строительная площадка. Мощные прожекторы освещали с холма лощину между дамбой и храмом. Гигантские двадцатиметровые колоссы Рамсеса равнодушно взирали на экскаваторы, грузовики, стрелы кранов. Люди, больше походившие на муравьев, шныряли туда-сюда. Лундхольм бросил «лендровер» вправо и въехал на ровную песчаную площадку перед маленьким храмом. – Идем! – крикнул он и хлопнул дверцей машины.

Камински поспешил за ним. Пахло речной водой и промасленной сталью. Тяжелые экскаваторы, казалось, беспорядочно зачерпывали песчаную почву гигантскими ковшами, вращались вокруг своей оси, будто вальсируя, и выбрасывали вверх облака выхлопных газов.

В самом глубоком месте песчаной лощины Камински заметил небольшое озерцо. словно кости скелета гигантского кита, торчали из воды два ряда стальных свай. Громадные трубопроводы разветвлялись, как артерии великана, и исчезали с другой стороны дамбы. Там громадный колесный погрузчик сыпал на земляной вал гальку. Камни с шумом падали в воду.

На дамбе они встретили старшего рабочего Лундхольма. Он дико размахивал руками и указывал куда-то, где, вероятно, и был прорыв.

Самообладание Лундхольма в этот момент было достойно уважения. Швед осмотрел дамбу с обеих сторон, проверил песчаную почву, потопав по ней ногой, и сказал как можно громче, чтобы перекрыть шум работающих экскаваторов, насосов и агрегатов:

– Прекратите откачивать! Положите третью трубу насоса – заилте прорыв, щебень здесь не поможет! Потом заливайте!

Старший рабочий понял и принялся выкрикивать команды по рации. В тот же миг откуда-то появились рабочие, выслушали приказания и снова словно растворились. Все происходило без особой спешки и напряжения, как будто ничего экстраординарного не случилось.

Поэтому Камински удивился, когда Лундхольм, отойдя в сторону, крикнул ему:

– Крайне тяжелое положение! – А заметив вопросительный взгляд Камински, добавил: – Если у нас ничего не выйдет, у вас не получится поработать здесь. Тогда все будет напрасно. Конец!

Камински подошел поближе и спросил:

– Что это значит?

Швед засмеялся, но в его смехе слышалась горечь. Он ответил:

– Давление воды снаружи слишком высоко для песчаного грунта. Вода про-

сочилась под дамбой. Здесь все стоит на песчанике, а он растворяется, как мыло.

– И что теперь?

Лундхольм пожал плечами.

– Я попытаюсь затопить лощину. Знаю, это звучит странно но это единственный способ снизить давление в прорыве под дамбой. Потом мы уплотним место прорыва снаружи дамбы и откачаем воду назад в Нил. Только бы получилось!..

Он вскочил на подножку проезжавшего мимо грузовика, который вез трубы, и показал, куда их сгрузить.

Камински беспомощно смотрел с гребня дамбы на озеро и колоссов за ним. Его задание – перенести статуи. Каждая целых двадцать метров высотой. Их сначала нужно было разрезать на отдельные фрагменты весом от десяти до тридцати тонн. Но это еще не все: необходимо было вырезать из скалы пятидесятипятиметровый храм и перенести его в безопасное место, подальше от Нила.

Камински уже все спланировал в уме – он знал этот храм наизусть, хотя ни разу в нем не был. Абу-Симбел заморозил его. Но еще до того как он смог начать работу, водный горизонт водохранилища стал выше, чем вход в храм. И поэтому Лундхольм со своими людьми должен был выстроить эту проклятую дамбу вокруг комплекса. И вот теперь все повисло на волоске...

В этой нервной обстановке Камински смотрел на освещенных прожекторами колоссов. Он думал, как лучше распилить их на части, высчитывал радиус действия гигантского мачтового крана, под который только был заложен фундамент, и искал подходящее место парковки восьмиосевого грузовика с низкой платформой.

Вода в озере поднималась медленно, и Камински наблюдал со стороны, как рабочие Лундхольма с помощью самоходных кранов проложили трубопровод от небольшого озера и соединили его с передвижным насосом на дамбе. Остальные пытались заделать дыру в шпунтовой стенке. Фонтаны искр напоминали гигантские новогодние бенгальские огни. Рядом с ногами колоссов работали два колесных погрузчика, ссыпая землю ближе к дамбе.

Насос на дамбе зашумел и начал качать воду. Вода в маленьком озере забурлила, словно вырываясь из подземного источника. Из лощины потянуло гнилостным запахом, смешанным с выхлопными газами работающих машин.

Идя вверх по течению, к дамбе приближалась лодка – грузовая баржа примитивной конструкции с надстройкой на корме. Загрузочные люки были открыты, баржа была до краев заполнена песком. Слышался рев взбирающегося по откосу грейферного экскаватора. Баржа причалила, и экскаватор запустил ковш в песок, чтобы потом высыпать его в воду на месте прорыва.

Уровень воды в лощине заметно поднялся. Камински не покидала мысль, что Лундхольм может заполнить лощину водой вплоть до фундамента храмовых колоссов, но тогда разрушатся подъезд и рампа для грузовика. Чтобы восстановить их, потребуется минимум две недели – это драгоценное время, если учесть, как быстро наполняется водохранилище.

Пока Камински размышлял, возле насоса началась словесная перепалка между Лундхольмом, Рогаллой и высоким худощавым египтянином, которого Камински не знал. По тому, как Рогалла и египтянин энергично жестикулиро-

вали, Камински понял, что они пытались уговорить шведа остановить затопление лощины. Но Лундхольм упорствовал, и дело явно шло к рукоприкладству. Швед бросился в кабину экскаватора, вытолкнул водителя, ловко повернул ковш и высыпал содержимое под ноги Рогаллы и египтянина.

– Чокнутый! – заорал Рогалла, в свете прожектора узнав Камински. – Со всем спятил! Вы должны быть с ним поосторожней.

– Он чересчур взволнован, – попытался успокоить обоих Камински. – Вы должны его понять. Ведь на нем лежит ответственность...

– Ответственность! – Египтянина словно прорвало. – Парень забыл, что поставлено на кон.

Только теперь Рогалла вспомнил, что Камински и египтянин не знакомы, и представил доктора Хассана Мухтара – ведущего египетского археолога. Камински подумал: «Вот еще с кем придется иметь дело!»

Мухтар не особенно заинтересовался новым человеком, так что Камински вынужден был спросить, из-за чего разгорелся спор. Египтянин указал на колоссов Рамсеса возле входа в храм.

– До их ног вода не доходила три тысячи лет, – объяснил он. – Мы не знаем, как будет реагировать песчаник, когда вода достигнет цоколя. Может статься, что на солнце он уже высох, как соль. Камень также может поменять цвет, пропитавшись водой. А может и рассыпаться в песок.

Сказав это, он стряхнул пыль со своей хлопчатобумажной куртки.

Рогалла одобрительно кивнул и добавил:

– Возможно, теперь вы поймете, почему мы так взволнованы.

– Я понимаю, – ответил Камински.

Он хотел ответить по-другому, хотел сказать: «Нет, я не понимаю вас, потому что если лощину не залить водой, она все равно наполнится, только это уже нельзя будет контролировать. А так еще есть надежда, что прорыв можно будет ликвидировать, прежде чем вода достигнет основания храма», но прикусил язык, смолчал. Он не хотел с первого дня портить отношения с людьми.

– Ну хорошо, спокойной ночи! – Мухтар протянул Камински руку. – Надеюсь на успешное сотрудничество!

– Я тоже, – ответил Камински. И добавил из вежливости: – Сэр!

Он где-то слышал, что едва ли можно доставить образованному египтянину большую радость, чем назвав его «сэр».

И Мухтар тут же повеселел.

– Заходите завтра утром ко мне в бюро. – Он имел в виду *Government's Colony*.

Камински ответил, что непременно заглянет. Вид большой черной дыры, которая наполнялась бурой клокочущей водой, натолкнул Камински на мысль, что у Абу-Симбел, этой гигантской строительной площадки посреди пустыни, свои законы. Не такие, как на других стройках, на которых он раньше работал. Казалось, в воздухе над объектом висит напряжение, которое проявляется в странной раздражительности всех участников.

Камински еще на корабле, которым плыл из Асуана в Абу-Симбел, заметил, что пассажиры избегали его, если он заводил разговор о своей работе. Конечно, он привык к монотонной жизни заграничныхстроек и равнодушно относился к бурной жизни цивилизации. Но по опыту Камински знал, что зачастую именно в таких ситуациях зарождается необычная дружба.

Он сомневался, что сможет найти здесь настоящего друга.

Он отбросил грустные мысли и, поскольку не мог ничем помочь шведу, молча направился к площадке, где стоял «лендровер». Здесь он ничего не сможет сделать. Он не хотел ждать Лундхольма, поэтому остановил первый попавшийся грузовик и поехал в лагерь.

Водитель, молодой египтянин, ни слова не понимал по-английски. Ему понадобилось добрых десять минут, чтобы объяснить, что его имя Макар, но все его называют эль-Крим, чем он особенно гордится. Он все повторял свое имя и приветливо улыбался немцу.

На перекрестке, где дорога сворачивала к лагерю рабочих, эль-Крим высадил пассажира и покатил дальше. На востоке занималось утро. Трансформаторная станция и больница были ярко освещены. Камински выделили домик в *Contractor's Colony*, в котором он жил вместе с Лундхольмом. Это было каменное здание с белой куполообразной крышей которая спасала от жары, и небольшим зеленым газоном перед входом.

Здесь, наверху, не было слышно шума стройки, да и цикады, ночь напролет исполнявшие свою пронзительную песню, к этому времени уже смолкли. Пройдя сотню метров, Камински свернул с дороги и пошел по песку и гальке, к которым уже успел привыкнуть.

Все дома здесь выглядели одинаково, особенно ночью Камински жил в третьем от дороги. Лундхольм вкратце рассказал ему, где что находится в лагере. Закрывать входные двери на ночь считалось предосудительным, Камински знал это еще из Персии. Когда он открыл дверь, перед ним возник Балбуш, в длинной ситцевой ночной сорочке выглядевший как привидение. Балбуш был слугой, поваром и вел хозяйство в доме Камински и Лундхольма.

– Мистер, – испуганно сказал он. – Мистер Лундхольм нет дома. Мистер Лундхольм исчезнуть.

– Да, да, – Камински успокаивающе махнул рукой. – Все в порядке.

2

Желтый грузовик с ревом и грохотом пронесся по Веллей-роуд в направлении больницы, оставляя за собой длинный шлейф пыли. Египтянин в голубом комбинезоне стоял на коленях в кузове, обеими руками обхватив и поддерживая казавшееся безжизненным тело рабочего. Еще от трансформаторной станции – там, где дорога делает небольшую извилину и затем идет строго на север, прямо к больнице – водитель начал бешено сигналить, чтобы привлечь к себе внимание.

Грузовик остановился возле больницы, и санитары в белых халатах выскочили с носилками.

– Его током ударило! – крикнул египтянин, ехавший в кузове.

– Али дотронулся до провода под напряжением в десять тысяч вольт, – пояснил водитель. – Да спасет его Аллах!

Вчетвером они погрузили безжизненное тело на носилки и почти бегом понесли в смотровую комнату слева по коридору. Взыла сирена – сигнал, означающий экстренный случай, – и через мгновение доктор Хекман, директор больницы, и доктор Гелла Хорнштайн, его ассистентка, были на месте.

– Удар током! – еще издали закричал санитар. – Пациент без сознания!

– Раздеть! – скомандовал Хекман и, повернувшись к ассистентке, добавил: – Приготовить ЭКГ!

Доктор прослушал несчастного стетоскопом и покачал головой. Затем приподнял его веко.

– Бог ты мой, – сказал он тихо, – помутнение хрусталика, электрическая катаракта.

На теле пострадавшего были четко видны темные прерывистые полосы, проходившие от правой руки до правой ноги.

Ассистентка тем временем включила кардиограф; стрелка лишь вздрагивала. Она посмотрела на Хекмана:

– Мерцание желудочков сердца.

Врач взглянул на бумажную ленту прибора:

– Кислород. Искусственное дыхание.

Один из санитаров протянул кислородную маску, и ассистентка наложила ее на лицо мужчины. Хекман положил руки на грудь пациента, сделал резкий толчок, на мгновение остановился, посмотрел на широкую бумажную ленту, выползавшую из кардиографа, и еще интенсивнее приступил к массажу сердца. Стрелка еще раз дернулась и остановилась: по бумаге поползла сплошная ровная линия.

– Смерть, – констатировал доктор Хекман. Лицо его не выражало никаких эмоций.

Ассистентка молча кивнула и начала отсоединять электроды от безжизненного тела. Она явно приняла смерть египтянина близко к сердцу.

Хекман заметил ее подавленное настроение и, когда они проходили по длинному коридору, сказал:

– Коллега, поверьте, лучше уж так. Такой сильный удар электрическим током повреждает спинной мозг и приводит к параличу и атрофии. В самых тяжелых случаях происходит периферийное нарушение нервной системы и расстройство сознания. Он остался бы недвижимым на всю жизнь, или стал бы

идиотом, или то и другое сразу. Не сделаете ли вы мне одолжение, поужинав со мной сегодня вечером?

Гелла Хорнштайн вздрогнула. То, с какой легкостью доктор Хекман перешел к повседневным делам, немного настораживало.

Хекман был хорошим врачом, но относился к работе в каком-то смысле как к рутине. Иногда у нее возникало чувство, что за всем этим скрывается неуверенность в себе. Что не мешало ему при каждой удобной возможности демонстрировать, как он горд собой, доволен своей внешностью и просто неотразим.

– Кофе? – спросила ассистентка, все еще надеясь отделаться шуткой, но он сразу же использовал этот шанс.

– Вы очень внимательны, большое спасибо! Но вы не ответили на мой вопрос!

«Сама виновата, – подумала Гелла. – Теперь он меня так просто не отпустит!»

Она пыталась сварить кофе в допотопной электрической кофеварке, которую привезла из Германии (коричневый египетский кофе и его приготовление заслуживали отдельного комментария), чувствуя, как Хекман, усевшись в зеленое кожаное кресло, просто пожирает ее глазами. Она делала вид, будто ничего не замечает, но знала об этом. Ассистентка была далека от мысли соблазнить мужчину, который так на нее смотрит. Гелла была невысокого роста, хрупкая и худощавая, с короткими черными волосами, смуглой кожей, ошеломляюще большими глазами и высокими скулами.

Она шикарно одевалась, насколько это позволяло пребывание в пустыне, и носила юбки, едва достигающие до колен. Она была бы идеально красивой, если бы не несчастный случай: при родах акушерка уронила ее, и она сломала голеностопный сустав. С тех пор Гелла чуть подволакивала ногу. И даже профессия врача в Абу-Симбел не добавила ей уважения: девушке приходилось терпеть свист местных рабочих, когда они проходили мимо.

Что же касается международной команды, то доктор Хорнштайн вела себя подчеркнуто сдержанно. Она относилась к тому типу женщин, которые могли себе это позволить, не теряя привлекательности. Ее холодность действовала скорее вызывающе, и не было дня, чтобы какой-нибудь археолог или инженер не пригласил ее на строительную площадку.

В большинстве случаев она отклоняла такие предложения. Лишь изредка ее можно было увидеть в казино, и только в исключительном случае она, изнемогая от жажды, выпивала что-нибудь покрепче, что, кстати, с мужчинами случалось там довольно часто.

Взгляд Хекмана терпеть становилось все труднее, и поэтому она, не оборачиваясь, спросила:

– Почему вы на меня так смотрите, доктор Хекман?

Хекмана словно выбросили из его сладострастных мыслей. Он почувствовал себя школьником, которого поймали на горячем, но не подал виду и задумчиво произнес:

– Простите меня, коллега! Вы просто анатомическое чудо: умеете смотреть назад, не оборачиваясь!

– Я просто почувствовала, – возразила доктор Хорнштайн, по-прежнему не обернувшись.

У него не было другого выхода, кроме как отступить, и он сказал:

– Ну хорошо, я смотрел на вас, но должен ли за это извиняться? Вы чертовски привлекательная женщина, коллега! Мужчина, который не взглянул бы на вас, просто не мужчина.

Гелле эти слова, задуманные как комплимент, показались бестактными, и они никак не соответствовали мужчине его уровня. К так называемым «классным парням» Гелла относилась скорее с состраданием, чего они, кстати, терпеть не могут. Она ценила мужчин, которые не хотели казаться сильными, а это крайне редкий вид. Если быть честной, то она, думая о мужчинах, думала прежде всего о себе и сполна наслаждалась своим эгоизмом. И возможно, по этой же причине в двадцать семь лет у нее еще не было достаточно длительных отношений ни с одним мужчиной.

С четырнадцати лет она мечтала об идеальном мужчине, однако этот образ был лишь плодом ее фантазии. Хекман был очень далек от такого идеала, но он об этом не знал, а если бы и знал, то в жизни бы не поверил.

Конечно, у Хекмана была своя история, как и у каждого в Абу-Симбел, потому что ни один человек без видимых причин не отправится добровольно на шесть лет в пустыню. Нет, Хекман не рассказывал традиционную байку: «Я поехал сюда из-за женщины...», как делали здесь две трети рабочих (остальные называли мотивом деньги или же то и другое). Он попал сюда из-за неприятного происшествия в западногерманской клинике. Газеты писали о врачебной ошибке, но все произошло скорее по недосмотру. И в душе он не чувствовал своей вины за случившееся. Пострадавшая получила довольно приличные деньги по страховке и отозвала свой иск. Но это происшествие (тампон, забытый в брюшной полости у пациентки) наделало много шума, и ему пришлось на время уехать, чтобы страсти немного улеглись.

Никто в Абу-Симбел не знал этой истории, да и узнать не мог. Когда Хекмана спрашивали, почему он поехал в этот госпиталь, он всегда отвечал, что в поисках приключений. И это звучало вполне правдоподобно.

Между Георгом Хекманом и Геллой Хорнштайн пролегла невидимая пропасть, хотя они жили и работали рядом. Он никак не решался сказать о своих чувствах, а она держала его на расстоянии, всем своим видом показывая, что они не созданы друг для друга.

Когда она наконец повернулась и поставила на стол две на скорую руку вымытые чашки, он испугался холодного блеска ее глаз.

– Мы могли бы замечательно работать в паре, – сказала Гелла, едва сдерживая улыбку, – если бы вы воспринимали меня лишь как специалиста. То, что я должна спать с начальством, в моем контракте не оговорено. И более чем уверена, что в вашем тоже нет такого пункта.

Слова попали точно в цель. Гелла превосходно умела отражать все его попытки сблизиться и переводила их в шутку. Она выбила его из колеи – его, считавшего себя корифеем в общении с женщинами. И в первый раз ему в голову пришла мысль, что эта женщина так никогда и не повзрослеет.

Хекман растерянно помешивал кофе, не решаясь взглянуть в глаза Гелле, сидевшей всего лишь в метре от него. Стук в дверь показался ему избавлением. Это был санитар, который спросил, может ли войти Кемаль – местный кузнец.

Хекман и рта раскрыть не успел, как посреди комнаты уже стоял лысый

темнокожий плотный мужчина небольшого роста. Это, очевидно, и был Кемаль. Кузнец, не выпуская из рук корзинку, пытался объяснить на жуткой мешанине из арабского и английского, что слышал о несчастном случае с рабочим и он – единственный от Вади Хальфа до первого водопада, кто может помочь несчастному.

Хекман поднялся, подошел к Кемалю, взял его за руку и объяснил, что рабочий умер от остановки сердца – помощь больше не требуется.

Но кузнец упрямо не хотел в это верить. Он отрицательно покачал головой, потряс корзиной в воздухе и закричал, что рабочий не умер, электрический огонь просто парализовал его, и он единственный от Вади Хальфа до первого водопада, кто может ему помочь...

– Вы что, не слышали, что сказал доктор Хекман? – строго сказала Гелла, прервав это странное представление. – Мужчина умер, и даже вам не под силу его оживить.

Но Кемаль продолжал кричать низким голосом:

– Он не умер, не умер! Электрический огонь только парализовал сына Аллаха!

Доктор Хекман попытался взять ситуацию под контроль, но это ему не удалось. Он лишь привел доктора Хорнштайн в негодование, сказав кузнецу:

– Ну, тогда расскажите мне, как вы собираетесь вывести его из оцепенения.

Кузнец приподнял кустистые брови так, что они образовали два полукруга. Оценив важность момента, он снял с корзины грибообразную крышку.

Показалась плоская голова змеи, тело которой интенсивно раскачивалось из стороны в сторону. Змея зашипела.

– Найа-Найа, – сказал Кемаль, и в его голосе явственно слышалась гордость.

Держа корзину левой рукой, он замахнулся на змею правой, растопырив пальцы. Она вдруг свернулась и исчезла в корзине.

– Найа боится Кемалю, – констатировал кузнец. – Найа сделает все, что Кемаль ей прикажет.

– И для чего вы принесли с собой эту Найу?

Кемаль удивленно таращил глаза.

– Найа оживит мертвого.

– И как же это произойдет? – ехидно произнес Хекман и скрестил руки на груди. Происходящее его явно заинтересовало.

Гелла заметила это и, фыркнув, сказала:

– Вы же не верите байкам этого шарлатана?

– Ш-ш-ш-ш! – Хекман приложил указательный палец к губам и указал глазами на корзину со змеей.

Но Кемаль с улыбкой покачал головой:

– Найа ничего не слышит. Все змеи глухие, а видят они хорошо.

– И каким же образом вы хотите вернуть мертвого к жизни? – повторил свой вопрос Хекман.

Кемаль запустил руку в корзину. Он явно не знал страха и, словно факир в цирке, вытащил рептилию наружу, ухватив ее прямо за голову. Змее, похоже, это не очень понравилось, и она широко раскрыла пасть, так что стала видна бледно-розовая глотка.

– Один укус Найи, – сказал Кемаль и как можно крепче сжал змею, – один укус – и змеиный яд вернет мертвого к жизни. Еще древние египтяне знали

это.

Змея от столь немилосердного обращения так раскрыл челюсти, что они фактически образовали вертикальную линию. Гелла Хорнштайн пронзительно закричала, но больше от злости, нежели от страха:

– Вам же сказали, что мужчина мертв! Он умер, умер, понимаете вы? Ему уже не поможет никакой змеиный яд!

Но Кемаль не сделал и шага в направлении двери, а только развернул змею пастью в сторону ассистентки, чтобы та могла поближе рассмотреть ядовитые зубы и убедиться в правильности решения. Гелла закричала не своим голосом так, что Хекман вздрогнул:

– Хекман, да выведите же этого сумасшедшего отсюда!

Кузнец взглянул на доктора, словно спрашивая, должен ли он подчиниться приказанию.

– Вы же слышали, что сказала доктор Хорнштайн, – сказал Хекман. – Уходите. Поверьте мне: мужчина умер. Мы сделали все возможное.

Кемаль злобно взглянул на Геллу, все еще дрожавшую от волнения. Казалось, из ее темных глаз вот-вот посыпятся молнии. Кузнец, не сказав ни слова, раздраженно засунул змею в корзину, развернулся и вышел, оставив дверь открытой в знак того, что он презирает врачей.

Хекман закрыл дверь.

– Я думаю, – сказал он, – что теперь у вас в Абу-Симбел появился заклятый враг.

Гелла взглянула на него.

– Вы сами-то верите в это надувательство?

Хекман пожал плечами:

– Люди рассказывают о Кемале чудеса...

3

В Абу-Симбел между инженерами и археологами разгорелся серьезный конфликт из-за прорыва дамбы. Возникла опасность, что вода причинит колоссам Рамсеса непоправимый вред. На чрезвычайном заседании, в котором принимал участие и Камински, обе стороны так сцепились друг с другом, что Карл Теодор Якоби, главный директор стройки, которого за глаза называли «профессором», вынужден был призвать к порядку француза Бедо и шведа Лундхольма. Они едва не накинулись с кулаками на доктора Мухтара – египетского археолога.

Лундхольм и Бедо повиновались, но ругались на чем свет стоит. А француз, самый заядлый критик Мухтара, можно сказать, его кровный враг, уходя, так хлопнул дверью, что тонкие стены управления строительством едва не рухнули.

В результате многочасового заседания пришли к выводу, что уже на следующий день нужно откачать воду из лощины. Профессор был целиком на стороне Лундхольма, однако не решился взять ответственность за такой шаг на себя. Он утверждал, что необходимо сыпать еще около ста грузовиков песка, чтобы с уверенностью сказать, что заиливание прошло успешно. Но осуществить это за один день было невозможно. Мухтар же снова и снова повторял, что уровень грунтовых вод поднимется и влага просочится к фундаменту колоссов, вызвав необратимые химические реакции, вследствие которых будут образовываться кристаллы. Рост кристаллов постепенно будет разрушать песчаник – это он, подняв кверху указательный палец, подчеркнул особо.

Сбитый с толку спорами рабочих и археологов, Артур Камински в тот же день приступил к работе. Она заключалась в том, чтобы распилить колоссов и храм, пронумеровать части, погрузить их на грузовик и перевезти в безопасное место, подальше от Нила, после чего выстроить все заново.

Распил храма был, собственно, не в компетенции Камински. Для этого существовали специальные рабочие, так называемые мраморщики, – лихая бригада итальянцев, размеренную беседу которых можно было услышать издалека.

Самая большая проблема, с которой столкнулся Камински, – как закрепить помост, чтобы поднимать отдельные камни. Была идея поднимать их с помощью стальных канатов, но ее категорически отвергли археологи: канаты порезали бы канавы в хрупком песчанике. Теперь задача Камински была иной. Прежде чем вырезать отдельный блок из скалы, его нужно было просверлить сверху и закрепить в нем с помощью искусственной смолы стальной крюк, за который можно будет поднять каменную глыбу.

Прежде чем приступить, Камински разработал детальный план, который включал мельчайшие подробности работ по распилу колоссов. Археологи настаивали на том, чтобы фрагменты были как можно крупнее, мраморщики хотели разрезать как можно мельче: так им проще работать. Камински же нужны были блоки высотой не менее полутора метров, чтобы удалось закрепить на них хотя бы по два крюка. Но это означало, что камни будут большого, порой даже слишком большого веса.

Два дня потребовалось Камински, чтобы согласовать с археологами Мухтаром, Рогаллой и Сержио Алинардо, начальником мраморщиков, линии распи-

лов на четырех колоссах. Когда же на утро третьего дня они собрались, чтобы продолжить работу, между Камински и Алинардо возник спор. Итальянец уже не соглашался с планом работ: камни получались слишком большими, и нужно было заказывать из Италии новое оборудование.

– Так закажи эти чертовы пилы! – Камински был вне себя от гнева.

Алинардо прикрыл глаза рукой – то ли защищаясь от солнца, то ли чтобы придать себе уверенности.

– Слушай, ты хоть понимаешь, что это значит? Пока эти штуки сюда приедут, пройдет три месяца!

– Ха, три месяца! – прыснул Камински. – Насмешил! Да за три месяца мы эти инструменты в Китай доставим!

– Кто это «мы»? – осведомился Алинардо.

– Мы, немцы! – ответил тем же тоном Камински. – Пора бы вам, итальяшкам, уже и за работу браться. Не *siesta! Laborare, laborare*, понимаешь меня?

Вспыльчивый по натуре, Сержио Алинардо принял эти слова близко к сердцу.

Ах, ты говоришь, итальянцы – лентяи, да? А кто за вас в Германии всю черную работу делает?

Мухтар и Рогалла не успели вмешаться: Камински неожиданно получил от Алинардо удар в грудь, не удержался на ногах и упал.

Причем упал неудачно: он ударился затылком о цоколь колосса и на мгновение потерял сознание. Рогалла бросился ему на помощь, но Камински открыл глаза и с трудом сказал:

– Все в порядке. Уже проходит.

Алинардо сплюнул на землю, повернулся и ушел.

Камински бросил ему вслед проклятье, которого ни Мухтар, ни Рогалла не поняли. Он ощупал затылок – вся рука была в крови.

Рогалла, увидев рану, озабоченно сказал:

– Вам нужно к врачу. В пустыне с открытой раной шутить нельзя.

Камински зажал кровоточащее место платком, а доктор Мухтар остановил машину и помог ему забраться в грузовик. Водитель-швед рванул вверх по пыльной дороге на плато мимо управления прямо к трансформаторной станции, где располагался госпиталь.

Это вытянутое двухэтажное здание было самым большим в лагере и походило на Андреевский крест. Оно пользовалось в округе неслыханной популярностью. Случалось, караваны из Судана делали здесь остановку, доставляя какого-нибудь тяжелобольного крестьянина, и норовили расплатиться верблюдом. Но Хекман отказывался брать плату натурой.

Санитар в белом халате провел Камински в перевязочную. Вскоре в дверях появилась молодая женщина. Сперва из-за смуглой кожи и черных волос ему показалось, что она с востока, но вошедшая поразила его фразой на немецком:

– Ну и где у нас болит?

Камински, сидевший в кресле, встрепенулся.

– Вы немка? – спросил он, и на его лице расплылась улыбка.

– Меня зовут Хорнштайн, доктор Гелла Хорнштайн. Я из Бохума, из бохумской клиники.

Камински посмотрел в ее темные глаза: «Ну, долго вы там, пожалуй, не работали». Для должности врача женщина была еще слишком молода, но

прежде всего бросалось в глаза то, что она ослепительно красива. Камински даже забыл, для чего приехал в Абу-Симбел, забыл, что поклялся никогда больше не смотреть на женщин, – по крайней мере, в ближайшие два года.

– Я Артур Камински, – смутился он. – Я живу в Эссене.

Он осекся. Слова «я живу в Эссене» вырвались случайно, они больше не имели к нему отношения. Он вынужден был все бросить и с тех пор чувствовал себя изгоем. Единственное, что у него сейчас было, – это его профессия и поставленная задача. Он должен был победить – проигрывать ему было нельзя.

– Со мной произошел досадный несчастный случай... – попытался он объяснить ситуацию. Рана невыносимо болела.

Доктор осторожно убрала платок и осмотрела голову Камински.

– Болит?

– Нет, не очень, – соврал Камински и невольно поморщился.

Он заметил, что снова играет в сильного мужчину – этот прием, который обычно использовался, чтобы обворожить женщин, ему особенно нравился. Он наслаждался прикосновениями врача, чувствовал каждую подушечку ее пальцев на своей голове.

– Рану нужно зашить, – холодно сказала доктор Хорнштайн.

Эти слова словно пробудили Камински от сладостной дремы.

– Как это... – решительно запротестовал он. – Немного йода – и все пройдет само собой!

Врач взяла два зеркала, одно дала Камински, а второе направила на рану.

– Вот. Сами посмотрите. Рану нужно зашивать...

– А если я откажусь? – перебил ее Камински.

– Это ваш затылок, – рассмеялась врач. Глаза ее засияли, словно заходящее солнце над Нилом. – Я, конечно, не могу вас заставить, но...

– Что «но»?

– Возможно, рана и так затянется, но на этом месте уже не вырастут волосы.

Камински задумался: хоть он и поклялся не иметь дела женщинами, но остался таким же самовлюбленным.

– Ну? – настаивала на своем доктор Хорнштайн, забирая у него зеркало.

В ее голосе явственно слышались властные нотки, и симпатия, с которой Камински отнесся к докторше, рассеялась в тот же миг.

– Вы что, тогда оставите меня здесь? – нерешительно поинтересовался он.

– Нет. Если бы мы оставляли каждого с таким ранением, у нас уже не было бы свободных мест, – улыбнулась она.

Она долго осматривала пациента, потом позвала санитару и велела приготовить инъекцию обезболивающего а она наложит на рану три шва.

Камински отказался лечь на кушетку: сам не знает почему, он снова начал играть в сильного мужчину. Но доктор Хорнштайн уже была готова к этому. Она сделала укол для местной анестезии за правым ухом, где санитар уже выстриг небольшую проплешину вокруг раны.

Сидя в кресле, Камински пытался отвлечься от происходящего. Храмовые колоссы не выходили у него из головы. Перед глазами возникали величественные статуи, с которыми ему придется иметь дело, – гигантские произведения искусства. И это задание невольно вызывало в нем страх. Голова пошла

кругом. Укол начинал действовать. На лбу выступили капли пота. Камински сжал руки, напрягся, пошевелил пальцами ног, чтобы не заснуть. Все было напрасно: блестящий пол под ним начал раскачиваться, словно палуба корабля в беспокойном море. «Только бы не потерять; сознание, – думал он. Он чертовски боялся опозориться. – Бог мой, я должен это выдержать!» Но как только он мысленно произнес эти слова, тело его обмякло и поползло вниз. Он этого даже не заметил и упал бы, если бы доктор Хорнштайн и санитар не подхватили его и не положили на кушетку.

Этот короткий путь от кресла к кушетке Камински видел словно во сне. Его приятно волновало теплое тело докторши, движения ее рук и бедер. Он почувствовал себя хорошо, ощущения приходили извне очень долго. Его затылок наполнился пустотой и онемел. Он не почувствовал, как ему наложили швы. Через несколько минут, когда Камински очнулся, повязка уже была на его голове.

4

В тот день Карл Теодор Якоби, главный директор стройки Абу-Симбел, пролетел на самолете двести восемьдесят километров вдоль Нила в Асуан, чтобы встретиться с министром строительства Египта Камалем Махером и директором строительства дамбы Михаилом Антоновым. Встреча состоялась в старой гостинице «Катаракт» на правом скалистом берегу Нила, с которого открывался потрясающий вид на остров Элефантина, деливший Нил на два русла.

Встреча была назначена давно, а сейчас, после прорыва дамбы в Абу-Симбел, стала особенно актуальна. Якоби считал дату затопления, 1 сентября 1966 года, довольно рискованной. Но прежде чем он успел высказать свои опасения, Антонов сказал, что работы по строительству плотины продвигаются успешно и объект будет готов на три месяца раньше намеченного срока.

– Что это значит? – вскричал Якоби и поправил очки на носу.

Махер, полный лысый мужчина, носивший европейскую одежду, пытался скрыть недостаток волос под феской. Ему было нелегко успокоить Якоби: его плохой английский возымел скорее обратное действие.

– Это значит, – произнес заикаясь египтянин, – что Сад эль-Али[1] подключат к сети на три месяца раньше.

– Но это невозможно! – Немец все больше волновался. – Для чего мы заключаем международные договоры, если вы не в состоянии их выполнить? Я сообщу об этом в ЮНЕСКО! У меня указано 1 сентября 1966 года, и этот срок и останется! Кстати, уже несколько недель мы наблюдаем, что вода поднимается быстрее, чем вы указали в своих расчетах.

Теперь уже и русский включился в дискуссию.

– Герр профессор, – возразил он, повернувшись к Якоби, – эти расчеты устарели, они основаны на планировании канала, по которому мы могли бы сбрасывать ежедневно установленное количество воды, понимаете?

– Я вообще ничего не понимаю! – раздраженно ответил немец.

Махер ответил за русского:

– Антонов имеет в виду, что если бы был обводной канал для сброса лишней воды, не возникло бы никаких проблем. Можно было бы спокойно управлять подъемом уровня воды.

Лицо Якоби приобрело пунцовый оттенок.

– И вы хотите сказать...

Махер кивнул.

– Именно. Мы решили отказаться от постройки канала.

Немец ударил ладонью по столу, медленно поднялся и подошел к окну, скрестив руки за спиной. Выглянул наружу сквозь приоткрытые жалюзи.

Полуденная жара, почти невидимая дымка над раскаленными камнями, пронзительное стрекотание цикад на деревьях. Дурманящий запах экзотических растений проникал сквозь закрытые окна. Разительное отличие от Абу-Симбел, где пахло только песком и пылью.

– Должен признаться, – прервал тишину Михаил Антонов, – мы тоже просчитались с естественным оттоком воды. Он намного меньше, чем мы думали. Эксперты предполагали, что пустыня намного суше. И даже испарения мы не сумели точно подсчитать. Поэтому водохранилище достигнет запланированного уровня на три месяца раньше.

Якоби обернулся.

– Тогда можете забыть об Абу-Симбел! Это невыполнимая задача.

Министр пожал плечами. Казалось, угроза не впечатлила его.

– Каждый день турбины, подключенные к сети, будут давать нам двадцать пять миллионов киловатт. Вы знаете, что это значит для такой бедной страны, как Египет, профессор? Двадцать пять миллионов киловатт!

Услышав эти слова, Якоби потерял контроль над собой и заорал на египтянина:

– А знаете, что потеряет человечество, если Абу-Симбел затонет? Вы хотите прославиться так же, как Герострат, разрушивший храм Эфеса, седьмое чудо света, только чтобы стать известным? Я не хотел бы оказаться на вашем месте!

Камаль Махер порылся в кипе бумаг на столе. Было видно, что в нем закипает злость. Но заметно было также, что он не может достойно ответить немцу.

Якоби понял это и продолжил:

– Хорошо, если люди, радуясь паре миллионов киловатт, вспомнят вас. Но через каких-то пятьдесят лет ваше имя будут связывать только с разрушением Абу-Симбел.

Антонов вопросительно посмотрел на Махера, словно не понял его слов, и произнес извиняющимся тоном:

– Я всего лишь выполняю свой долг...

Махер глубоко вздохнул.

– Вы говорите так, будто я хочу разрушить Абу-Симбел! Это безумие какое-то. Президент Насер запланировал постройку плотины, чтобы поднять хозяйственные отрасли Египта, и храм Абу-Симбел не может стать помехой в строительстве арабского социализма.

– Этого не вправе требовать никто, – возразил Якоби. – Все, о чем я прошу, – это сохранение сроков. Я только надеюсь, что ваши расчеты по строительству плотины впредь будут точнее...

– Вы говорите несерьезно! – возразил Антонов. – Позвольте сделать вам замечание: мы спорим о временном отрезке в три месяца. По моим расчетам, в течение двух лет вполне возможно ликвидировать этот недостаток времени.

Якоби снова поправил очки и ответил:

– Да, Антонов, в обычных условиях мы смогли бы. Но когда возникают такие осложнения...

– Значит, они не должны были возникнуть! Вы обязаны были об этом позаботиться, вы несете ответственность! – И Махер ткнул в Якоби пальцем.

Директор стройки чувствовал себя не в своей тарелке, но ему пришлось сознаться:

– У нас случился прорыв, который отбросит нас как минимум на две недели назад.

– Прорыв? – взвился Камаль Махер. – Как это могло произойти?

– Как это могло произойти? – повторил профессор Якоби, поднимая руки и закатывая глаза, словно базарный фигляр. – А как могло случиться, что неправильно рассчитали испарение воды в водохранилище?

Махер молчал. Антонов тоже не произнес ни слова.

5

Позже – в салоне самолета, летевшего в Абу-Симбел, – Якоби не мог отвлечься от грустных мыслей. После часа полета пилот развернул голубой нос машины на запад под ними заблестела зеленая гладь водохранилища. Заходящее солнце отражалось миллионами солнечных зайчиков. И хотя Якоби был в темных очках, ему все же пришлось прищуриться от яркого света.

Он был один в салоне, но два задних кресла небольшой самолета были так завалены деревянными ящиками и мешками с почтой, что машине в Асуане потребовался намного больший разбег для взлета. Салах Курош, местный пилот которого все звали «the Eagle»[2] за неповторимые фигуры пилотажа, летал по этому маршруту с закрытыми глазами иногда по несколько раз в день.

Он всегда выбирал один и тот же маршрут над водохранилищем, ширина которого увеличилась уже на десять двадцать километров. Но оба берега были все еще видны. Самолет летел низко, на высоте каких-то ста пятьдесят метров, и если встречалось какое-нибудь грузовое судно, то обязательно сигнализировал крыльями.

Садясь в кресло самолета в Асуане, Якоби принял твердо решение бросить эту работу. Его приглашали в Гамбургский университет читать лекции, а теперешнее приключение было ему малоинтересно. Но сейчас, когда самолет, казалось, летел строго на солнце, а вокруг простиралась только вода, небо и пустыня, злость и разочарование рассеялись. И он категорически отверг мысль провести следующие два года в аудитории за лекторской кафедрой.

– Eagle! – попытался перекрыть ревущий двигатель самолета Якоби. – Можешь представить, что все, что мы сделали, – напрасно?

– Как это, профессор? – крикнул в ответ Салах.

– Я говорю, можешь представить, что вода опередит нас?

Курош растерялся. Он задумался над тем, что сказал профессор, потом отрицательно покачал головой:

– Никогда в жизни. Я думаю, каждый, кто работает там, внизу, сделает все возможное, чтобы спасти храм. Они будут делать все и, если понадобится, работать даже в *три* смены. Я в этом абсолютно уверен, профессор.

Три смены! Якоби взглянул на пилота. Если он уговорит людей работать вместо двух смен три, а это двадцать четыре часа вместо шестнадцати, то они могут все успеть. Конечно, это приведет к большим затратам и увеличит расходы. Но об этом Якоби будет думать в последнюю очередь.

Самолет продолжал снижаться. Вода становилась все ближе и ближе. Только теперь можно было заметить, с какой скоростью летит самолет. И вот впереди появилась коса Абу-Симбел.

Это зрелище всегда поражало. После полуторачасового полета над пустынным морем песка вдруг возникало громадное поселение «золотоискателей»: краны, экскаваторы, машины, улицы, дома, палатки и бараки. Все это казалось хаотично разбросанным по пустыне. Салах летел по привычной траектории: со стороны реки, прямо возле храма, так что, казалось, до колоссов можно было достать рукой. Потом он поднимал самолет над громадным лагерем строителей и забирал немного вправо.

Под ними промелькнули антенны радиостанции, баки водонапорной башни и дизельная электростанция, над которой днем и ночью висело сизое обла-

ко выхлопных газов. Пилот направил машину чуть влево и, подняв клубы пыли, приземлился на узкой взлетно-посадочной полосе. Самолет остановился у длинного барака, на крыше которого торчала пара радиоантенн.

Якоби все еще оставался в своем кресле. Он думал. Наконец очнулся и обратился к пилоту;

– Садах, ты прав. Мы не сдадимся, мы продолжим рабы ту. И мы это сделаем!

6

Камински все-таки пришлось провести ночь в госпитале – врач настояла. Правда, его не пришлось долго уговаривать. Но немец обманулся в своих ожиданиях: утренний осмотр провел доктор Георг Хекман – начальник госпиталя в Абу-Симбел. Энергичный мужчина, скрывавший свою неуверенность за высокомерием. Хекман считал, что Камински ночевать в госпитале было вообще необязательно: он мог уйти и явиться только через неделю, чтобы снять швы.

Когда Камински уже собрался, дверь распахнулась и появился Сержио Алинардо с бутылкой виски в руке. Алинардо сказал несколько красивых слов, но не стал рассыпаться в извинениях за вчерашнее происшествие. У него и в мыслях не было так травмировать Камински, и он хотел остаться ему другом. С этими словами он протянул немцу бутылку виски.

Камински не знал, как вести себя в этой ситуации. Подумав, он взял бутылку. А что еще оставалось делать?

– Хорошо. Я не злопамятный.

Его слова обрадовали энергичного итальянца. Он подпрыгнул и ударил Камински по плечу так, что у того разболелась вчерашняя рана.

– Мы, итальянцы, очень вспыльчивы! – закричал Сержио радостно. – Но это» конечно» не оправдание, да?

Вечером он пригласил Камински в казино, чтобы окончательно забыть ссору. И тот согласился. Буйный итальянец оказался не таким уж плохим парнем. И когда Алинардо предложил подвезти его до дома на своем грузовике, немец не стал спорить.

Камински же заметил, что Сержио сказал «до дома». Люди на иностранных стройплощадках и под лопухом чувствуют себя как дома – было бы только где голову приклонить. Алинардо жил в «конюшне»: вытянутое здание, десять комнат справа по коридору, десять – слева. Два туалета, две душевые. Там жили в основном холостяки, у которых не было ни времени, ни желания подыскать себе что-нибудь лучше.

Итальянец быстро вел машину по ухабистой дороге. Голова у Камински болела. Он положил руку на лоб и закрыл глаза.

– Что, голова болит? – поинтересовался Алинардо.

Немец кивнул.

– Знаю верное средство.

– Да? – Камински страдальчески посмотрел на Алинардо, который подпрыгивал за рулем грузовика, пытаясь смягчить удары от выбоин.

– Кемаль, кузнец!

Камински отвернулся. Он решил, что итальянец его разыгрывает, к тому же от жары головная боль становилась невыносимой.

– Думаешь, морочу тебе голову, да? – Алинардо махнул рукой. – Все в Абу-Симбел, у кого болит голова, идут к Кемалю-кузнецу. Египтяне даже поговаривают, что он колдун, возможно, он просто хороший врачеватель, каких много в Африке. Во всяком случае, он может снять любую головную боль за считанные секунды.

– Я не верю во все эти фокусы.

– Я тоже, – согласился Алинардо. – Но я видел это собственными глазами.

– Что ты видел? – настаивал на своем Камински. – Как он кому-то снял боль?

Алинардо поднял правую руку:

– Клянусь! Это случилось с Лундхольмом, шведом. Но, в конце концов, это не мое дело.

Камински припомнил «медикаментозные» снадобья из верблюжьей мочи и фекалий обезьян, которые видел во время своих зарубежных поездок, но даже в крайнем случае не стал бы их использовать.

– Нет, спасибо!

– Тебе стоит на это взглянуть, – возразил итальянец, – Я повторяю, это не мое дело, но тот, кто перенес процедуру, излечивается от головной боли. И восхищается Кемалем-кузнецом.

Слова Алинардо заинтриговали Камински, и он согласился попробовать чудодейственный метод кузнеца. В конце концов ему стало интересно, почему итальянец так загадочно о нем говорит.

Кузнец жил в маленьком квадратном домишке с узкими окнами на улице Веркшоп-роуд. На крыльце, крытом листами жести, ждали ученики врачавателя, там же стояли предметы обихода, сданные кузнецу в починку. Видно было, что стояли они здесь уже довольно долго, потому что успели покрыться толстым слоем пыли.

В тот момент, когда Сержио остановил машину у кузницы, оттуда послышался дикий вопль и наружу выскочил молодой египтянин. Отбежав несколько метров от двери, он остановился, оглянулся и, словно услышав какой-то призыв, пустился прочь так, что пятки засверкали.

Итальянец втолкнул Камински в кузницу, откуда им в лицо ударил горячий затхлый воздух. Кемаль, мельком взглянув на вошедших, продолжал возиться у кузнечного горна.

Кемаль на вид был стар, можно было даже назвать его древним. На нем был кожаный жилет, из которого торчали худые жилистые руки пепельно-серого цвета, словно кузнец никогда не выходил на солнце. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы заметить, что у него только один глаз, по крайней мере, только одним он мог видеть. На втором глазу было бельмо.

– У этого мистера сильная головная боль, – обратился Сержио к Кемалю.

Тот кивнул в ответ. Что это значило, можно было только догадываться. Взмахом руки он указал Камински на табурет у входа.

Камински с опаской повиновался: кузнец все же пользовался определенным авторитетом. Он ожидал, что Кемаль принесет какую-нибудь микстуру и выльет ее ему на голову. Он даже не удивился бы, начни знахарь окуривать его благовониями. Но произошло другое.

Камински будто в столбняке смотрел на Кемалья, который встал перед ним, раскинув руки, как дерево – ветви. В правой он держал короткие кузнечные клещи, в которых был зажат тонкий, раскаленный докрасна гвоздь. Камински не успел понять, что произошло. Ловким движением руки кузнец, прижал раскаленный гвоздь к его макушке. Камински почувствовал, как тонкий металл вошел в кожу головы. По кузнице поплыл удушливый запах горелой кожи и паленых волос. Ему казалось, что гвоздь прожег череп, и отчаянный вопль вырвался из его глотки.

Казалось, Кемаль только этого и ждал. Он прекратил все так же внезапно,

как и начал. Камински бросился наружу. Но едва он увидел солнечный свет, как почувствовал, что от боли не осталось и следа. Он остановился и вытер пот рукавом. Он больше не чувствовал боли, все прошло. В затылке разлилось блаженное спокойствие.

– Ты с ума сошел, – тихо сказал Камински Алинардо, который сопровождал его до машины. И как только залез в кабину, указал пальцем на голову и спросил: – Что там.

– Маленькая ранка, – ответил итальянец, – едва заметная.

И оба рассмеялись.

Алинардо извинился:

– Если бы я рассказал тебе, как Кемаль лечит своих пациентов, ты бы ни за что не пошел, правда?

– Правда, – согласился Камински.

Тряска в тяжелом грузовике больше не действовала ему на нервы. Боль, от которой раскалывалась голова, исчезла.

– С чего это ты начал обо мне заботиться? – неожиданно поинтересовался немец.

Алинардо не спешил с ответом. Потом сказал:

– Наверное, я понял, что неправильно себя вел. Там, у храма. Я знаю, что иногда бываю излишне вспыльчив. И всегда потом жалею о случившемся. Sorry. Мы все здесь просто делаем свою работу, правда? И если не будем сотрудничать, у нас ничего не получится. Я хочу сказать: что смогут сделать лучшие в мире мраморщики, если нельзя будет перевезти блоки, и чего будет стоить вся наша работа, если защитная дамба не выдержит? Вот так-то!

Немец одобрительно кивнул. Они доехали до его дома. Алинардо высадил его у маленького строения, а сам отправился дальше, к «конюшне».

7

В казино на вечеринке, которая ознаменовала конец ссоры, немец и итальянец встретили Лундхольма, пытавшегося установить хорошие отношения с директором стройки.

По правде говоря, все затевалось ради его дочери Евы, Профессор Якоби жил в Абу-Симбел вместе с женой и дочкой, хотя это было не просто не принято, а даже запрещалось фирмой, так как в первые четыре месяца стройки шла напряженная работа. Тогда в лагере не было ни единого существа женского пола. Люди жили в палатках или на скрипучих грузовых баржах. Но с тех пор как появились каменные дома, стали постепенно приезжать семьи. При этом тоже возникли проблемы: так как для жен и детей; не было никаких развлечений, пришлось соорудить для них бассейн. Асуан, ближайший город, находился в трехстах километрах вверх по Нилу, и путешествие туда на корабле занимало около тридцати часов.

Лундхольма встревожила новость, что русские ошиблись в расчетах подъема воды и что водохранилище будет наполняться быстрее, чем ожидалось. Этот факт мог поставить под сомнение успех всего предприятия в Абу-Симбел, если со следующей недели не перейти на режим работы в три смены. Якоби настаивал на этом и завтра же собирался объявить о своем решении официально.

Алинардо закатил глаза, словно святой с иконы, и патетично воскликнул;

– *Madonna mia!* – И добавил тихо, словно «Отче наш»: – И это при таком мизерном окладе.

– Нужно что-нибудь придумать, – вторил ему Лундхольм, – а то рабочие в лагере взбунтуются.

Камински удивленно спросил:

– И что, действительно все так плохо?

– Не так громко! – перебил его Алинардо. – Еще кто-нибудь услышит. А то начнется: вас здесь разбаловали, вы не на курорте.

– И то верно, – заметил Камински.

– Хватит, хватит, – остановил их Лундхольм. – До этого мы выполняли работу лучше, чем нам платили. Правда, положение со снабжением в Египте катастрофическое... – Он прикрыл рот ладонью и тихо добавил: – Могу поспорить, что у Насера ничего не получится с его арабским социализмом. Он больше занят внешней политикой, чем проблемами собственной страны. Его мечта о создании объединенной арабской республики – это просто идея фикс. Сирийцы его снова предали...

– ...а тысячи русских, которых он пригласил в страну, делают все еще хуже. Для них это просто сделка! – возмутился Алинардо. – Советы соблазнили Насера, выделив три миллиарда долларов на строительство Асуанской плотины, процентная ставка – два с половиной. Но ясно уже, что египтяне не в состоянии выплатить этот процент, а о погашении всей суммы и речи не идет. Поэтому русские требуют от Насера чего-нибудь взамен. Поговаривают, что он уже заложил все урожаи египетского хлопка. А все, что страна производит, идет за валюту на экспорт. Нам здесь, на тысячу километров южнее Каира, достаются крохи, а иногда мне сдается, они и совсем могут о нас забыть.

– Ну и ну! – рассмеялся Лундхольм. – Хватит, итальянец, мы уже сыты по

горло.

Алинардо раздраженно ответил:

– Ну да, швед, ты-то наверняка будешь как у Бога за пазухой, а нам как быть?

Он явно намекал на отношения между Лундхольмом и Евой – дочерью директора стройки.

Лундхольм пожал плечами, словно хотел сказать: «Каждому свое». Но промолчал.

Тогда Алинардо ткнул шведа локтем в бок и кивнул в сторону Камински:

– У нашего новенького появилась зазноба!

Лундхольм улыбнулся, бросив взгляд на голову Камински, и ответил:

– Дай-ка отгадаю, как ее зовут! – И, выдержав паузу, продолжил: – Наверное, это доктор Гелла Хорнштайн. Да?

Камински смущенно потупился.

– Вы только посмотрите! – подколот Алинардо. – Да он у нас стеснительный!

Лундхольм покачал головой:

– Ну, это совершенно напрасно. Доктор Хорнштайн – интересная личность, только...

– Только?

– Только я боюсь... – Он склонился над столом и продолжил заговорщическим шепотом: – ...боюсь, что она вообще не женщина.

Вне всякого сомнения, эти слова понравились итальянцу, который просто покатился со смеху. Когда он наконец успокоился, швед продолжил:

– Эта женщина холодна как лед. И даже Алинардо с его итальянским шармом не удалось его растопить. Это никому не удастся, я уверен.

– Кроме того, она еще и левую ногу приволакивает, – добавил итальянец.

– Чепуха! – крикнул Лундхольм, повернувшись к Камински, и заметил ехидно: – Он же итальянец, и ему не верится, что его могли отшить.

Его слова разозлили Алинардо. Он ударил кулаком по столу и закричал:

– Клянусь, докторша подтягивает левую ногу...

Отчаянный выкрик Алинардо услышали за соседними столами. Все повернулись к ним.

Итальянец спас положение только тем, что поднял бокал за здоровье всех присутствующих.

– Наверное, доктор Хорнштайн ни разу в этом казино не была, – к слову заметил Камински.

– Да нет, что ты! – возразил Алинардо. – Она появлялась здесь в сопровождении своего шефа, доктора Хекмана. Но если ты думаешь...

– Да ничего между ними нет! – отрезал швед. – Я думаю, они обсуждали здесь какие-нибудь тропические болезни: к примеру, бильгарциоз и церкариозный дерматит.

Камински удивленно взглянул на Лундхольма: как вообще возможно было произнести такие слова?

– Самые распространенные заболевания здесь, в лагере, – продолжал швед, – и прежде всего среди рабочих. Я знаю, о чем говорю: сам этим переболел. Поначалу мы ходили купаться на реку, там и подцепили эту диковинную заразу. Тогда решили построить бассейн. Теперь вроде все в порядке.

– Да, о женщинах... – резко сменил тему разговора Камински. – Я ими сыт по горло, можете мне поверить.

Он уставился в бокал, словно там отражалось его прошлое. Лундхольм и Алинардо ожидали, что новенький сейчас откроет им душу. Такое бывало с каждым, но в этот раз все сложилось по-другому. Камински просто молча смотрел в свой бокал.

– Да ладно, – попытался приободрить немца Алинардо, – здесь у каждого своя история. Но кто ни разу не падал, вставать не научится, правда ведь?

Лундхольм по-дружески похлопал Камински по плечу и уже хотел распрощаться, как в дверях появились археологи Иштван Рогалла и Хассан Мухтар. Они тут же направились к их столику. Археологи выглядели бодро и радостно пожали руку Лундхольму, поздравив его с успешной ликвидацией прорыва.

Швед довольно улыбнулся: он явно любил комплименты.

– Парни, я просто делал свою работу! – громко сказал он.

Теперь все внимание было приковано к нему.

– Сегодня после обеда мы начали откачивать воду. Если не случится ничего непредвиденного, к завтрашнему утру все уже высохнет.

Присутствующие обрушили на него бурю аплодисментов, пожелали процветания всей шведской нации и Лундхольму в частности. Камински тоже был в восхищении от происходящего. Вокруг царило приподнятое настроение.

8

Недалеко от асуанского вокзала, на улице, ведущей в эль-Дейр, под густой серебристой листвой эвкалиптов прятался небольшой домик. Египтяне называли его «дача»: здесь поселились русские. Кто конкретно живет за высоким решетчатым забором, не знал никто – по крайней мере, никто из жителей Асуана. Над плоской крышей дома были натянуты провода, а торчащая среди деревьев металлическая антенна наводила на мысль, что дом и люди в нем могут иметь отношение к секретной советской службе. Поэтому с ними никто не общался.

В то время по всему Египту работало множество агентов КГБ. Был завербован даже епископ русской православной церкви в Африке – страстный почитатель «Бетховена» и «Пушкина» (не поэта и композитора, конечно, а одноименных марок водки). Были среди агентов КГБ и египтяне, а также греки и французы.

Жак Балое приехал из Тулона. Он был похож на Клода Шаброля. И так же, как у Шаброля, у него изо рта постоянно торчала сигарета. Темные очки в роговой оправе, похоже, хорошо скрывали его внутренний мир. В Абу-Симбел он работал фоторепортером и журналистом, поставляя в газету и информационное агентство материалы о стройке. Раз в неделю Балое ездил в Асуан, чтобы передать снимки и тексты. В лагере он держался особняком, и не только из-за своего нелюдимого характера. Он не знал английского, а об арабском и Речи не было. Его информационное бюро находилось в одном из барачков на Гавернмент-роуд, и его исчезновение никто в Абу-Симбел не заметил.

В Асуане Жак Балое сразу же отправился к дому под эвкалиптами, где ему кто-то невидимый открыл калитку. У вход, ной двери француза встретил русский солдат в серой форме и фуражке с красным околышем. Он бросил взгляд на портфель Балое и проводил его к полковнику Смоличеву. Это был единственный русский, который ему представился, хотя неизвестно, настоящая ли это фамилия. Смоличев был шестидесятилетним мужчиной с седыми волосами и черными как смоль бровями. Он сидел за старым столом, который, казалось, помнил еще нашествие Наполеона, и дымил короткой толстой папиросой. Увидев француза, тут же попытался сделать дружелюбное лицо. Так же повели себя адъютанты и переводчик за столом.

Лоб Смоличева был покрыт крупными каплями пота – утро выдалось жарким и пыльным. Хозяин довольно хмуро поинтересовался:

– Какие новости он привез?

Француз расстегнул сумку, вытащил фотографию и молча положил ее на стол перед русским. В следующий же момент лицо полковника посветлело.

– Хорошо, хорошо, – коротко сказал он и передал снимок подчиненным.

На фото был виден гигантский прорыв у колоссов Рамсеса в Абу-Симбел. Но пока Смоличев с радостным видом рассматривал фотографию, Балое вытащил из сумки следующий снимок и протянул его полковнику. Здесь был показан ликвидированный прорыв. Смоличев, взглянув, передал его дальше и с тем же сияющим видом сказал:

– Понимаю! Было до этого?

Балое замахал руками и попытался объяснить, что последний кадр был сделан всего сорок восемь часов назад.

Когда переводчик передал Смоличеву суть сказанного, тот разбушевался. Он кричал, проклиная резидентуру и всех своих подчиненных, но в конце концов остановился, перевел дух и спросил:

– Как это могло случиться?

Француз молчал: он не знал ответа. Его задача состояла в документировании событий, происходящих в Абу-Симбел, а не в их расследовании. Он и так только сейчас узнал, что русские подкупили египетского рабочего, чтобы устроить аварию в Абу-Симбел.

– Эти черножопые!.. – закричал полковник, что соответствовало американскому слову «нигер». – Черножопые!.. Что случилось?

Один из подчиненных попытался объяснить полковнику, что прорыв был сильным и строительную площадку перед храмом залило водой, но у немцев и шведов отличные инженеры, которые могут справиться с любой проблемой.

– Значит, у великого советского народа, – снова закричал Смоличев, – нет хороших инженеров? Разве не наш летчик, товарищ Гагарин, первым полетел в космос? Разве не советские инженеры запустили первый космический корабль «Восток»? – Полковник явно вошел в раж. – Абу-Симбел – это дело чести. Все остальное – абсолютно второстепенно, товарищи. Нам нет никакого дела до того, что под водой окажется пара камней. Нет, наша задача заключается в том, чтобы сделать Египет ведущей страной арабского мира. У нас повсюду свои люди: среди военных, в редакциях газет, в университетах, даже в партиях. Советские офицеры командуют египетскими войсками, советские инженеры управляют египетскими рабочими. Я считаю совершенно недопустимым, чтобы в этой стране что-то происходило против нашей воли. Несмотря на это, мы проспали Абу-Симбел.

Один из агентов поднял руку, словно хотел что-то сказать, но Смоличев не дал ему и рта раскрыть. Он продолжил, будто возлагая всю вину за случившееся на себя:

– Именно советские люди строят Асуанскую плотину, по масштабам превышающую пирамиды! Но весь мир говорит об Абу-Симбел, где распиливают какой-то храм и переносят его на другое место. И что еще хуже, весь мир говорит об уникальных достижениях западногерманских, итальянских и шведских инженеров! Когда я открываю иностранные газеты, то только и читаю о капиталистических говнюках в Абу-Симбел. И я спрашиваю себя, товарищи, где же хвалебные гимны социалистическим достижениям в Асуане? Где?

Мужчина справа, который и раньше пытался заговорить, наконец перехватил инициативу.

– Это не наша вина, товарищ полковник. Это все из-за него! – И он указал пальцем на Балое. – Это он делает все эти бесконечные репортажи.

– Ерунда! – заорал полковник еще до того, как Балое успел вставить слово в свое оправдание. – Кто мешает ин формационному бюро в Асуане издавать такое же количество репортажей?

– Спрос на репортажи об Абу-Симбел, – осмелился заметить француз, – так высок, что мы, журналисты, уже не успеваем их делать. Это потому, – продолжал он, – что газетчики делают привлекательные проекты, если вы понимаете, о чем я говорю. Плотины по всему миру строятся много, а такого, как происходит в Абу-Симбел, мир еще никогда не видел...

Советский полковник устался в стол. Его густые черные брови нахмури-

лись, вид не предвещал ничего хорошего. Задыхаясь от гнева, он отчеканил:

– Где... товарищ... Антонов?

– Ждет снаружи, – ответил адъютант.

– Пусть войдет!

Через боковую дверь в комнату совещаний вошел русский директор строительства Асуанской плотины Михаил Антонов и приветливо кивнул Смоличеву. Тот сидел напряженно, словно готовясь к прыжку. Возможно, присутствующих не удивило бы, если бы полковник набросился на директора строительства. Но полковник, не глядя собеседнику в лицо, сказал подчеркнуто спокойно:

– Какой идиот так организовал работу прессы на вашей строительной площадке, товарищ Антонов? Назовите фамилии!

Антонов запнулся, и Смоличев заорал:

– Назовите все фамилии!

– Моисеев, Лысенко и товарищ Курянова. Все известные люди, – наконец ответил Антонов.

Полковник Смоличев движением пальца поманил адъютанта и продиктовал:

– Записывайте! Товарищи Моисеев, Лысенко, а также товарищ Курянова предали дело социализма. Они немедленно покидают Египет. Их места после собеседования займут новые люди. А теперь о вас, товарищ Антонов.

Директор строительства, в прошлом неприметный общественник, не особенно боялся полковника КГБ. Своим продвижением по карьерной лестнице он был обязан дружбе с сыном всемогущего Никиты Хрущева. Но ссылаясь на это в крайних случаях, когда разумные доводы не действовали или если чувствовал сопротивление со стороны партийных товарищей.

– Товарищ полковник, – начал Антонов, – отдел прессы, который работает под моим началом, ни в чем не виноват. Моисеев и Лысенко работали корреспондентами ТАСС в Каире и Хартуме, заслуженные журналисты. Товарищ Курянова относится...

– Да, может быть... – перебил Смоличев директора строительства. – Вы заступаете за людей, и это характеризует вас положительно, только... это все не *ваши* люди, товарищ.

– Не мои люди? Что это значит?

– Не стройте из себя идиота!

– Я вас не понимаю.

Полковник, улыбнувшись, откинулся на спинку кресла. – Вы никогда не задумывались над тем» кто предоставляет сотрудников для вашего информационного бюро? – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Вы знаете, что все корреспонденты ТАСС – агенты КГБ. Иначе они не были бы корреспондентами ТАСС.

Полковник затрясся от смеха, и его брови превратились! в два черных полумесяца.

Глядя на смеющегося Смоличева, Антонов заявил:

– В этой истории еще не поставлена точка. Сейчас я не буду протестовать, но пожалуюсь в другие инстанции.

– Да делайте что хотите! – ответил полковник с ноткой упрека в голосе. – Жалуйтесь хоть самому первому секретарю КПСС. – Он явно намекал на связи Антонова.

– Зачем, собственно, меня вызвали? – закрыл неприятную тему Антонов. – У меня были переговоры с египетским министром строительства Махером и Якоби из Абу-Симбел...

– Ну не тяните уже, говорите, товарищ. Вы выполнили поручение?

Антонов кивнул.

– Советские люди делают все для победы социализме над капиталистическим Западом...

– И товарищ Якоби поверил?

– Герр Якоби поверил. А что ему еще оставалось делать? Западные немцы сейчас под чудовищным давлением, потому что вода поднимается намного быстрее, чем предполагалось. Они отстают от сроков. По моим расчетам, они должны сдать или...

– Или?

– Или у капиталистов есть еще козыри в рукаве. В любом случае ситуация очень удачная для того» чтобы толковые инженеры великого Советского Союза принялись за работу в Абу-Симбел.

– Хорошо, хорошо.

Полковник Смоличев постукивал костяшками пальцев по столу. Он думал.

– Вы слышали» товарищ, что наш удар по защитной дамбе в Абу-Симбел не удался?

– Нет, я не в курсе! – удивился Антонов.

– Вот! – Полковник протянул директору строительства фотографии Балое. – Вода уже прорвалась к храму, но капиталистическим говнюкам удалось засыпать прорыв и откачать воду. Я думаю, следует предпринять что-то еще.

Телефон на столе призывно звякнул, Смоличев поднял трубку, сказал «да», после паузы еще раз «да». Положил трубку, поднялся, ударил по столу кулаком и приготовился сообщить что-то важное.

– Товарищи, из Москвы сообщают, что Никита Сергеевич Хрущев снят с должности на заседании Центрального комитета КПСС. На посту председателя Совета Министров его сменил товарищ Косыгин. Первым секретарем ЦК КПСС стал Леонид Ильич Брежнев.

Люди в душной приемной словно приросли к полу. Только француз Балое, казалось, не понял важности сообщения. Он вопросительно смотрел на присутствующих, но никто не решался взглянуть ему в глаза. Антонов стоял мертвенно бледный. Он особенно тяжело переживал это сообщение.

– Как такое могло произойти? – спросил он, повернувшись к Смоличеву. – Вы знали об этом, товарищ полковник?

По хмурому лицу Смоличева скользнула циничная ухмылка. Потом, словно он молниеносно осознал все преимущества и недостатки случившегося, его улыбка переросла в глухой раскатистый хохот, и Смоличев сквозь смех сказал:

– Я пока воздержусь от комментариев. Но глава правительства, который перед всем миром, стоя на трибуне, стучит по ней башмаком, чтобы придать вес словам, явно упустил свой шанс. С тех пор на этого клоуна никто не обращал внимания, даже Запад. Он раструбил всем, что великий Советский Союз отказывается от шпионажа. При этом каждый ребенок знает, что у нас есть свои люди во всех западных правительствах, партиях и исследовательских институтах. Американцы обнаружили на своей подлодке шпиона, Нельсона

Драмонда, и осудили его на пожизненное заключение. Шведы так же поступили с Эриком Веннерштремом. Англичане нашли Владимира Соломатина. А товарищ Хрущев утверждает, что советских шпионов нет. Вы, вы и вы... – он ткнул пальцем. – Вас тоже никогда не было и сегодня не существует!

Шутка подняла настроение. Михаил Антонов начал первым:

– Говорил Никита Сергеевич правду или нет, безразлично, товарищ полковник. Важно то, что его высказывание было в интересах Советского Союза.

– А вот как раз наоборот! – выпалил Смоличев.

Он ударил кулаком по столу и закричал:

– Наоборот, товарищ Хрущев навредил этим Советскому Союзу. Он нас, КГБ, сделал посмешищем перед всем миром. До такого человека, как Кеннеди, Хрущев вообще не дорос.

Глядя в потолок, где вентилятор коричневыми лопастями молотил горячий воздух, Антонов думал. Он должен был сдерживаться, чтобы не рассмеяться. Слов Смоличева еще вчера было достаточно, чтобы на всю жизнь упечь полковника в какой-нибудь далекий сибирский лагерь, и это в лучшем случае. Возможно, его сразу бы расстреляли или подстроили автомобильную аварию со смертельным исходом. Он, Антонов, и раньше едва ли мог перечить всемогущему полковнику Смоличеву. А теперь-то и подавно.

Смоличев вытащил из стола бутылку водки. Прислуга принесла поднос с рюмками. Полковник налил их до краев.

– Мы пьем за великий Советский Союз, – сказал Смоличев и выдержал паузу. – За товарища Косыгина и товарища Брежнева!

– За здоровье!

Полковник КГБ поднял бокал.

– Антонов, – сказал он, обратившись к директору строительства, – все останется, как я сказал: товарищи из вашего информационного бюро поедут назад в Советский Союз. Жалобы можете писать позже. Если хотите, прямо в Москву. – И он ядовито улыбнулся.

9

У причала новой плотины стоял корабль «Нефертари», доставлявший про- довольствие. Он был готов к отплытию в Абу-Симбел. Это путешествие вверх по Нилу занимало добрых тридцать часов. Нос и рубка корабля были за- гружены ящиками, набитыми запчастями, консервами и напитками. В желез- ном садке раскудахтались куры. На корме, на деревянных скамейках, разме- стились немногочисленные пассажиры, которым предстояло утомительное путешествие. Оба самолета, обслуживавшие совместное предприятие «Абу- Симбел», смогли взять на борт только восемь человек.

Египетский матрос растянул на железных шестах палубный тент. Штур- ман, он же капитан «Нефертари», худощавый нубиец с пухлыми губами и се- роватой кожей, все пытался настроить радио, крича слово, похожее на «алло», и ударяя микрофоном о боковое стекло рулевой рубки.

В конце концов он сдался и затеял дискуссию с матросом, единственным членом команды, сопровождавшуюся живописной жестикуляцией. Они яростно спорили об отправке корабля, которая снова задерживалась, и уже на- долго. Но что вообще могло идти по плану в этой забытой Богом жаркой стра- не!

Вдруг из желтого пыльного облака вынырнул джип с надписью «Совмест- ное предприятие». Из машины выскочил француз Жак Балое с парусиновой сумкой оливкового цвета. Он бросил ее на лавку, а сам уселся рядом. «Нефер- тари» отчалила.

На борту были семеро египтян в длинных белых одеждах, которые молча смотрели на воду и безучастно перебирали пальцами жемчужные четки. На самой последней скамейке, прямо над корабельным винтом, сидела женщина в парандже. Это почему-то никого не удивляло, хотя в Абу-Симбел женщин было немного. Но египтянка, да еще и путешествующая одна, – это было край- не странно. Балое удивленно поднял брови, но остался на месте.

После продолжительного разговора с полковником он не был настроен на светскую беседу. Балое облокотился о борт, подложив под спину сумку, так что у него появилась возможность вольготно протянуть ноги на лавке.

Запруженный Нил отливал бирюзой. Вода искрилась всеми оттенками ра- дуги, а ярко-белые пески берегов слепили глаза. Француз набросил на голову платок и задремал. Иногда он на ощупь доставал флягу из сумки, делал пару глотков и снова начинал клевать носом. Через час он крепко заснул.

Когда Балое проснулся, над бескрайним водохранилищем уже сгущались сумерки. Берега почти не было видно, и скоро он вообще скрылся из виду за водной гладью. Приятное тепло сменило невыносимый дневной жар. Под па- русиновым тентом над головой мерно покачивалась керосиновая лампа, рас- сеивающая желтоватый свет. Египтяне спали на лавках, прислонившись друг к другу. Женщина в парандже все так же сидела на своем месте. Она не спала.

Балое перегнулся через спинку скамейки и обратился к незнакомке по- французски:

– Вы же не египтянка, хотя и так одеваетесь!

Женщина сняла чадру и ответила ему тоже по-французски, причем без про- винциального акцента, который был у Балое:

– А вы не парижанин, мосье! – И поскольку пораженный француз не смог

ничего та это ответить, спросила: – А как вы догадались?

– Египтянки никогда не путешествуют в одиночестве, они не настолько эмансипированные.

– Мосье, за кого же вы меня тогда принимаете? – рассмеялась дама.

– Если я не ошибаюсь, вы француженка!

– Угадали.

– А откуда?

– Париж!

Оба на мгновение задумались, о чем могут спросить друг друга. Женщина сообразила быстрее:

– А зачем вы едете в Абу-Симбел?

Балое с удовольствием сам задал бы этот вопрос, но его опередили.

– Я работаю в Абу-Симбел. Возглавляю информационное бюро.

У незнакомки вырвалась фраза, которой Балое не понял, но которая, без сомнения, была сказана по-русски. Француз заинтересовался:

– Что вы сказали, мадам?

Она испуганно прикрыла рукой рот. Балое взглянул ей в лицо. Незнакомка не была красавицей, но, как он успел заметить, весь ее облик излучал странную притягательную силу.

– Что вы сказали? – повторил француз.

Женщина испуганно посмотрела по сторонам, словно этим вопросом ее загнали в угол. Казалось, она не решается ответить.

– Вы должны меня извинить, я солгала, – наконец ответила она. – Я не француженка, я русская.

– Русская? Вы разговариваете по-французски лучше любого иностранца, которого я когда-либо встречал.

– Я прожила в Париже десять лет.

Балое взглянул на нее, не веря своим глазам. Ситуация была не совсем ясна.

– Я работала секретарем пресс-атташе в советском посольстве.

– Ах вот оно что...

– Да. А в Асуане я работала в информационном бюро в рамках проекта постройки плотины.

Балое не проронил больше ни слова. Он только еще раз взглянул на женщину, пытаясь разобраться, в чем дело: «Может, меня проверяет КГБ? Возможно, все спящие мужчины – наемные убийцы?» У Балое на спине выступил пот, но он старался держать себя в руках.

– Вы, конечно же, этого не ожидали, – сказала русская.

– Да, – ответил Балое, – этого я точно не ожидал.

– А вы? Я имею в виду, что вы делали в Асуане?

Француз выдавил из себя улыбку и невнятно ответил:

– Да, знаете, собственно... то же, что и вы... Кстати, меня зовут Жак Балое, я родом из Тулона.

Балое интересовало, что же все-таки она о нем знает. А Рая Курянова в этот момент размышляла, можно ли довериться этому французцу. Каждый, у кого в советском посольстве была ответственная должность, должен быть настороже.

Чтобы как-то заполнить паузу, Балое спросил:

– А для чего вы едете в Абу-Симбел?

Рая смотрела то на спящих мужчин, то на Балое. Наконец она сказала шепотом:

– Мосье, вы должны мне помочь! Прошу вас, помогите!

Балое не знал, что делать. Он кивнул. Все это становилось еще более таинственным. Чего русская хочет от него?

– В общем... – начала она, запинаясь и глядя перед собой на струганные доски палубы, – в общем, я должна была бы уже лететь на Ил-28 в Москву. Я... – она посмотрела французам в глаза, – я работала на КГБ. Все русские, занимающие высокие должности, сотрудничают с КГБ. Я не оправдала возложенных на меня ожиданий. На их профессиональном языке это называется «саботаж». А что ожидает саботажника в Советском Союзе, надеюсь, вам не надо рассказывать.

Последние слова Рая произнесла так тихо, что Балое едва их разобрал. Он увидел, как у нее дрогнул уголок рта.

– Пожалуйста, помогите мне! – умоляла русская.

Балое все еще не был уверен, что это не ловушка. Ему самому следовало опасаться длинных щупалец КГБ. Он колебался, не рассказать ли ей правду, но решил сдержаться.

– Я восхищаюсь вашим мужеством, – сказал он. – Всему миру известно, что русские делают с перебежчиками. Они не успокаиваются, пока не достигнут их хоть на краю света.

Рая горько улыбнулась.

– Я знаю. Но пусть лучше у меня будет хоть какая-то надежда, чем ее не будет вовсе. Перед тем как исчезнуть я пустила их по ложному следу.

Балое вопросительно посмотрел на нее.

– Я не хочу сейчас об этом говорить. Не теперь. Все, что мне нужно, – это прибежище на пару дней, может быть, пару недель. А там посмотрим. Я свободно владею парой языков. Может быть, я смогла бы устроиться в Абу-Симбел. Как вы думаете?

Француз пожал плечами. Безусловно, Рая Курянова смогла бы найти работу. Но Балое думал о том, что произойдет, когда русские попросят его разыскать их пропавшего агента. От этой мысли ему стало не по себе. Он вообще-то пока не задумывался над тем, что будет, если в один прекрасный день он откажется работать на КГБ. «Бог мой, во что я влип!»

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – прервала молчание Рая. – Вы спрашиваете себя, что заставило меня связаться с КГБ. – Она глубоко вздохнула.

– Да, именно над этим я и думал, – соврал француз. – Ведь у такой женщины, как вы, есть множество других возможностей...

Рая встрепенулась:

– Пожалуйста, не надо фраз, мосье! Я и так оказалась в дурацком положении. Но отвечу на ваш вопрос: КГБ использует страшные методы, чтобы заставить человека работать. Они предпочитают людей, с которыми судьба или природа сыграла злую шутку...

Балое почувствовал, что это как раз о нем. Слова Раи попали в цель. Хотя он и не очень страдал от того, что похож на гнома, но в жизни был неудачником и никогда не мог с этим смириться. Это, наверное, и послужило причиной того, что он попал в сети КГБ. Когда принадлежишь к опасной и могуществен-

ной организации, появляется чувство власти над людьми, осознание, что другие тебя просто недооценили. Вот что доставляло ему истинное удовольствие, а вовсе не деньги, которые он получал за выполненную работу.

«Природа, может, здесь и ни при чем...» – подумал Балое, рассматривая русскую. Она, казалось, читала его мысли.

– Нет, нет, – поторопилась она объяснить, – просто мне очень не повезло в жизни.

– Сожалею, – холодно ответил француз.

И Рая Курянова незамедлительно начала рассказывать.

– Я была замужем за химиком. Я поняла, как сильно его любила, только когда потеряла.

– Он вас бросил?

– Можно сказать и так. – Рая горько улыбнулась. – Когда он уходил утром, то сказал: «До вечера». Но так и не вернулся... Он умер на рабочем месте.

– Как это?

– Двое сотрудников МВД сообщили вечером, что мой муж умер от сердечной недостаточности. Вот так. Сначала я поверила в это... А что мне еще оставалось делать? Факты говорили сами за себя. Но чем была вызвана эта сердечная недостаточность, мне никто не сказал. Я только потом это узнала от его коллеги, который вскоре бесследно исчез. Мосье, что это за мир?! – Рая едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

После паузы она продолжила:

– Муж никогда ничего не рассказывал о своей работе. Он говорил только, что его задача – смешать две химические субстанции так, чтобы получилась третья. В действительности он работал в особом отделе КГБ.

– В особом отделе?

– Особый отдел был создан для проведения специальных операций в мирное время: акты саботажа и покушения на общественных деятелей. В особом отделе была камера-лаборатория, в которой разрабатывались изощреннейшие способы убийств...

– ... и в этой лаборатории работал ваш муж?

– Да, именно там. Он исследовал яды, которые вызывают остановку сердца и которые нельзя обнаружить, – имитация естественной смерти. Позже я узнала, что он экспериментировал с субстанциями, против которых не было противоядия. Они были настолько опасны, что одного лишь попадания их на кожу было достаточно, чтобы парализовать человека. Самое опасное вещество называлось КУР-3. Но зачем я вам все это рассказываю?

Балое смотрел на Раю. Откровенность русской тронула его. В этой ситуации он чувствовал себя последним подонком, потому что у него не хватило смелости рассказать, кто он такой на самом деле. Один Бог знает, как он ненавидел свою подлость, свою непонятную трусость, которая в конце концов и затащила его в сети КГБ. Он сам себя ненавидел. И эта ненависть к себе была сильнее ненависти к другим. Потому что она не находила исхода – это был замкнутый круг. И именно она заставила его забыть о хладнокровии.

Озеро раскинулось черным гладким зеркалом, по которому «Нефертари» устало скользила на юг. На одной из скамеек египтянин, всхрапнув, повернулся на другой бок.

Так за разговорами и в полудреме прошла почти половина пути в Абу-Сим-

бел, как вдруг штурман включил сирену. Египтяне вскочили и громко загалдели, но штурман указал на двигавшуюся им навстречу грузовую баржу. Издалека можно было видеть, что груза у нее на борту нет. Она возьмет его в Асуане. Моряки предпочитали идти ночью из-за дневной жары. Баржа ответила глухой сиреной, звук которой рассеялся над водой, и корабль растворился в темноте.

Балое стоял на корме «Нефертари» и смотрел на удалявшиеся габаритные огни баржи, пока они не исчезли из виду. Незнакомая женщина только что рассказала ему о своей жизни, а он сам сказал ей пару общих фраз. Он опасался, что Рая Курянова после молчания в свою очередь задаст ему вопрос: «А что случилось у вас, какие обстоятельства забросили вас на край света?» Но Рая молчала. Она так долго молчала, что он обернулся к ней.

Она вытирала слезы рукавом своего белого платья.

– Я не знаю, что мне делать, – тихо сказала она.

Чтобы хоть как-то сгладить неприятную ситуацию, он спросил:

– У вас совсем нет багажа?

Рая отрицательно покачала головой.

– Я не хотела вызывать подозрений. Действовать надо было быстро. У меня не оставалось другого выбора.

– Хм... – пробормотал француз, покусывая сигарету. – Это осложняет дело. Женщина, словно из-под земли возникающая в Абу-Симбел... Да еще и без вещей... Что бы вы сами об этом подумали?

Девушка пожалала плечами.

– Вот именно! – сказал Балое.

Он повернулся и посмотрел в темноту. С чего же начать? Сказать правду в Абу-Симбел было для него слишком опасно. Он должен найти другой путь, причем убедить Раю, что этот путь верный. Его мысли прыгали, словно кости в нардах, ища подходящую комбинацию. Как избавиться от этого нежелательного знакомства? Вокруг только бескрайняя вода и одинокий корабль, идущий прямым курсом...

В следующую секунду Балое вновь вернулся к реальности. Рая перегнулась через перила и сделала глубокий вдох, будто готовилась к прыжку. Балое бросился к ней, схватил за руку и произнес, сам себе удивившись:

– Не делайте этого. Из любой ситуации есть выход.

– Вы думали, я собралась прыгнуть в воду? О нет! – Она попыталась улыбнуться. – У казаков есть поговорка: не садись верхом, коли в седле не усидишь. Я когда-то начала заезд. И я все еще в седле.

Ее голос звучал спокойно, и француз отпустил руку. Его охватил стыд за то, что он претендовал на роль спасителя человеческой жизни.

Они сели на последнюю лавку и уставились на корабельную палубу. Рая вновь заговорила:

– Вы, западные люди, мягкотелые, быстро сдаетесь. Научить бороться может только социализм.

Балое, сам не зная почему, не решился возражать. Поведение Раи противоречило здравому смыслу. Но что отвечало здравому смыслу в социализме, кроме основной идеи? Было ли его поведение адекватным поведением, как выразилась Рая, «западного» человека? На его лице промелькнула тень улыбки, и Рая, хотя и не смотрела в его сторону, сразу сказала:

– Вы не верите мне, мосье! Что ж, хорошо. Поймите меня правильно, я не против социализма. Я поняла это, когда была за рубежом, но, боюсь, в гонке за мировое господство Запад проиграет.

«Странно, – подумал француз, – вначале эта женщина, рискуя головой, бежит от секретной советской службы, а потом воспекает социализм!» И у него закралось сомнение, а не удачная ли это провокация советских спецслужб? Уж не держит ли его сейчас на прицеле КГБ?

Несмотря на обоюдное недоверие, они разговаривали всю ночь, иногда забываясь сном. Примерно в районе Куруску, которое теперь было затоплено водохранилищем, восток окрасился бледно-голубым, потом желто-красным цветом. Зарождался новый день. Здесь, в самой южной части изгиба Нила, река постепенно сужалась, берега были изрезаны фьордами. Почти полностью затопленные верхушки пальм торчали из воды, раскинув изогнутые руки-ветки, словно водяные растения.

С восходом жизнь возвращалась к спящим египтянам. Самый старший опустил ведро на веревке в воду – каждый день у него начинался с омовения. Потом они вместе обернулись к восходящему солнцу, чтобы совершить намаз. На рынке в Асуане Балое купил пару невзрачных на вид бананов, которые оказались очень сладкими. Один он предложил Рае.

На какое-то время русская исчезла с палубы. Когда она снова появилась, на ней была уже европейская одежда – блузка цвета хаки и мятая юбка.

– Это я нашла внизу, – сказала Рая, подходя к Балое. – Думаю, это лучше, чем появиться в Абу-Симбел в прежней одежде. – И она указала на свернутый узелок под мышкой.

Штурман разнес чай в маленьких стаканчиках. И хотя Балое опасался, что кипятки готовят из нильской воды, он все же взял напиток. Рая отказалась.

– Ну, на чай это похоже... – скривилась она. – А как на вкус?

– Неплохо, – ответил француз. – Только не надо задумываться, откуда они берут воду.

Египтяне так раскричались, что европейцам пришлось постараться, чтобы слышать друг друга. Балое, придавая словам особое значение, сказал:

– Я еще раз все обдумал. Мы должны сохранить ваш приезд в тайне. Правда вызовет в Абу-Симбел сильное беспокойство. Как бы вы реагировали, если бы вам навстречу вышла женщина, утверждающая, что сбежала от русских?

Рая беспомощно смотрела на него.

– Да, вы правы, мосье. Но что же мне делать?

– Доверьтесь мне! – самоуверенно ответил Жак Балое.

У него созрел план.

10

Камински быстро прижился в Абу-Симбел. С людьми он ладил хорошо хотя бы потому, что был таким же, как все; потому, что нехватка времени делала общение с ними проще; потому, что здесь он мог достичь того, чего хотел, – забыть прошлое. Ему неожиданно помогло дружеское расположение итальянца Сержио Алинардо. Их часто можно было встретить вдвоем. Это даже бросалось в глаза.

Именно Сержио в какой-то степени помог ему познакомиться с доктором Хорнштайн. Несмотря на привлекательную внешность, она была холодна как рыба и ни одному человеку в этих жарких тропиках не удалось растопить ее сердце – даже великолепному доктору Хекману, директору госпиталя, который с подозрением следил за каждым ее шагом, будучи не в состоянии и на йоту приблизиться к цели.

Камински надеялся, что в Абу-Симбел сможет забыть о женщинах и вообще не касаться этой темы. Он не ожидал, что столкнется здесь с существом женского пола. И еще больше был удивлен, увидев Геллу Хорнштайн.

Что именно привлекало его в этой женщине, несмотря на принятое решение, Камински не мог объяснить. Даже внешне доктор не отвечала его представлениям об идеале женщины. Она была плоскогрудой, что Камински называл «мужизмом», и при этом все равно симпатичной. Несмотря на моду, она стриглась коротко, что вообще было ему не по душе. Может, ему как раз и нравилось некое «омужествление» ее образа: низкий хриплый голос и неприступность? «Хорошо бы обнаружилось небольшое осложнение, когда я пойду снимать швы. Тогда повторные обследования были бы просто необходимы». Но все напрасно. Договор как-нибудь при встрече продолжить разговор о ее родном городе Бохуме так и не был выполнен.

Шли дни, а встречи все не было. В казино, где он с Алинардо и Лундхольмом проводил большую часть свободного времени, велись те же разговоры, что и две недели назад. На Камински навалилась тоска, с которой он уже познакомился на строительных площадках в Персии и Индии.

Однажды вечером (у Алинардо как раз была вторая смена) Камински через окно увидел нарядно одетых людей, направляющихся в казино. Он слышал, что такое случается только по большим праздникам, таким как Пасха или Рождество. Не видя особой причины для изменения стиля одежды, он все же вытащил из чемодана серый пиджак, галстук и белую рубашку.

Похоже, он опоздал, потому что, когда вошел, свет не горел. Еще больше Камински удивился, увидев мерцание кинопроектора и кадры цветного кинофильма на натянутом белом полотне. Названия он так и не вспомнил (речь шла о женщине и двух мужчинах), хотя произошедшее тогда в казино врезалось ему в память. Сев на свободный стул, рядом он увидел Геллу Хорнштайн. Пленку явно демонстрировали неоднократно, картинка сильно рябила, будто шел проливной дождь, но Камински это мало заботило. Краем глаза он наблюдал за сидящей рядом женщиной. В момент, когда по сюжету язычник или какой-то сектант вольной профессии и деревенский учитель сели друг напротив друга и начали спор о человеческих отношениях, доктор указала пальцем на экран и прошипела:

– Там играет музыка, Камински!

Камински почувствовал, что его накрыли с поличным. Возможно, он даже покраснел, но, к счастью, в темноте никто этого не увидел. Она же заметила.

После фильма Камински пригласил Геллу Хорнштайн выпить, но она отказалась. Собственно, он и не ожидал другого ответа. Тогда он предложил проводить ее домой и уже готовился принять очередной отказ, но Гелла неожиданно согласилась, сказав, что ночью по лагерю бродят дикие собаки.

Ночь пробудила романтические чувства даже в таком закоренелом инженере-строителе, как Камински. Никогда еще он не видел такого глубокого звездного неба, как в Абу-Симбел. Казалось, на нем вдвое больше звезд и светят они в два раза ярче. словно прохудившийся брезент палатки, сквозь который пробивается яркое солнце, растянулось небо от края до края земли. Было тихо. И только иногда из-за холма, со строительной площадки долетали звуки работающих экскаваторов и бульдозеров. Грузовик проехал до перекрестка и свернул к поселку рабочих. Слышно было только подвывание и лай диких собак, шнырявших от дома к дому и выискивавших объедки. Столбик термометра не опускался ниже тридцати градусов, но по сравнению с пятьюдесятью днем люди воспринимали это как прохладу. Сначала Камински и Гелла Хорнштайн молча шли рядом, ориентируясь по светящейся трансформаторной станции. По сравнению со звездами свет от придорожных фонарей казался блеклым. Гелла шла, заложив руки за спину, – так она казалась еще неприступнее. Камински вспомнилась школьная учительница, которая диктовала им тексты, стоя в такой же позе. Вдруг Гелла Хорнштайн заговорила, двигаясь вперед, словно лунатик, и не отводя глаз от неба:

– Славься, глаз Хора, красотой своей озаряющий рождение новых богов, когда восходишь на восточном небе.

Камински остановился, вслушиваясь в ее слова. Он не поверил своим ушам, когда его спутница продолжила:

– Изида, сестра твоя, восходит к тебе, радуясь любви твоей, о светящийся Хор. Но ты оставляешь ее сидеть на своем фаллосе, и твое семя проникает в нее... – Она повернулась к Камински и спросила: – Я вас случайно не напугала?

– Да нет, что вы, – запинаясь, ответил Камински. – Я вас внимательно слушал. Звучит очень поэтично.

Эта странная женщина вдруг переменилась. В одно мгновение ее холодность пропала, серьезность сменилась раскованностью, а самоуверенность превратилась в дружелюбие.

– Это стих из египетской «Книги мертвых», – произнесла доктор, и Камински впервые увидел, что она улыбнулась. – Ему более трех тысяч лет.

– Поразительно! – сказал Камински, чтобы хоть как-то поддержать разговор. – Вы интересуетесь египетской историей?

Доктор Хорнштайн наверняка услышала вопрос, но не ответила на него. Запрокинув голову, она испуганно посмотрела на небо.

– Древние египтяне верили, что звезды на ночном небе – это души бессмертных богов. Они кружатся в вихрях Млечного Пути, в бесконечном космосе...

Камински смотрел вверх и все удивлялся светящимся осколкам звезд.

– Красиво сказано, – заметил он на этот раз абсолютно искренне. – И много вы о древних египтянах знаете? Я не знаю почти ничего.

– Жаль, – ответила Гелла Хорнштайн.

Но ее голос не звучал разочарованно. Она восприняла его слова скорее как просьбу рассказать что-нибудь еще.

– Раньше люди этой страны верили, что человек рождается на восходе и его души плывут по небу на запад, следуя за солнцем, пока не попадут во мрак и не примут другой облик. Поэтому гробницы и заупокойные храмы строились на западном берегу Нила.

Камински задумался.

– Абу-Симбел находится на западном берегу, но Рамсес не похоронен в нем.

– Правильно, – ответила доктор, – но на это есть свои причины. Пойдемте, уже поздно, я хочу домой.

Камински не понял, из-за чего у Геллы Хорнштайн так быстро менялось настроение. Он вообще не понимал эту женщину, но вел себя так, словно не замечает всех этих странностей. Поэтому он послушно отправился за ней, как преданный пес.

Камински понимал: несмотря на все клятвы и обещания, он хочет, чтобы эта женщина была его, должна быть его, чего бы это ни стоило! Он, конечно же, нашел массу положительных черт в Гелле Хорнштайн. В следующий момент его посетило болезненное, щемящее чувство, что здесь, в пустыне, его вновь настигнет прошлое.

Они молча подошли к низкому каменному дому Геллы. Его крыша представляла собой три небольших каменных купола – гениальное изобретение, уменьшавшее нагревание помещения. Доктор Хорнштайн жила с двумя медсестрами и санитаркой из госпиталя. Дом располагался всего в двух шагах от работы. Он был огорожен невысокой стеной из песчаника, положенного один на другой без раствора и защищавшего от песка, который стлался поземкой при малейшем дуновении ветра, словно снег в горах.

– Камински!

Камински ненавидел, когда с ним разговаривали таким тоном, но сдержался, чтобы не нарваться на высокомерие. В конечном счете, учительский тон вполне подходил к обычному образу Геллы Хорнштайн. Но ведь он видел в ней абсолютно другую женщину...

– Видите, вон там! – Повернувшись лицом к освещенному входу в дом, она схватила Камински за руку.

На песке неистово, будто в предсмертных конвульсиях, извивалась громадная змея толщиной в руку. Когда клубок развязался, Камински увидел, что пасть у змеи широко открыта, так широко, что, казалось, вот-вот разорвется. Оттуда торчала задняя часть рыже-белой кошки. Можно было различить лапки и хвост, и при каждом удушающем движении в пасти чудовища исчезала пара сантиметров тела жертвы.

– Прочь! – Гелла подняла шум.

Камински сообразил, что змея поймала домашнего зверька. Он не понял, как все произошло, но Гелла вдруг оказалась в его объятьях и прижалась к его груди.

– Прочь! – Она все кричала.

Камински хотелось, чтобы это случилось при других обстоятельствах. Сейчас он ничего не испытывал от такого сближения, скорее хотел высвободиться из объятий. Но что-то подобное должно было произойти...

– Оружие! – закричал Камински. – Есть у кого-нибудь оружие?

Гелла растерянно пожала плечами.

– У вас есть топор?

На крик из соседнего дома прибежал слуга-египтянин. Он испуганно посмотрел на змею, потом на Камински и сказал:

– Нож, мистер! – И руками показал длину ножа.

– Хорошо! – крикнул Камински. – Тащи сюда! Только живо!

Слуга помчался к дому и через минуту вернулся с огромной кривой саблей, какую можно купить на любом арабском рынке. Камински, схватив саблю обеими руками, уверенно, но осторожно приблизился к змее. Она еще извивалась, из пасти торчал кошачий хвост. Отвратительное зрелище!

Камински поднял саблю над головой и одним сильным ударом разрубил змею пополам. Брызнула кровь, окрасив пыльную землю в темный цвет. Из одной змеи получилось две: обе части продолжали шевелиться. Они извивались и дергались в песке, явно подавая признаки жизни. Увидев это, Камински нанес второй, третий, четвертый удар, разрубая змею на кусочки. Потом все закончилось.

Гелла, зажимая руками рот, наблюдала кровавую сцену с безопасного расстояния.

– Какое страшное предзнаменование! – сказала она.

В лагере происходило мало интересных событий, поговорить было не о чем, поэтому мужественный поступок Камински вскоре оказался у всех на устах. Его поздравляли, будто речь шла не об обычной змее, а как минимум о драконе, который не кошку проглотил, а намеревался съесть самого доктора. Только сама Гелла Хорнштайн осталась равнодушной. Что же он сделал не так?

Если она горевала о кошке, то все становилось понятно. Но молчание Геллы только умножило ее странности. Поначалу Камински хотел поговорить с ней о том, что в его поведении было не так, и даже готов был извиниться. Но затем отбросил эти мысли, по крайней мере отложил их на потом.

План переноса храма вошел в решающую стадию. Лундхольм откачал воду. Защитная дамба выдержала. Можно было приниматься за основную работу.

Археологи и инженеры договорились сделать на фасаде большого храма десять вертикальных разрезов, а четырех колоссов распилить, в зависимости от обстоятельств, на двенадцать-пятнадцать блоков весом от десяти до тридцати тонн. Это означало увеличение ранее запланированного раstra, но однозначно имело и преимущества. С одной стороны, работа пойдет быстрее, с другой – удовлетворялось требование археологов разрезать статуи на максимально большие куски.

При этом самые острые проблемы возникали у Сержио Алинардо и Артура Камински. Алинардо для работы требовались длинные и прочные полотна для распила. Самое сомнительное звено в операции – искусственная смола, с помощью которой стальные крюки должны были крепиться на каменных блоках. Выдержит ли она вес в тридцать тонн? Камински усилил фундаменты, на которых должен был стоять мачтовый кран. Грузовик с низкой платформой был приспособлен под тридцатитонные глыбы, но Камински приказал укрепить пустынную песчаную дорогу гудроном, чтобы избежать тряски при транспортировке.

Его предшественник Мессланг построил возле площадки барак, который невыносимо накалялся на солнце. Стены, пол и крыша большого (три на четыре метра) барака были выстланы нестругаными сырыми досками. Здесь при температуре в добрых пятьдесят градусов Камински проводил часть своего десятичасового рабочего дня – каждую операцию по перевозке колоссов следовало задокументировать. Эта работа требовала особой собранности, а Якоби торопил.

Десятое октября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. В это утро атмосфера на стройплощадке была особенно напряженной людей здесь собралось больше, чем обычно. Даже рабочие, у которых смена закончилась в шесть часов, не спешили возвращаться в лагерь. Алинардо и шестеро лучших его людей вырезали три первых каменных блока ночью, а утром на искусственной смоле закрепили в них стальные крюки. Время застывания смолы – двадцать четыре часа. И эти сутки уже прошли. Над первым колоссом завис массивный стальной рельс, за который должны были цепляться крюки.

Моторы мачтового крана работали на холостом ходу. Камински, стоя в тридцати метрах от основания колосса, по рации подавал команды оператору крана. На голове колосса двое египетских рабочих, выполняя поистине акро-

батические упражнения, привинчивали болтами толстые крюки к рельсу.

Возле Камински стояли Якоби, директор стройки, инженер Гайн Лундхольм, а также археологи Хассан Мухтар, Иштван Рогалла и Маргарет Беккер. Из Каира приехали министр строительства Камаль Махер и Ахмед Абд эль-Кадр, директор Египетского музея. Жак Балое, глава информационного отдела, пригласил на мероприятие дюжину журналистов, фотографов и газетных корреспондентов.

Большинство людей бросили свои рабочие места, чтобы поглазеть на это зрелище поближе. Возле храма стоял грузовик с низкой платформой, вымощенной деревянными балками, на которую должны были опустить каменный блок.

Камински спокойно отдавал распоряжение о начале подъема – чувствовалось, что он привык работать с таким весом.

– Ниже, ниже, поворачивай налево. Стоп!

Тяжелый рельс медленно опустился над стальными крюками громадного блока. Чтобы закрутить болты, рабочим понадобились гаечные ключи толщиной в руку.

– Я целиком полагаюсь на вас, – тихо сказал профессор Якоби Артуру.

– Хорошо! – засмеялся тот в ответ. – Тогда я буду надеяться на Алинардо.

– Почему на меня? – возразил итальянец откуда-то сзади.

Камински обернулся. Он хотел сказать: «Потому что твой сектор работы – единственное, что меня беспокоит. Остальное тщательно просчитано. Если стальной крюк, закрепленный в блоке, не выдержит, камень упадет и разлетится на тысячу частей». Но Камински этого не сказал, потому что увидел в толпе Геллу Хорнштайн. Но больше его удивило не ее появление на стройплощадке, а поднятый вверх большой палец, словно она хотела сказать: «Я с вами, удачи вам».

Рабочие, крепившие крюки на голове колосса, сообщили по рации, что все готово.

– Хорошо, – ответил Камински, – а теперь проваливайте оттуда!

Рабочие, будто канатоходцы, перебрались по толстым балкам с одного колосса на другой и спустились вниз, словно герои, выигравшие битву. Но настоящее испытание было еще впереди.

– Поднимайте помалу, поднимайте, – тихо скомандовал Камински.

Стропы натянулись и задрожали. Длинная стрела крана дернулась. Моторы заревели, как измученные верблюды, и Камински, не в силах совладать с нервами, заорал в рацию:

– Вверх, вверх! Вверх, черт подери!

И вдруг голова фараона отделилась от туловища, канаты пошли вверх, и она повисла, будто рыба, пойманная на гигантскую удочку. Рабочие, стоявшие у подножия храма, подняли дикий крик, потому что знали, что самая сложная часть еще впереди. Камински скомандовал, и длинная стрела крана начала медленно поворачиваться влево, а двадцатитонный блок пошел за ней. Центробежная сила увеличилась под его тяжестью. Поскольку кран стоял недалеко от храма, стрела должна была повернуться на двести семьдесят градусов влево, чтобы опустить многотонный груз на платформу. Под действием движения крана и изменения света и тени улыбка фараона, казалось, ожила. На зрителей это подействовало завораживающе. Никто не осмеливался произне-

сти ни слова. На строительной площадке слышны были только команды Камински. Голова фараона наконец зависла над платформой грузовика.

– Опускай! – закричал в рацию Камински.

Он дирижировал стрелой крана, направляя ее то вправо, то влево, и наконец плавно опустил многотонный груз на устланную балками платформу.

Еще секунду все молчали, словно свыкаясь с мыслью, что это не сон. Потом толпа разразилась возгласами ликования! Мужчины бурно аплодировали, некоторые, поднимая желтые облака пыли, подбрасывали песок вверх. Всем стало ясно: предприятие будет успешным.

В стороне, в тени обезглавленного колосса, стояла Гелла Хорнштайн. Она наблюдала, как Камински качают на руках, но, похоже, это ее не особенно впечатлило. Наконец инженер-строитель высвободился из крепких объятий поздравляющих и подошел к ней.

– Давно не виделись, – после паузы заметил он.

Гелла протянула руку и произнесла в своем стиле:

– Поздравляю, Камински. Вы проделали это великолепно. Ювелирная работа!

Камински пожал ее руку, испытывая странную неловкость: Гелла была холодна, как прежде. После ночной встречи со змеей он не услышал от нее ни слова благодарности. Камински пытался выбросить из головы эту женщину, но ее таинственная привлекательность долгими ночами не давала ему покоя.

Камински отпустил ее руку, пробормотал невнятные слова благодарности и постарался как можно скорее отойти, сославшись на необходимость проконтролировать дальнейшие работы. Он направился в строительный барак.

Тем временем грузовик пополз вверх по дороге, сначала сантиметр за сантиметром, потом со скоростью пять километров в час. Прошло около часа, прежде чем он достиг склада на возвышенности.

Через весь склад были проложены рельсы, по которым порталый кран мог проехать в любую точку помещения. Как каракатица, он прополз за привезенным грузом и поднял блок с платформы грузовика. Здесь, на складе, голова фараона получила порядковый номер GA1A01.

Каждый каменный блок, привезенный за последующие два года со строительной площадки, получал свой номер. Семнадцатый камень странным образом изменил жизнь Камински.

12

После десяти суток рабочие наловчились выполнять эти операции. Стальные крюки успешно выдерживали гигантский вес. Алинардо со своими мраморщиками выполнял поистине ювелирную работу. За три-четыре часа блок поднимали, грузили и отвозили на склад.

С блоком GA1A17, частью подножия колосса, с самого начала возникли трудности. Камински переложил командование на старшего рабочего Карла Тири. Сначала все шло четко по плану, но напряжение, которое с начала работ, казалось, висело в воздухе, все не рассеивалось. Именно этим отличался этот проект от всех остальных, над которыми работал Камински.

В то утро Камински сидел в строительном бараке, склонившись над планами разрезов, которые принес Алинардо. Линии разрезов были яблоком раздора между мраморщиками, археологами и инженерами. Мраморщики настаивали на коротких линиях разрезов, археологи – на самых больших (что означало бы большие блоки), а инженеры (из-за неудобств при транспортировке) настаивали на маленьких блоках. Спор мог продолжаться часами и заканчивался, как правило, компромиссом.

Пока Камински ломал голову над разрезами, первый за этот день грузовик подъезжал к складу с многотонным грузом. Он знал это по завывающему звуку мотора – машина шла на подъем. Это повторялось регулярно, поэтому не привлекло его внимания. Но в этот раз гул вдруг утих. Камински услышал оглушительный скрежет тормозов, треск раскалывающихся балок, а затем глухой удар, от которого содрогнулась земля.

Строительный барак задрожал, словно снаружи бушевал ураган. И в тот же миг в помещение ворвалось облако пыли, как после взрыва газа. Камински зажал рукой рот. Кашляя и выплевывая желтую пыль, он бросился к двери.

В нескольких метрах стоял грузовик, а возле него – блок GA1A17, словно выбросившийся на берег кит. Настил из деревянных балок был раздавлен. Камински щурился от яркого солнца, не понимая, что могло вызвать пыльный взрыв в строительном бараке: каменный блок лежал в тридцати метрах от него, и вокруг не было пыли.

Из кабины грузовика вылез Али, молодой египтянин, который считался одним из самых надежных рабочих. Словно плакальщица, он схватился руками за голову и, увидев Камински, издали закричал:

– Али не виноват, мистер! Кошка виноват! – И для достоверности показал, как кошка перебежала через дорогу и как он затормозил. – Али не виноват, мистер!

Если не считать нескольких отколовшихся по краям кусков, где крепились страховочные канаты, блок GA1A17 довольно удачно перенес падение. В этот раз погрузка длилась до позднего вечера, а на песчаной дороге остался глубокий кратер. Затем Камински вновь засел в строительном бараке. Он устал и хотел передохнуть, но из головы не выходил этот пылевой взрыв – странное происшествие, которому не было объяснения.

Когда он обернулся, в дверях стоял Лундхольм.

– Долгий же сегодня день, – по-дружески сказал он. – Но все вроде обошлось?

Камински кивнул, сложил бумаги и поднялся.

– А могло все полететь к чертовой матери! – ответил он.

Только теперь инженер почувствовал облегчение, напряжение понемногу спадало. Потом он вдруг спросил:

– А давно барак стоит на этом месте?

Лундхольм похлопал по деревянной стене рукой, словно хотел проверить прочность строения, и ответил:

– Где-то год. Он больше не отвечает твоим требованиям? Что ж, могу понять. В доме из кирпича при такой жаре работать лучше. Нужно будет получить разрешение у Якоби.

– А кто поставил барак на этом месте?

– Мессланг, твой предшественник. Но почему он велел построить барак именно здесь, сказать не могу. Тебе бы об этом у него спросить, но, к сожалению, это невозможно.

– Почему?

– Мессланг умер. Возможно, утонул. А почему ты спрашиваешь?

Вопросы Камински шведу были явно неприятны. Все в лагере неохотно говорили о Мессланге.

– Если ты интересуешься этим человеком, – продолжил недовольно Лундхольм и повернулся, чтобы уйти, – спроси у доктора Хорнштайн.

Снаружи прогремел грузовик со включенными фарами, и Камински увидел, как швед прыгнул на подножку и влез в кабину машины. Свет задних фонарей растворился в темноте. Артур вернулся в барак.

Здесь все еще пахло пылью. Керосиновая лампа монотонно шипела. Камински почувствовал, что из-за удушливо жаркого воздуха весь покрылся потом. Он смертельно устал, но утренний инцидент и разговор с Лундхольмом разожгли в нем любопытство. Камински чувствовал, что потянул за ниточку таинственной истории.

Задумавшись, он блуждал глазами по деревянным стенам барака, но не мог ни за что зацепиться. Потом взглянул на Пол и заметил, что он сделан из обычных досок. Во всех остальных строительных бараках пол был бетонный.

Камински поднялся и закрыл дверь, чтобы не потревожили незваные посетители. Потом взял стамеску, единственный подходящий инструмент в бараке, и вставил ее в щель между досками. Вначале он поднял одну доску, потом вторую, третью, и так до тех пор, пока не образовалось пространство в метр шириной. Стал виден фундамент барака.

Грунт был засыпан щебенкой и никак не соединен с фундаментом. Камински руками разгреб щебень и наткнулся на неструганые брусья, которые использовались на стройплощадке. Кто-то поспешно закрыл ими отверстие в земле – между отдельными досками были щели в палец толщиной.

Камински протолкнул в щель камень и прислушался. По звуку, повторенному эхом, стало понятно, что там, внизу многометровой шахты, находится площадка или лестница, ведущая в горизонтальный ход. Камински замер: на секунду он представил, что сделал выдающееся открытие, как Шлиман или Картер, вернув миру то, что тысячелетия назад сотворили человеческие руки. Эта возвышенная, а скорее таинственная мысль повергла его в беспокойство, словно за происходящим крылась неизвестная угроза.

Но тут же ему стало ясно, что кто-то уже открыл эту тайну – тот, кто намеренно замаскировал шахту и построил на ее месте строительный барак. На ум

Камински пришел только Мессланг, таинственный предшественник инженера, который, как выразился Лундхольм, «возможно, утонул». Но в любом случае он был мертв.

Сначала Камински хотел сорвать доски и спуститься в шахту, но потом решил все еще раз обдумать. Может быть, осмотр тайника стоит доверить другому – какому-нибудь смельчаку или коллеге из лагеря. Кроме того, не исключено, что он наткнулся на старую цистерну, могилу бедуина или даже на тайный склад оружия. Не стоит торопиться. Он засыпал доски щебнем и заделал дыру в полу, оставив тайный знак, чтобы можно было понять, поднимал ли кто-нибудь доски в его отсутствие.

13

В последующие дни Камински попытался разузнать что-нибудь о своем предшественнике Мессланге. Но все лишь отрицательно качали головой или пожимали плечами. Либо спрашивали в ответ, почему он так интересуется этим человеком. И поскольку о секрете барака никто в лагере, похоже, не знал, Камински решил на свой страх и риск спуститься в шахту. Он обзавелся необходимым инструментом и разработал план исследования.

Так случилось, что на следующий день он столкнулся на стройплощадке с археологом доктором Мухтаром и решил завести разговор на тему, которая его сейчас больше всего интересовала.

– Я у вас все время хочу спросить, доктор, – подчеркнуто безразлично произнес Камински, – может так случиться, что во время работ мы сделаем неожиданное открытие? Просто тогда мы работали бы осторожнее!

Мухтар громко рассмеялся и ответил:

– Я понимаю, вам хочется известности Говарда Картера, нашедшего гробницу Тутанхамона. Нет, мистер Камински, я вас разочарую. Абу-Симбел – это не Долина царей, да и там такие открытия происходили еще сто лет назад. Но белли позвольте... – Мухтар подошел поближе к Камински. – По-настоящему известным вы станете, если отлично выполните все работы. Возможно, о вас будут вспоминать еще сотни лет...

Это насмешливое замечание задело Камински, и он решил при удобном случае поквитаться с египтянином.

– Вы меня неправильно поняли, – возразил Камински, – я не хочу быть знаменитым. Я хочу заработать здесь денег, как можно больше денег. И больше ничего. Известность я оставлю археологам. У меня просто возникла мысль, что мы случайно...

– В мире не бывает случайностей, как сказал один арабский поэт. Само слово «случайность» – богохульство.

– Хорошо, хорошо! – попытался успокоить египтянина Камински. – Тогда и то, что Картер обнаружил могилу фараона, не было случайностью.

Мухтар с довольным видом заметил:

– Да, это было *неслучайно*.

Со стороны храма приближался грузовик с очередным каменным блоком, и Камински оттащил археолога в сторону.

– На линии движения автомобиля стоять запрещено. Вы не должны об этом забывать, доктор!

Мухтар раздраженно отдернул руку. Словно не случайностью было бы, если бы камень сорвался с платформы и раздавил его в лепешку. На все воля Аллаха.

Камински не понял, почему египтянин так болезненно отреагировал на его, казалось бы, безобидный вопрос. Уж не знает ли он чего об этой шахте? Немного погодя Камински собрался с духом и спросил:

– Вы знали Мессланга?

– Мессланга? – переспросил египтянин и, покачав головой, ответил: – Что значит «знал»? Знал так же мало, как знаю вас. Мессланг был одиночка, типичный европеец. Ему хватало себя самого, если вы понимаете, о чем я говорю.

Камински согласно кивнул, хотя и не мог представить, что этим хотел сказать Мухтар.

Археолог попытался поскорее перевести разговор на другую тему и дружеским тоном сказал:

– Видите ли, мистер Камински, люди склонны менять свое мнение и потому говорят, что многое в жизни случайно. Что касается Картера, то многие утверждали, будто он случайно наткнулся на каменные ступени, ведущие в гробницу фараона. В действительности Картер полжизни разыскивал этот вход и нашел указания, которые подтвердили его предположения. Поэтому он не сдавался. Если вы и теперь назовете это случайностью, мистер Камински...

Хассан Мухтар был прав, но отчего он так раздраженно отреагировал на вопрос?

– Открытие Абу-Симбел вы тоже можете отнести к случайности, – продолжал Мухтар, – но этому предшествовал тщательно разработанный план. Немец или швейцарец, в общем европеец, в начале прошлого века откопал в песке сияющий золотом храм. А это значит, что последними европейцами, которые видели этот храм, были древние римляне. Он отправился в путь с проводником и двумя верблюдами. У него уже заканчивался провиант, но он решил пройти еще один день. В тот день он и нашел Абу-Симбел. Храм, конечно же, выглядел не так, как сегодня. Он был по крышу засыпан песком. Но Буркгардт, так звали европейца, все же нашел Абу-Симбел. Конечно, он даже не догадывался, что нашел храмовый комплекс великого Рамсеса, и не подозревал, что ему не суждено будет найти в этом храме и грамма золота.

– А как же могила царя?

Мухтар довольно ухмыльнулся.

– Мистер Камински, – ответил он, – Рамсес, как и все фараоны Нового Царства, был похоронен в Долине царей. Но по иронии судьбы величавший египетский фараон и творец истории был похоронен в склепе, не подобающем даже его министру.

– Возможно, он умер так внезапно, что для создания гробницы было слишком мало времени.

– Именно так случилось с Тутанхамоном. Однако его могила украшена намного изящнее и богаче, чем гробница великого Рамсеса.

– А есть этому объяснение?

– Есть, мистер Камински.

Мухтар нагнулся и вывел пальцем на песке два иероглифа. Немец вопросительно взглянул на археолога. Тот стер знаки и написал поверх них число семьдесят девять.

– Рамсес прожил семьдесят девять лет. Библейский возраст по тем временам. Тогда средняя продолжительность жизни составляла около двадцати пяти лет. Он пережил многих своих жен и детей, так что только его тринадцатый сын, принц Марнепта, смог взойти на престол. Неудивительно, что окружающие, и Рамсес в частности, верили, что он бессмертен. Рамсес настолько в это уверовал, что приказал остановить работы над своей гробницей.

– Невероятно! Ох уж этот Рамсес! Он что, был сумасшедшим?

– Я бы так не сказал, – возразил археолог. – Фараон Рамсес не был сумасшедшим, хотя о многих египетских царях можно было такое сказать. Просто Рамсес был живым примером реинкарнации бога.

Камински кивнул. Его всегда интересовала история Древнего Египта, но он был инженером, и его задача – перенести строение на другое место. И все равно, мост это, старинный замок или древний храм. Так он думал до сих пор. Но за последние два дня его мысли изменились. Он все время думал о своей находке.

– А где похоронили любимую жену Рамсеса? – неожиданно спросил он.

– В Бибан-эль-Харим, Долине царей, с древнеегипетского переводится как «место красоты». Она умерла на тридцать лет раньше Рамсеса.

Камински испытующе посмотрел на Мухтара.

– Значит, в истории с Рамсесом нет больше тайн?

– Это можно сказать с уверенностью. Какие тайны мог унести с собой в могилу такой человек, как Рамсес? Сегодня уже можно сделать вывод, что фараон Рамсес был очень скандальным человеком. У него было самое большое количество жен среди фараонов, а официально зарегистрированных детей так много, что он составил для них специальный реестр. Только представьте себе, Камински! Француз Пьер Монте насчитал сто шестьдесят два имени. И это только те дети, которых фараон официально признавал. Как бы вы назвали такого человека?

– Я бы назвал его живчиком.

– Человеком, хвастающимся своими сексуальными возможностями! Во времена Рамсеса это считалось божественным свойством, и ни один человек не решился бы винить за это царя. Другие времена, другие нравы.

Камински кивнул. Рамсес, без сомнения, был экстраординарной личностью. Чем больше инженер думал об этом, тем значительнее казалась ему находка под строительным баракком.

Но Камински решил пока молчать. С одной стороны, он боялся насмешек, если это окажется всего лишь старый колодец или что-то подобное. С другой стороны, он просто заболел идеей утереть нос заносчивому археологу Мухтару.

14

С тех пор как было решено укрепить защитную дамбу, на стройплощадке царило приподнятое настроение, даже несмотря на напряженную работу и происшествие с грузовиком. У Лундхольма и его людей не возникало особых проблем, хотя небольшие прорывы на дамбе все же случались. Швед проложил пять трубопроводов к насосам и гордо заявил, что прорыв, подобный тому, какой случился шесть недель назад, он сможет ликвидировать за одну ночь.

Там, где еще недавно гордо взирала на Нил двадцатиметровая статуя колосса, остался небольшой каменный срез размером метр на метр. После падения блока с грузовика Камински пересмотрел варианты перевозки. Теперь все блоки транспортировались в лежащем положении. Правда, был риск, что песчаник, стоявший так долго вертикально, при смещении центра тяжести мог потрескаться. Но водители грузовика так наловчились, что теперь дистанцию в полтора километра от места погрузки до склада преодолевали одним рывком с постоянной скоростью. И не затормозили бы не только перед кошкой, но и перед человеком.

Новое измерение уровня воды показало значительное замедление ее подъема. Но Якоби все же не отменил работу в три смены, чтобы, как он говорил, быть готовым к любым неожиданностям. Времени было достаточно, чтобы возводить не только новые каменные дома, но и сажать деревья. После долгого пребывания в пустыне глаз радуется каждой травинке. Вдоль Гавернмент-роуд высадили деревья, которые привезли из Асуана, а перед домами в поселке строителей разбили садики, которые должны были защищать от песчаных бурь.

Целую неделю Камински не решался обследовать странную дыру под строительным бараком. Но однажды вечером, после очередной попойки в казино, Якоби предложил заменить барак каменным домом. Камински категорически отверг это предложение, утверждая, что строительство затормозит его работу. В действительности он боялся, что тайна обнаружится, и твердо решил при первой же возможности обследовать шахту.

Возможность появилась двумя днями позже, в пятницу – священный день для египтян.

Работа на стройплощадке прекратилась, машины стояли, так что Камински мог спокойно заняться своим делом. Он приготовил необходимый инструмент: лопату, монтерские кошки, тальк и пеньковые веревки – все это использовалось на стройплощадке.

Вечером Камински закрылся в бараке изнутри и занавесил окна старыми мешками, чтобы свет не вызвал подозрений. После грохота окопавшихся в долине экскаваторов, кранов и бульдозеров тишина казалась непривычной и враждебной, поэтому Камински старался работать как можно тише.

С ним многое случалось на заграничных стройках, но сейчас, он должен был это признать, от страха засосало под ложечкой. Вначале он снял пол, потом убрал щебень, наконец сорвал три доски и посветил вниз фонариком.

Он не знал, что его ожидает там, внизу, но успел разочароваться, когда начал осматривать грубо выложенную квадратную шахту. В пяти метрах от поверхности была площадка, усыпанная пылью и камнями, – настоящий лун-

ный ландшафт. Желтое пятно фонаря осветило боковой ход. Создавалось впечатление, что никто до него сюда не заглядывал: ни окурков, ни каких-либо следов видно не было – только песок и камни.

Камински положил поперек люка толстую доску и привязал к ней пеньковую веревку. Другой конец веревки он обвязал вокруг пояса. Не размышляя, что может ожидать его там, Камински отправился вниз.

Только он ступил на площадку, как поднялось едкое облако пыли и в воздухе растекся непонятный сладковатый запах. Здесь было намного прохладней, чем на поверхности, и Камински понял, что одет «не по погоде»: на нем были шорты, рубашка с короткими рукавами, замшевые туфли на босу ногу – в общем, повседневная одежда в лагере.

Камински взъерошил короткие волосы, что делал всегда в критических ситуациях. Потом он осторожно осветил пол. Ничего. Не было даже вездесущих скорпионов. Низко, почти у самого пола, виднелся лаз, больше похожий на нору, который вел вниз. В полный рост пройти по нему мог разве что ребенок. Нельзя было понять, какой он длины, видно было только, что туннель поворачивает.

При других обстоятельствах Камински и шагу бы не ступил туда, но сейчас обстоятельства были не совсем обычными. Дальше он продвигался на корточках. Несмотря на напряжение, на лице его мелькнула улыбка: «Увидел бы кто сейчас, как я хожу, вот смеху-то было бы». От сухого воздуха и пыли, которую он поднимал, пекло в легких. Камински хватал ртом воздух, но так было еще хуже. Из кармана он достал большой, пропитанный потом платок и завязал так, чтобы он прикрывал рот. Платок дурно пахнул, но действовал как фильтр – по крайней мере, несколько минут.

Вдруг с потолка обвалилась плита и разлетелась на куски. Камински замер, но это его не испугало и он двинулся дальше, шаря лучом фонарика по пыльному проходу, чтобы не напороться на скорпиона. Это было единственное, чего он боялся.

После поворота туннель перешел в еще одну шахту – размером два на два метра. Она была такая глубокая, что свет фонарика не доставал до дна. Камински покачал головой. Такое сооружение могло принадлежать только древним египтянам: лишь они могли делать столь неприступные сокровищницы.

Он решил остановиться. Пожалуй, на сегодня достаточно. Следует лучше подготовиться к спуску. Сменить одежду, обязательно нужен защитный шлем, канаты и лестница, с помощью которой можно было бы спуститься в такую шахту, как эта. Раздумывая над списком необходимых вещей, Камински осветил вверх и обнаружил две железные перекладины, вмурованные сверху, над шахтой, на расстоянии полуметра друг от друга. Что бы это значило?

Камински постучал осколком камня по одной из них. Раздался глухой звук, напоминающий разбитый церковный колокол. Он прислушался. Ничего. Камински слышал о ловушках, которыми египтяне защищали гробницы. Железные перекладины по бокам шахты наводили на мысль о западне. Камински еще раз ударил по перекладине, уже сильнее. Раздался только жалобный протяжный звук, поплывший вверх по шахте и по коридору, который вел дальше.

Тщательно осматривая место, где были вмурованы перекладины, Камински вдруг подумал, что на них прежде что-то висело над шахтой, и они вполне могли выдержать его вес. Принимая во внимание глубину шахты, такое пред-

приятие казалось ему крайне рискованным. С другой стороны, он был уверен, что в два-три хвата сможет перебраться по перекладинам на другую сторону шахты.

Камински, недолго думая, сунул фонарик за пояс. Правой рукой он ухватился за камень, а левой – за одну из перекладин, проверяя ее прочность. Перекладина казалась довольно крепкой, и он повис на ней. Затем ухватился правой рукой за вторую перекладину и, прежде чем успел подумать, что это безумный поступок, был уже на другой стороне шахты, у продолжения тоннеля.

Необъяснимая сила влекла его дальше по коридору, который становился все выше. Пол был усеян хрупкими осколками камней, иногда завалы доходили до колен. Вдруг потолок резко поднялся – на семь-восемь метров. Камински посветил вверх и увидел контур древних сводов. Он невольно отступил назад, словно опасаясь обвала. Внезапно его поразила мысль: грузовик!

Хотя Камински и потерял под землей направление, но, приблизительно проследив свой путь, понял, что именно над этим местом с грузовика свалился каменный блок и что как раз здесь произошел обвал. Это, собственно, и было объяснением пыльного взрыва, к которому привел упавший блок, и громадной воронки, оставшейся после этого.

Высокое помещение было небольшим в длину, каких-то двенадцать шагов, и заканчивалось массивным порталом с двумя выбитыми крыльями над ним. «Значит, все же древняя гробница», – подумал Камински. Прежде чем перешагнуть через кучу осыпавшегося камня, он еще раз опасно взглянул вверх. Конечно, была вероятность, что хрупкий песчаник может обвалиться, придавив его или засыпав выход. Но какая-то сила, разжигавшая в нем интерес и зовущая в глубь лабиринта, все же взяла верх.

Камински осторожно прошел по осколкам камня к portalу, остановился и осветил фонариком смежную комнату.

– Бог ты мой! – только и смог произнести он. Лоб его горел. Он чувствовал, что глаза заливают пот, в висках стучит невидимый мотор. – Бог ты мой! – повторил Камински.

В центре комнаты размером пять на пять метров стоял, поблескивая, саркофаг красноватого цвета. На стенах были высечены такие же крылья, как и над порталом на входе. По пути сюда Камински не заметил орнамента на стенах, но здесь стены отливали матовым золотистым светом. Блуждающий свет фонарика наполнил рисунки на стенах белым, красным и черным цветами.

Там были сказочные животные, изображенные в человеческий рост, которых Камински никогда не видел. Они торжественно-шутливой походкой шли от стены к стене. Крокодил с человеческими чертами лица совокуплялся с вертикально стоящим гиппопотамом. Человек с головой сокола и непомерно широким туловищем воздевал руки к небу. Сразу за ним, выпрямившись, шел шакал и две женские фигуры в длинных облегающих платьях.

На противоположной стене плыла длинная барка с высоко загнутым носом и кормой. Восемь одинаково одетых гребцов в кожаных фартуках и больших париках держали тонкие весла. Посередине корабля была изображена женская фигура в виде конуса, обернутая в платки. Лысый темнокожий жрец с леопардовой шкурой на плечах стоял перед лодкой, делая пассы руками, словно хотел сказать: «Остановись, ни шагу дальше!»

Камински вошел в комнату и увидел по бокам изображения богов, окрашенных в красный и зеленый цвет: бога с головой барана и солнечным диском меж рогов, извиваясь, обвивала змея. На украшенной листьями и побегами колонне, скалясь, сидел павиан. Казалось, он насмехается над сидящим человеком с головой ибиса и над стоящей рядом мумией с соколиной головой. Своды комнаты были сделаны из глины и разрисованы голубой краской. На них блестели золотые звезды.

Камински не знал, сколько он простоял, осматривая всю эту красоту. Казалось, это сон, но вскоре он вернулся в реальность. Из-за сухости воздуха и пыли было тяжело дышать. Камински начал хватать ртом воздух. Если он хотел выйти отсюда живым, стоило поторапливаться.

Но здесь стоял еще и саркофаг – пурпурный гроб на резных львиных ножках. Он был настолько высок, что Камински едва ли смог бы туда заглянуть. Он колебался. Следовало прислушаться к здравому смыслу и отправиться во свояси – это Камински понимал. Но прислушался ли он к доводам рассудка, когда полез в эту загадочную могилу? И возвращаться сейчас? Никогда! Камински не стал долго раздумывать. Он искал подставку, чтобы заглянуть в саркофаг.

При обычных обстоятельствах Камински, взявшись за край высокого мраморного гроба, просто подтянулся бы на руках. Но сейчас он чувствовал себя как выжатый лимон, был совсем без сил. Легкие болели. Поэтому он, положив фонарик на пол так, чтобы тот освещал высокое помещение, начал собирать камни и складывать один на другой. Воздуха становилось все меньше. Камински казалось, будто его легкие обволакивает слизь, которая мешает вдохнуть. Он надрывно кашлял и отплевывал мокроту, но это мало помогало. Как одержимый он таскал камни: вначале строил фундамент, а потом укладывал их один на другой.

Сердце колотилось в груди, он задыхался от бессилия и волнения. Во время этой адской работы у него промелькнула мысль: какую все же цель он преследует? Но в следующий миг его с новой силой охватила жажда непознанного, и он продолжил укладывать камни один на другой.

«Ты не можешь сдать! – говорил он себе. – Ты так близко к цели! Ты *должен* знать, кто похоронен в этом саркофаге. Если ты сейчас сдашься, то будешь раскаиваться в этом уже завтра. Будешь пробовать снова и снова, а риск, что тебя обнаружат, останется. Потому об этом лучше вообще не вспоминать». Думая так, он собрал последние силы.

Камински совсем потерял чувство времени. Его не волновало, как долго он уже здесь, ему было безразлично, сколько еще потребуется времени. «Камень, один на другой...» – иных мыслей у него не было.

Когда куча камней достигла уровня пояса, Камински взобрался на шаткую конструкцию. Его подозрения оправдались: мраморный гроб был закрыт крышкой. Но она была чуть сдвинута в сторону, и Камински посветил туда фонариком.

Казалось, что свет фонаря померк, но его было достаточно, чтобы рассмотреть мумию в коричневых бинтах.

Камински увидел голову, взглянул на женское лицо и желтые, похожие на проволоку волосы. Хотя глаз не было, Камински явственно ощутил пронизывающий взгляд, нагнавший на него страх. Рука, державшая фонарик, дрожала.

Прыгающий свет фонаря оживлял лицо мумии. Она словно скалила зубы в чудовищной ухмылке и пыталась что-то сказать. От носа к уголкам рта и посередине лба шли глубокие морщины. Казалось, женщина предвидела свой конец. Такое же впечатление производили скрещенные на груди руки. Из-под коричневых бинтов виднелись сжатые в кулаки ладони.

Камински долго не раздумывал. Охваченный непонятным, почти бесстыдным, навязчивым любопытством, которое заглушало здравые мысли, он отодвинул бинты с кулаков. Он не знал, зачем это делает и чего от этого ждет. В тот же миг руку, да и все тело Камински, свела судорога, будто исходившая от мумии. Каждое движение стоило ему титанических усилий, но он не отказался от своего намерения.

Тонкие костлявые руки мумии странным образом притягивали внимание Камински. Он часто замечал, что женские руки волнуют его больше, чем грудь или ноги. И все же ему надо было пересилить себя, чтобы коснуться маленьких кулаков мумии. Прикосновение привело его в ужас – он будто дотронулся до гладкого бумажного листа.

Ему бросилось в глаза, что в правой руке мумии зажато что-то зеленое. Не составило труда вырвать у нее этот предмет. Это был зеленый блестящий камень в форме скарабея, не больше куриного яйца. Изящно выполненная фигурка была очень тяжелой. Камински зажал скарабея в руке и почувствовал исходящую из него энергию, словно через тело проходил ток. Он положил скарабея в карман.

«Я в своем уме? – подумал Камински. – Время убираться отсюда». Как только он это подумал, обернутая в коричневые бинты женщина начала медленно поворачиваться к нему. Инженера охватило болезненное замешательство. Через мгновение он уже не понимал, где находится. У Камински потемнело перед глазами, и он заорал от страха:

– Где я?

Его голос эхом отразился от разрисованных стен. Боги и сказочные существа сдвинулись с места и зашагали в ритуальной процессии. Камински услышал шорохи и звуки незнакомой музыки, раздававшейся у него в ушах торжественным хоралом.

Мумия улыбалась, обнажив длинные желтые зубы. Камински было нечем дышать. Еле держась на ногах, он ухватился за уложенный им же камень и, не удержавшись, рухнул на пол.

Там он очнулся, словно после тяжелого сна. Прислушался. Вокруг было тихо. Фонарик желтел в темноте. «Надолго батареи не хватит. Прочь, прочь отсюда!» – мелькнуло у него в голове.

Камински с трудом поднялся. Хромая, прошел через портал, потом по каменным ступеням в высокий коридор и, кашляя, добрался до узкого лаза. Хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, он полз на четвереньках по низкому тоннелю. Добравшись до вертикальной шахты, не раздумывая сунул фонарик за пояс и перемахнул через бездну. Он уже не думал об опасности. В мозгу судорожно билось лишь одно слово: «Прочь, прочь, прочь...»

Фонарик начал меркнуть, и Камински выключил его. Ход был такой низкий и узкий, что он смог нащупать дорогу вытянутыми руками. В темноте расстояние кажется больше. Низкий коридор, по которому Камински шел, согнувшись в три погибели, казался бесконечным. Один раз он даже остановил-

ся передохнуть. Камински был мокрым от пота, ему было больно дышать. Но останавливаться нельзя. Только бы не потерять сознание!

Шаг за шагом Камински ощупывал дорогу. И наконец ему показалось, будто повеяло свежим воздухом. Он вытащил из-за пояса фонарик (батарейки еще работали) и увидел перед собой канат, свисавший из строительного барака. Наконец-то!

Камински ухватился за канат, но только теперь, так близко от цели, заметил, насколько изнемог. Все попытки подняться по канату оказались безуспешными. Камински висел на нем, словно мешок с песком. Подтянувшись два раза, он сдался. Потом попытался подняться другим способом: держась руками за канат и опираясь ногами о стенки шахты. Уже на самом верху он чуть не потерпел неудачу, но успел ухватиться за доску, лежавшую поперек люка, и, собрав последние силы, перебросил тело на пол барака.

Еще минуту он лежал с закрытыми глазами. Тело словно налилось свинцом. Возможно, он бы так и заснул на полу от изнеможения, как вдруг на фоне шипения керосиновой лампы услышал какой-то звук. Словно он был не один в комнате.

– Вам нехорошо, Камински? Я могу вам помочь?

Голос донесся до Камински откуда-то издалека. Он не мог понять, наяву это или во сне. Он открыл глаза и увидел Геллу Хорнштайн, которая стояла прямо над ним.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – повторила доктор.

Камински не смог произнести в ответ и звука. Он лишь отрицательно покачал головой и попытался привести мысли в порядок. Наверное, уже глубоко за полночь, а возможно, и раннее утро. Прежде чем спуститься в гробницу, он закрыл барак изнутри. Как же доктор Хорнштайн могла оказаться здесь? Как ей объяснить, почему пол в бараке сорван и зачем он спускался в шахту?

Гелла Хорнштайн, очевидно, лучше ориентировалась в сложившейся ситуации. Во всяком случае, она больше не задавала вопросов, а просто помогала Камински подняться. Он упал в кресло и вытер рукавом пот со лба.

– Бог мой, на кого вы похожи! – сказала доктор Хорнштайн.

Она смочила носовой платок водой из сифона, стоявшего возле двери. Потом вытерла с лица Камински пыль, грязь и пот.

– У вас что-нибудь болит? – снисходительно поинтересовалась она.

– У меня все болит, – простонал Камински. – Но если вы хотите знать, не ранен ли я, то, к счастью, нет.

Камински был не против помыться от грязи и ждал вопроса: «Что вы, собственно, здесь делали?» Но казалось, что для доктора в этом не было ничего необычного. Камински не знал, что делать. В конце концов, это же ненормально: мужчина среди ночи вылезает из дыры в полу и падает без сил! Еще необычнее было то, что эту сцену наблюдает доктор и при этом не задает ни единого вопроса. Какого черта! Что происходит?

Наконец Камински прервал неловкое молчание:

– Как вы сюда попали, доктор?

Гелла Хорнштайн кивнула в сторону окна, словно хотела сказать: «Вы что, еще не поняли?»

– Ах вот оно что... – пробормотал Камински.

Он увидел мешок с остатками цемента, которым она, очевидно, разбила

стекло в окне. Окно было открыто настежь.

– Разве вас не интересует, что я здесь делал? – наконец спросил он.

– Конечно, интересует!

– Так почему же вы не спрашиваете?

Гелла Хорнштайн улыбнулась.

– Я уверена, что вы и так мне все расскажете. В общем... ну, я хотела сказать, что обстоятельства очень странные.

Камински кивнул.

– На самом деле чертовски странные. И по правде сказать, вообще мало приятного в том, что вы здесь появились. Почему вы пришли сюда среди ночи?

– Я вас искала, – ответила Гелла Хорнштайн. – Я везде спрашивала о вас, но никто не знал, где вы. Тогда я села в машину и приехала сюда. Было закрыто, но сквозь щель в занавеске я увидела свет. Я испугалась, что с вами что-то случилось. Извините, если помешала.

– Да ладно уж, – недовольно проворчал Камински.

А что ему оставалось? Он должен был ей довериться, но не знал, с чего начать. Доктор не спускала с него глаз, а он смущенно подыскивал слова.

– Все это не так-то просто объяснить, доктор. Все началось пару недель назад, когда блок 17 свалился с грузовика. Я был как раз здесь, в бараке. Из-под досок пола ударил столб пыли. Это меня удивило, я стал искать причину и обнаружил эту шахту. Там, внизу, ход в гробницу. И там лежит мумия.

Камински остановился. Он внимательно посмотрел на девушку, ожидая хоть какой-нибудь реакции: восторга, недоверия, удивления. Но доктор Хорнштайн продолжала смотреть на него так же невозмутимо. Казалось, она ничуть не удивлена, так что Камински вынужден был задать вопрос:

– Что вы скажете по поводу всего этого?

Доктор Хорнштайн подошла к письменному столу Камински и уселась, свесив ноги. Потом она спросила:

– А мумию вы своими собственными глазами видели, Камински? Я хочу сказать, в возбужденном состоянии... А это абсолютно невероятная история... Так вот, в возбужденном состоянии люди иногда могут видеть вещи, которых на самом деле нет.

Камински состроил ехидную гримасу. То, что она не верила, сильно его задевало. Он даже подумал, не обидеться ли. Но потом полез в карман, достал скарабея, положил его на стол возле Геллы и сказал:

– И этого скарабея тоже не существует?

Женщина оцепенела. Она осматривала зеленого скарабея, будто какую-то омерзительную тварь. Потом положила зеленого жука на ладонь и другой рукой начала гладить его, словно он был живой.

Камински замер, глядя на руки Геллы. До этого времени он не обращал на них внимания, но теперь, когда она гладила скарабея, они напомнили ему тонкие желтые руки мумии. Сквозь тонкую кожу светились кости кисти и длинные фаланги пальцев. Разница состояла лишь в том, что в руках доктора струилась жизнь. Камински видел пульсирующую в венах кровь. Она двигалась толчками, словно от ударов током. И в нем проснулось страстное желание этой женщины.

Однако ситуация требовала объяснений. В стороне лежали длинные доски,

в полу зияла глубокая дыра. На дворе уже серело, до рассвета оставалось совсем немного времени. До начала дня нужно было скрыть все следы.

Казалось, Геллу Хорнштайн это совершенно не волнует. Все ее внимание было сосредоточено на скарабее, которого она очень нежно, осторожно ласкала. Камински и комнаты для нее словно не было, а он не решался напомнить о своем существовании.

Проходили бесконечные минуты. Доктор Хорнштайн вздрогнула, словно на нее снизошло вдохновение. Она перевернула скарабея на спину и с удивлением начала изучать его отшлифованное брюшко.

Камински теперь и сам увидел семь косых иероглифов, таких же непонятных, как арабские или индийские письмена. Ему показалось, что и Гелле не под силу расшифровать тайный смысл этих знаков.

Когда Гелла начала бормотать какие-то непонятные слова, которые звучали как «аге-нефер-айати-нен», Камински удивленно взглянул на нее. Но потом вдруг понял, что она шутит, и от души рассмеялся. Смехом он разрядил накопившееся напряжение, и Гелла словно очнулась.

– Вы не могли бы перевести то, что сейчас прочитали? – весело спросил Камински.

Гелла Хорнштайн раскрыла от удивления глаза.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Об иероглифах, которые вы только что прочли. Вот! – Он указал на скарабея.

– Как это пришло вам в голову?

Камински разозлился:

– Я не знаю, чего вы хотите добиться, доктор, и мне это, пожалуй, совершенно все равно. Но вы только что вели себя так, словно читали текст на этом скарабее. Аге-не-фер... Или что вы там еще произнесли? Действительно, очень смешно.

– Я ничего не говорила, – упорствовала Гелла. – Даже если бы я и смогла расшифровать эти знаки, чему не училась, то все равно не смогла бы их прочесть. Разве вы не знаете, что это мертвый язык и никто не знает, как правильно произносить древнеегипетские слова?

– Я не понимаю. Уже сотни иероглифических текстов расшифрованы, значит, их все же можно прочесть!

– Правильно, они расшифрованы. Но это не значит, что эти тексты можно прочитать вслух. Вернее, прочитать вслух их можно, но это звучало бы не так, как произносили эти слова древние египтяне.

– Интересно, – заметил Камински. – Несмотря на это, вы только что прочитали этот текст. Может, попробуете еще раз?

– Но я не умею! – закричала Гелла и швырнула скарабея на стол. – Послушайте, не надо делать из меня идиотку!

С этими словами она спрыгнула со стола, и Камински успел заметить ее загорелые бедра.

– Что вы теперь намереваетесь делать? – робко спросила Гелла и заглянула в яму посередине комнаты.

Камински еще не представилось случая об этом подумать. Ситуация резко изменилась, когда здесь неожиданно появилась Гелла. Доктор Хорнштайн наверняка бы растроубила, что он обнаружил под своим баракком. Но он недооце-

нивал ее.

Она подошла к нему и тихо, не дожидаясь ответа на свой вопрос, сказала:

– Надеюсь, Камински, вы предоставите мне возможность собственными глазами взглянуть на ваше открытие, прежде чем откроете эту тайну обществу. Или я прошу слишком многого?

– Нет-нет! – удивленно возразил Камински, не ожидавший такого поворота событий. – Но вы никому не должны рассказывать об этом, понимаете!

Доктор Хорнштайн удивилась:

– За кого вы меня принимаете, Камински? Это все-таки ваше открытие, и я рада, что была первой, кому вы рассказали о нем. Об этом больше никто не знает?

– О чем вы говорите, доктор! Еще пару часов назад я и сам не знал, что меня ожидает там, внизу. Но позвольте заметить: спуск в шахту – дело небезопасное! Вы должны это четко уяснить.

– Понимаю, – ответила доктор Хорнштайн. – Но если бы я была труслива от природы, то не поехала бы в Абу-Симбел.

Пока она это говорила, Камински понял, что она способна выдержать путешествие в шахту. Ему льстило, что теперь эта женщина зависит от его решения.

– Договорились! – заявил Камински и протянул доктору руку. – Когда вам удобно?

Гелла Хорнштайн пожала его руку холодно, но крепко. И сказала:

– Я обращаюсь к вам на «вы», но нахожу это нелепым, когда мы вот так общаемся. Мы должны говорить друг другу «ты». Меня зовут Гелла.

– Артур! – сказал Камински, смутившись, и добавил: – Хорошее у тебя имя...

Он смотрел на нее, не веря своим глазам и сомневаясь в серьезности происходящего. Ему захотелось высвободить руку из ее ладони, но не потому, что ему было неприятно прикасаться к ее телу, вовсе нет. Он просто хотел узнать о ней больше.

Она, казалось, догадалась, о чем он думает, и крепко сжала его руку.

– Не делай неправильных выводов, – серьезно сказала она. – Ты мне с самого начала понравился, но на этом все и закончится. Думаю, мы понимаем друг друга.

Она отпустила его руку. Камински стоял будто громом пораженный. Еще никогда ни одна женщина так с ним не говорила. Еще ни одна не смотрела на него свысока и ни одна так его не привлекала. Он не знал, в чем причина. Может быть, дело в скрытой сексуальности этой женщины, в ее таинственной сущности или даже в самом факте, что она была холоднее и неприступнее, чем все остальные женщины, которых когда-либо знал Камински.

– Хорошо! – ответил он, только чтобы хоть что-то сказать.

Потом начал закрывать шахту: на доски снова насыпал щебня, уложил назад половицы.

Гелла попыталась с помощью мешков убрать грязь и пыль, чтобы не возникло подозрений, потом отряхнула от пыли одежду Камински.

– А то все сразу поймут, откуда ты вылез! – засмеявшись, сказала она.

Камински впервые увидел настоящую, живую улыбку на ее лице.

По дороге в лагерь в «фольксвагене» Геллы он спросил:

– Ты знала Мессланга?

– Твоего предшественника? – Гелла, казалось, более внимательно уставилась на дорогу. – Что значит «знала»? Не больше, чем всех остальных. А почему ты спрашиваешь?

– Никто не был с ним близко знаком. Я спрашивал всех, кого только мог.

– Он был, как бы получше сказать... одиночка. Наверное, в этом причина.

– Одиночка?

– Я больше ничего не знаю. – Ее голос стал более низким, чем обычно.

– Оно-то так, – осторожно начал Камински, – но Мессланг не мог не знать о гробнице. Он построил барак именно на этом месте не случайно, а с явным намерением скрыть от других свою находку. Все было толково придумано, как видишь. Он бы достиг своей цели, если бы не случай с каменным блоком.

– Могу себе представить... – согласилась Гелла, сворачивая на главную улицу, ведущую к госпиталю. – Послушай, если Мессланг знал, что находится под баракom, зачем ему было скрывать это?

– А почему мы скрываем?

Гелла Хорнштайн сделала вид, что не поняла вопроса, и у Камински зародилось подозрение, не знала ли она о гробнице раньше и не следила ли за ним. В конце концов, он был единственным, кто имел постоянный доступ в барак. И единственным, кто, не вызывая подозрений, мог остаться в нем даже на ночь. Но прежде чем он смог осознать все это, он прогнал из головы подобные мысли.

Женщина за рулем, казалось, почувствовала его подозрения.

– Я могу на тебя положиться, Артур? Могу рассчитывать, что это останется между нами?

– Обещаю! – ответил Камински.

Они доехали до ее дома. Машина остановилась.

– А это? – Она вытащила из нагрудного кармана блузки скарабея.

– Можешь оставить себе, если он тебе так дорог! – великодушно сказал Камински.

И тут же пожалел бы об этом, но в следующий момент случилось нечто неожиданное.

Гелла, холодная и неприступная Гелла наклонилась, обвила руками его шею и поцеловала в щеку сухими губами. Она не сказала ни слова, Камински же онемел от счастья.

15

Исчезновение Раи Куряновой за день до отправки в Москву вызвало на «даче» КГБ настоящий переполох. Хотя Рая и оставила на причале у Нила возле своей штаб-квартиры одежду и туфли, имитируя несчастный случай, полковник Смоличев не поверил, что она утонула. Он заявил, что «не купится» на такие дешевые трюки, и приказал начать операцию «Возвращение» (в КГБ все операции назывались кодовыми словами). Для Моисеева и Лысенко, которые вместе с Раей работали в информационном бюро, это означало отсрочку казни. Теперь они должны были отыскать место, где могла укрыться Рая Курянова. За поимку Куряновой полковник Смоличев назначил премию, так что оба агента еще надеялись избежать отправки в Сибирь.

На следующий день Смоличев вызвал к себе шефа полиции Асуана, изложил ему суть дела и предложил сделать запрос во все иностранные организации, а также провести поисковую операцию вверх по Нилу. На всех полицейских постах была вывешена фотография Раи Куряновой, но, как оказалось, это было совершенно излишним, поскольку фото на паспорте оставляло желать лучшего, а все русские были для египтян на одно лицо.

На вопрос, где же все-таки могла спрятаться беглянка, никто ответить не мог. Полковник Смоличев подозревал, что Рая скрывается где-то в Асуане. Здесь было достаточно мест, чтобы укрыться, и много европейцев, которые могли приютить девушку. На экстренном совещании было высказано предположение, что Рая укрылась в Каире, куда могла добраться ночным поездом меньше чем за сутки. Собравшиеся были единодушны в том, что Раю следует искать именно там, а это было равносильно поиску иголки в стоге сена.

Смоличев предполагал, что Рая могла затеряться среди пяти тысяч русских, строивших плотину. Поэтому он послал Моисеева на стройплощадку Асуанской плотины, наделив его чрезвычайными полномочиями. Лысенко же получил явно бесперспективное задание искать Курянову в Каире.

О том, что Рая Курянова могла бежать в Абу-Симбел, никто не подумал.

16

Жак Балое, глава информационного отдела в Абу-Симбел, не мог объяснить самому себе, почему он так рискует из-за русской девушки. Он вел двойную игру, подвергаясь большой опасности, но был не из тех, кто играет с огнем.

Ему удалось устроить Раю в свое бюро ассистенткой. Чтобы отвести от себя подозрения, он дал Рае фамилию Монте и рассказывал всем, что она родом из Парижа, но уже давно живет за границей. Великолепное знание языка помогло ей в этом – ни у кого не возникало подозрений, даже у Гастона Бедо, инженера-строителя, который при встрече всегда говорил с Раей по-французски.

Между Раей и Балое возникло скрытое напряжение. Она отвергала все попытки Жака сблизиться, в то время как он жил в постоянном страхе. Одного слова или даже намек могло оказаться достаточно, чтобы понять, что он является агентом КГБ. Вследствие этого между ними возникали небольшие недоразумения и ссоры, и Рая уже подумывала, не сменить ли ей место работы. Но поскольку у нее не было документов и она боялась каверзных вопросов, приходилось терпеть Балое.

У Раи появились два серьезных поклонника – Лундхольм и Алинардо. К обоим она относилась подчеркнуто холодно, хотя каждый по-своему ей нравился. Заметив это, Балое попытался выставить их в дурном свете. Он обозвал Алинардо бабником, который не пропустил ни одной юбки в Абу-Симбел, а Лундхольм, по его словам, был помолвлен с Евой, дочкой главного директора строительства. Эти сведения, в общем-то правдивые, поначалу не возымели должного действия – по крайней мере, сообщенные Балое. Рая, однако, не давала никому ни единого шанса.

О том, что Балое оговорил Еву Якоби, дочь директора строительства, Рая узнала двумя днями позже: с Лундхольмом они были просто друзьями, о помолвке и речи не шло. А Алинардо Ева считала слишком сдержанным для итальянца. «Подлый Балое!» – подумала Рая, начиная его ненавидеть.

Сколько Рая себя помнила, она жила в атмосфере недоверия. Никто никому не верил, и даже тем, кого знал, нужно было время от времени устраивать проверку. В том числе лучшим друзьям. Теперь Балое и надеяться не смел на дружбу с Раей. В первые дни он, конечно, очень ей помог и этим расположил к себе, но те времена прошли.

Как только Балое снова отправился в Асуан с отчетом, она вытащила из тайника под подоконником ключ от его шкафа. Она заметила, что он равнодушен к порядку, но всегда держит шкаф закрытым, даже если находится в комнате. Рая знала, что там он хранит деньги, но и это было недостаточным поводом для столь странного поведения.

В следующий же момент она раскаялась в своем любопытстве: то, что она нашла в шкафу, взволновало ее и лишило последней надежды на то, что в этом мире можно кому-то доверять.

Но причиной этого стала не кипа писем от некоего Пьера, повергнувших Раю в недоумение (почему мужчина, получающий любовные письма от другого мужчины, за ней ухаживает?), а машинописные листы с фамилиями, среди которых она обнаружила Якоби, Лундхольма, доктора Хекмана, Рогаллу, Бедо и Алинардо. Под каждой стояла отметка в графе «семейное положение», рядом

имена знакомых, но самое главное – привычки и слабости.

Рая узнала эти списки – ей самой приходилось составлять подобные для КГБ. Именно они служили базой для работы секретных служб. В тот же миг Рая поняла, в какой опасности находится. Она готова была закричать от ненависти и злобы и выдать эту свинью Балое. Но что-то помешало ей это сделать, и она лишь разрыдалась от беспомощности.

Она закрыла шкаф, положила ключ в потайное место и выбежала на улицу. Сидя под стеной, защищавшей лагерь от песка, она плакала навзрыд, и соленые слезы оставляли липкие следы на лице. Что же дальше?

На этот вопрос ответа не было. Она отдалась на милость Балое и теперь чувствовала, что попала в западню, из которой не выбраться. О побеге нечего было и думать. Уже в Асуане ее встретят люди Смоличева. Рая была в отчаянии. Она сидела на корточках у стены, уткнувшись головой в колени, и думала.

Вдруг она встрепенулась. Разве у нее недостаточно компромата на француза? Балое трус, и его нужно припугнуть – только в этом она видела единственный шанс спасти свою жизнь. Рая поднялась, вытерла слезы и вернулась в дом. У нее созрел план.

Когда Балое на следующий день приехал из Асуана, Рая встречала его на «лендровере». Она приветствовала его на причале с необычным радушием, поинтересовалась самочувствием и тем, все ли дела он успел завершить. В конце концов она сказала, что сегодня состоится долгожданный совместный ужин в казино, чему до этого всегда находила отговорки.

Внезапная обходительность Раи привела Жака Балое в смущение. Он подозревал, что что-то случилось, но не подавал виду. Чем больше Балое терял самообладание и нервничал, тем больше успокаивалась Рая. И когда он достал черный чемодан, с которым ездил в Асуан, Рая будто невзначай спросила:

– Ну что, Смоличев назначил премию за мою голову?

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Балое вздрогнул. Он повернулся к Рае, но так и не смог взглянуть ей в глаза.

– Смоличев? Вознаграждение? Не знаю, о чем ты.

Рая молчала, всем своим видом показывая, что отговорки Балое ее не удовлетворили и она ожидает четкого ответа на поставленный вопрос.

– Тебе известно?... – тихо спросил он, и в то же мгновение ему стало ясно, что в ее руки попали документы из его шкафа. – Ты шпионила за мной! – прошипел он.

Рая рассмеялась.

– Игра, в которой ты, очевидно, чемпион! Я знаю, КГБ платит неплохо, но он не компенсирует трудоемкость, он оплачивает только результат. Очевидно, твое содержание влетает Смоличеву в копейку...

По нервозности Балое Рая поняла, насколько сильно он взволнован, намного больше, чем она сама, хотя речь шла о ее судьбе. Это придало девушке сил, и она твердым, уверенным голосом повторила:

– Смоличев назначил награду за мою голову?

Балое пожал плечами.

– Не знаю. В этот раз я не встречался со Смоличевым.

Лицо Раи покраснело от злости, и она закричала:

– Ты ничтожная, грязная сволочь, Балое! Но кроме того, ты еще и редкий трус. Почему ты все прямо не скажешь? Мне некуда деваться, жизнь меня не балует. Выкладывай, какие у Смоличева насчет меня планы?

В глазах Балое читалась мольба. Он знал: что бы он сейчас ни сказал, она ему не поверит. И где-то глубоко в душе даже понимал ее.

– Я не был у Смоличева, – ответил он. – Ты сама знаешь, что к этому человеку трудно попасть, к нему приглашают. Я не был в числе приглашенных, я вообще был не на «даче». И никого из КГБ не информировал, где ты находишься! – И, увидев насмешливую улыбку Раи, добавил: – Клянусь!

Рая не поверила ему. Взбешенная, она обозвала Балое последней тварью, которая способна ради денег продать свою тень.

Как он мог доказать, что говорит правду? За последние дни и недели он тысячу раз обдумывал, как бы отказаться от работы в КГБ. Он даже и не думал нажиться за счет Раи. Но она ему, конечно же, не поверит. И он мог это понять.

Некоторое время они молча сидели напротив друг друга за голым письменным столом. И, не догадываясь об этом, думали одно и то же. Разве они не по-

лагались друг на друга? Был бы у одного шанс, если бы другой проговорился?

Конечно, Рая была во власти Балое. Сдай он девушку, это означало бы для нее конец. И наоборот: Рая могла рассказать, что Балое – агент КГБ. Это не стоило бы ему жизни, но пару лет тюрьмы он бы заработал, а это уж точно означало конец карьеры журналиста. В столь сложной ситуации Рая вела себя уверенней. Если предположить, что Балое сказал правду и не выдал ее, тогда у нее на руках были все козыри и она могла надеяться на лучшее. Балое приперли к стенке. Он понял, насколько сильной и непоколебимой могла быть эта женщина, ее сила и несокрушимость пугали его. Балое еще не дорос до Раи и чувствовал это.

Балое примостился на краешке стула, посасывая сигарету и глядя в окно. Он начал говорить, и это звучало как исповедь.

– Я это делал не по своей воле, – выпустив дым через нос, издалека начал он. – Я приехал сюда, в Абу-Симбел, не добровольно, как все. Но тогда это казалось мне единственной возможностью...

Он перевел взгляд с окна на Раю. Балое ожидал, что она набросится на него и начнет допытываться, при каких обстоятельствах он сюда попал. Но Рая, сдерживая любопытство, смотрела на него, не говоря ни слова.

Это сделало француза разговорчивее, и он продолжил:

– Я был уважаемым человеком в Тулоне, главным редактором тулонской газеты. Но потом у меня случился роман с молодым редактором литературного отдела, его звали Пьер. Я был влюблен, по крайней мере первое время, первые два года. Но люди меняются, и чувства проходят. Я думал, что могу любить только мужчин, однако выяснилось, что я ошибался. Отношения с матерью Пьера подтвердили мои подозрения. Мы тайно занимались любовью в случайных местах: на скамейке в парке, в лифте между этажами или в машине перед супермаркетом. Мы любили друг друга! Я не мог рассказать об этом Пьеру, и он узнал обо всем от матери. Он возненавидел меня и начал шантажировать. Он вымогал все больше денег, и я был уже не в состоянии обеспечить его запросы. Если я не платил, он угрожал, что объявит о наших отношениях, и, конечно, это значило бы конец моей карьеры.

Рая растерянно взглянула на него. Все-таки этот парень вызывал сострадание. Но у нее не выходило из головы, почему он так активно проявлял интерес именно к ней. Балое искал сильных женщин – женщин, которые бы им управляли, а не наоборот.

– А как ты попал в КГБ? – спросила она.

Балое заново прикурил сигарету, выпустил дым и ответил:

– Это было в тот же год. Я поехал с другими журналистами в Москву, и на Красной площади со мной заговорила незнакомая женщина. Она была дьявольски красива и спросила, не приглашу ли я ее пообедать. Я ответил: «Почему бы и нет?» Я не мог отказаться от такого приключения! Впоследствии выяснилось, что она преследовала совсем иную цель. Она предложила мне работать на советскую разведку за приличные деньги. Представьте себе! А они чертовски были мне тогда нужны.

– У нас все происходит по одному и тому же сценарию, – рассмеялась Рая. – Теоретически может быть, что мы уже встречались. Тогда, пять лет назад.

– Ты?

– Да, я тоже проводила такие вербовки.

Балое покачал головой и продолжил:

– История с Пьером и его матерью выпила из меня все соки, и я решил все бросить и начать жизнь заново. Я услышал об Абу-Симбел и обратился в «Grands Travaux de Marseille», французскую фирму-партнера в этом проекте. С тех пор я здесь.

– А Пьер и его мать?

– Все прошло. Конечно, я больше не плачу ему. Теперь он не может мне навредить. Но случилось нечто странное. Вместо угроз Пьер стал посылать мне письма с пламенными признаниями в любви. Он попросил у меня прощения за недостойное поведение и вернул все деньги до последнего сентима.

– А его мать?

Балое запнулся и печально произнес:

– Она назвала меня трусом, слабаком... Остальные слова я не хотел бы вспоминать. С тех пор я о ней больше ничего не слышал...

Хотя Рая этого и не показала, но история Жака тронула ее. Однако еще до того как она успела задать следующий вопрос, Балое продолжил:

– Конечно, я поехал в Абу-Симбел и для того, чтобы отделаться от КГБ. Куда там! Теперь я стал представлять для них еще больший интерес. И они выбили из меня согласие работать здесь на них. Теперь ты все знаешь.

Один знал судьбу другого, и в этих судьбах было много общего. А ничто так не сближает, как одинаковая судьба.

18

Уже много дней Артура Камински интересовал вопрос, что происходит с доктором Хорнштайн. После их неожиданной встречи в строительном бараке Гелла полностью переменилась, по крайней мере по отношению к нему. Ее неприступность сменилась симпатией. Во время обеденного перерыва она неожиданно появлялась на стройплощадке и приносила ему холодное пиво. По вечерам ее можно было увидеть с Камински в казино. Она использовала любую возможность, чтобы встретиться с Артуром.

Лундхольм и Алинардо, друзья Камински, заметили это, и Алинардо все выспрашивал, как Артур совершил такое чудо. Камински сам этого не знал. Он понимал только, что чем ближе становилась ему эта женщина, тем больше он хотел ее. Он был уверен: в ближайшем будущем это произойдет.

Все чаще он думал не о работе, вспоминая ее бедра, когда она спрыгнула со стола там, в бараке. Но пока он вынужден был сдерживаться. Камински ждал знака, намека, который бы означал, что Гелла хочет близости с ним. Другой возможности заполучить эту женщину не было.

Вечером, после очередной встречи с директором строительства Якоби в бюро, на которой обсуждались и уточнялись сроки для строительных бригад, Камински вышел прогуляться. На большой площади был припаркован «фольксваген» Геллы. Сначала он решил, что Гелла приехала в дирекцию строительства, но потом подумал, что тогда бы она подъехала прямо к зданию.

Площадь была похожа на гигантскую каменоломню. Здесь стояли сотни каменных блоков различного размера и пролегали рельсы для порталного крана. Его прожектор освещал мертвый рельеф каменных глыб и фигур, напоминающий театральные декорации. С солнечной стороны они были накрыты тканью, чтобы избежать разрушения. Песчаник, простоявший на солнцепеке тысячи лет, был повернут к солнцу одной стороной. Из-за нагревания могли образоваться трещины, которые привели бы к разлому.

Камински хотел позвать Геллу, но удержался: голос разнесся бы над площадью, а вокруг было достаточно людей, у которых из-за сплетен уже образовались мозоли на языках. Что она делает здесь в это время?

Вдруг из-за колосса появился доктор Хассан Мухтар. Археолог испугался больше, чем сам Камински, но дружелюбно поздоровался и понес какую-то ерунду о контрольном осмотре камней.

– Вы что, боитесь, что кто-нибудь ночью украдет камни? – засмеялся Камински.

– Чепуха! – проворчал Мухтар, который никогда не понимал шуток. – Не ваше дело критиковать мою работу.

– Конечно же нет! – ответил Камински. – Но я тоже здесь работаю, и не ваше дело пересматривать мои обязанности. Если возникнут технические проблемы, дайте мне знать.

Мухтар замахал руками.

– Gutt, gutt! – воскликнул он по-немецки (это слово можно было часто услышать на стройплощадке) и продолжил по-английски: – Я не это имел в виду, мистер Камински.

Археолог отправился в сторону радиостанции, а Камински продолжил поиски Геллы Хорнштайн, но вдруг остановился. Ему послышался ее голос. Или

он ошибся? Голос был такой же, как у доктора, но совершенно другая манера говорить. Осторожно он приблизился к месту, откуда слышался голос.

В свете фар Камински увидел женщину, но прошло довольно много времени, прежде чем он узнал Геллу. Совершенно обнаженная, она извивалась, словно змея, исполняя на теплом белом песке замысловатый танец ведьмы. Гелла запрокидывала голову и издавала булькающие, полные ненависти звуки, как будто разговаривала на незнакомом языке. Ее ругательства были обращены к фрагментам колосса, который в стоическом спокойствии, улыбаясь, стоял перед ней в песке.

Словно в трансе, Гелла извивалась, будто блудница, перед головой изваяния. Это уже была не Снежная королева из лагеря, это была другая женщина в ином обликий. «Как же она привлекательна!» – подумал Камински, наблюдая за этим странным действием. Он пожирал ее глазами. Он бы стоял так целую вечность! Она ползала по песку, и ее тело было подобно стеблю лотоса, она протягивала руки к небу, словно тычинки лилии.

Он уже не боялся, что Гелла его заметит. Задумавшись, он наблюдал, как она выполняет своеобразный ритуал. Постепенно Камински начал задаваться вопросом, что значил для Геллы этот танец. Может, это одержимость? Что происходит перед его глазами?

Никаких вопросов! Гелла была экстраординарной женщиной, и именно это делало ее столь привлекательной. Но где заканчивается экстраординарное и начинается сумасшествие? Может, именно сумасшедшинка в ней и привлекала? Камински испугался, поймав себя на мысли, что хочет быть охвачен этим безумием вместе с ней, прямо здесь, на теплом песке.

Невольному свидетелю казалось, что приближаться к неадекватно ведущей себя женщине небезопасно. Камински боялся, что она вдруг выйдет из транса и почувствует, что ее застали врасплох. Он этого не хотел, поэтому отошел назад и позвал ее из-за каменного блока. Так он хотел предупредить ее о своем появлении и дать время одеться.

Камински удивился, вернувшись к тому месту, где уже ее видел. Гелла лежала на спине. Она все еще была обнажена, глаза ее были открыты. Когда она его заметила, она протянула к нему руки, как будто так и должно было быть.

– Иди, – тихо позвала она, – подойди, возлюбленный мой!

Что ему оставалось делать? Увиденное породило в нем сомнение, складывалось впечатление, что Гелла одержима. Но разве страсть – не одержимость своего рода? О чем можно было раздумывать, если она этого хотела и он этого хотел? «Нашелся бы хоть один мужчина, – подумал Камински, – который в такой ситуации сказал бы нет?»

То, что произошло потом, Камински мог вспомнить только урывками, так завертело его песчаной бурей под черным небом Абу-Симбел. Никогда еще он не испытывал столь сладостных чувств. Гелла была подобна животному, разъяренной змее, а затем превратилась в ласковую кошку. Как гусеница превращается в бабочку, так и Гелла каждое мгновение, меняла свой облик, но была все та же.

Он больше не помнил о своей клятве не иметь дела с женщинами, все было забыто. Все, что он называл опытом. Эта женщина над ним, под ним, рядом с ним была олицетворением желаний, воплощением страсти – в конце концов, просто инкарнацией одержимости. Если Гелла была одержимой, он хотел

быть одержимым вместе с ней!

Она урчала низким голосом, как экзотический зверь. Камински никогда не слышал подобных звуков. Она вызывала благоговейный трепет. Что касается его сексуальных привычек, то до этого он придерживался страстной немоты. Но теперь, когда он лежал под гибким телом Геллы, его мозг был словно поражен пылающим клинком. И Камински закричал – громко, несдержанно, исполненный счастливого восхищения...

На склоне горы над храмовым комплексом началась подготовка к установке вырезанных блоков. Геодезисты потратили неделю, чтобы утвердить основные характеристики площадки и определиться с ее длиной, ведь здесь должен был уместиться большой храм. Гастон Бедо, возглавлявший группу геодезистов, выдвинул лозунг: ни сантиметра отклонения. В конце концов, большой храм и на новом месте должен был остаться столь же уникальным. Раз в год, в равноденствие, луч солнца должен был падать на портал и освещать фигуру Рамсеса между богами Пта, Амоном и Рахоракти.

Фундамент для гигантского бетонного колодца, на котором устанавливались вырезанные каменные блоки, требовал уйму материалов. Из Асуана баржами привозили цемент. Но самой большой проблемой стало изготовление бетона на открытом воздухе при температуре сорок-пятьдесят градусов. Или вода, которая должна была связывать цемент, испарялась, или бетон застывал быстрее, чем его успевали использовать.

Воду приходилось охлаждать до нуля градусов, и только в этом случае удавалось приготовить бетон, с которым можно было нормально работать. Правда, эта процедура требовала значительных затрат электроэнергии, но ее вырабатывала автономная электростанция, дизельный агрегат которой шумел день и ночь. Запасов горючего едва хватало на неделю. А танкер из Асуана опаздывал уже на три дня.

Якоби занервничал и созвал внеочередное заседание. Обстановка сложилась напряженная, но проблему нужно было обсудить. Якоби без долгих предисловий перешел к делу. Он сообщил, что запас горючего будет исчерпан через четыре дня, а египтяне не в состоянии обеспечить подвоз.

– Думаю, вы все понимаете, что это означает.

– Нет! – крикнул Иштван Рогалла, немецкий археолог. – Но вы же нам это объясните?

– Это означает, что мы вынуждены перепланировать работу. Мы прекратим производство бетона, требующее больших энергозатрат. Придется отключить от электричества поселок рабочих и частные дома. Вам придется некоторое время пожить без кондиционеров. Мы полностью сконцентрируемся на строительных работах. Если не сделать этого прямо сейчас, потом у нас не будет шансов.

Жесткое высказывание Якоби вызвало большое волнение. Громче всех ругался Алинардо, который, очевидно, неправильно понял Якоби. Он кричал, что без тока не сможет работать. Лундхольм жаловался, что не сможет спать без кондиционера, а без сна не сможет работать. Бедо, раскрасневшийся от злости, был готов бросить работу и прямо сказал, что египтяне не заслужили такого проекта, как Абу-Симбел, а Лундхольм вскочил и прокричал:

– Я так больше не желаю работать!

Доктор Хассан Мухтар поднялся и принялся успокаивать присутствующих:

– Друзья, если на то будет воля Аллаха, мы сможем переместить храм Абу-Симбел – с горючим или без. Аллах велик, и велик пророк его Мухаммед. Если на то воля Аллаха, чтобы мы утопили этот храм в Ниле, то он нам подает знак.

Европейцу тяжело серьезно воспринимать подобные слова. Рогалла бесцеремонно рассмеялся, а Камински, который все время сидел с отсутствующим

видом, громко сказал:

– Аминь.

Балое и Рая, сидя в сторонке, у окна, перешептывались.

– Я не знаю, – сказал тихо Балое, – но, похоже, за этим стоят русские.

Рая кивнула.

– Да, я тоже об этом подумала. Явно прослеживается почерк Смоличева. Нужно сказать об этом Якоби.

– Ты спятила! – зашипел на нее Балое. – Ты хочешь выдать и себя, и меня?

– Что значит выдать! Должен же быть какой-то способ предупредить директора строительства, что прогнозы Антонова заведомо ложные и вода в Ниле прибывает не так быстро, как сообщили. И не нужно было бы проводить экстренное совещание только из-за задержки поставок горючего.

Балое нервно закурил.

– Хорошо, подойди к Якоби и скажи: «Мое имя не Монте, меня зовут Курянова, и я из КГБ. Все данные, которые вы получили от русских, ложные...»

Рая раздраженно махнула рукой.

– Да, хорошо! Но ты не находишь, что мы оказались в безумном положении? Мы все знаем, но не можем помочь. Если правда выяснится, первым делом подозревать будут тебя. Что же нам делать?

20

Тем временем танкер, который вез горючее в Абу-Симбел, стоял на якоре между Эсной и Эдфу. Капитан по радио сообщил о неполадках с мотором. Запчасти должны были привезти из Каира, а на это ушла бы минимум неделя. Как выяснилось позже, причиной неполадок был не технический, а человеческий фактор: ошибку в обслуживании допустил первый механик.

Но задержки в десять дней с лихвой хватило, чтобы надолго отравить атмосферу на строительной площадке в Абу-Симбел. В борьбе за распределение электричества даже друзья превратились во врагов, потому что каждый считал свою работу самой важной. К тому же стояла нестерпимая жара, даже ночью одолевавшая людей в каменных домах. Мужчины приходили на стройплощадку невыспавшимися и раздраженно принимались за работу.

Рая Курянова, или Монте, и Жак Балое были единственными, кто знал, что энергетический кризис спровоцирован советской секретной службой, что вода в водохранилище поднимается медленнее, чем показывали расчеты.

Эта информация стала для обоих тяжким бременем. Каждый боялся предательства со стороны другого. В конце концов Рая собрала свои вещи и переехала, подыскав комнату в «конюшне», где квартировал Алинардо.

В рабочем лагере, где в то время жили преимущественно египтяне, которых было около тысячи, нубийцы организовали демонстрацию протеста. Многие бросили работу. Положение стало критическим.

Наконец с опозданием в двенадцать дней из Асуана прибыло долгожданное горючее, и работа вновь закипела.

21

Меньше всех в сложившейся ситуации пострадал Камински. Распил и транспортировка храмовых блоков шли точно по графику, что вызывало всеобщее уважение к инженеру. Его отношения с Геллой Хорнштайн не остались незамеченными. Их постоянно можно было видеть вместе, и не только по вечерам в казино. Ни для кого не было секретом, что Камински часто проводил ночи в ее доме.

Доктор Георг Хекман, директор больницы, болезненно завидовал успеху Камински. Он бы не чувствовал себя опозоренным, если бы еще три дня назад в разговоре с глазу на глаз не назвал Геллу своей правой рукой. Теперь Хекман старался избегать встреч с обоими, но если таковые все же случались, приветствовал Геллу и Камински с показным дружелюбием.

Что касается Камински, то он был на седьмом небе от счастья. И только когда работал на стройплощадке, ломал себе голову: какое же обличие Геллы Хорнштайн истинное? Была ли она в действительности холодной, бесчувственной, внушающей всем уважение женщиной или же страстной и безудержной, способной свести с ума любого мужчину? Но несмотря на длительные раздумья, этот вопрос так и остался без ответа.

Впрочем, ответ Камински не интересовал, пока Гелла встречала его с такой страстью. Конечно, ему нравилось думать, что он разогнал всех бывших ухажеров Геллы. В своих мечтах он даже доходил до того, что представлял себе новую жизнь вместе с ней после Абу-Симбел. Но об этом он не решался говорить вслух. Пока не решался.

В этот вечер они торопливо ужинали в казино, и их беспокойство было заметно со стороны. Внимательный наблюдатель наверняка отметил бы, что за ужином они не проронили ни слова, лишь поглядывали друг на друга, будто читали мысли. Наконец они вышли из столовой и отправились на внедорожнике Камински в восточном направлении. Незадолго до наступления темноты они доехали по Эксес-роуд до строительного бюро Камински, расположенного на берегу водохранилища.

Камински открыл дверь и проводил Геллу в деревянный дом. Через некоторое время они вернулись к машине, чтобы поставить ее подальше от барака, за небольшим храмом. Напротив ярким светом прожекторов сияла строительная площадка. От переплетений стальных тросов и мачт кранов создавалось впечатление, что проводится разгрузка старого парусного судна. Безудержно завывали пилы Алинардо, выбрасывая в ночное небо облака пыли. Камински всегда завораживала эта сцена.

Из-за шума и спешки никто не замечал Камински. Это было в его стиле: неожиданно появиться в самое неподходящее время и снова исчезнуть. И сегодня он незаметно исчез в строительном бараке.

На этот раз Камински подготовился основательно – совсем не так, как тогда, когда еще не знал, что его ожидает в шахте. Все окна были закрыты так, чтобы снаружи не было видно света. Камински запер дверь на задвижку, обнял Геллу, и та ответила поцелуем. Наконец он принялся срывать половицы.

Неделю назад, когда Камински впервые открыл шахту, он оставил тайный знак, чтобы проверить, не проник ли в нее кто-нибудь в его отсутствие. Все было на месте. Он отгрел щебень и вытащил тяжелые доски.

Гелла стояла на коленях и светила фонариком в шахту. Она взглянула на Артура и попыталась улыбнуться, но было видно, что она крайне взволнована. Она не говорила ни слова, Камински тоже ограничивался знаками. Он опустил в шахту маленькую веревочную лестницу, закрепив ее на балке, надел шахтерскую лампу и полез, кивком головы пригласив Геллу следовать за собой.

Когда Гелла спустилась на дно шахты, она дрожала всем телом.

– Это не слишком для тебя? – прошептал Артур, взяв ее за руку.

Но Гелла резким движением вырвала ее.

– Это... просто... от волнения, – ответила она, кашляя.

Пыль и сухой воздух действовали на нее сильнее, чем на Камински.

– Лучше будет, если ты поднимешься наверх, – сказал он. – От каждого шага будут подниматься облака пыли, и дышать станет еще тяжелее.

В ответ Гелла нагнулась и полезла по узкому проходу.

Камински последовал за ней, прихватив маленькую лестницу. В первый раз, казалось ему, спуск не был таким утомительным. Но тогда он думал только о себе, а сейчас больше внимания обращал на Геллу.

Она вдруг остановилась.

– Дальше я пройти не могу, Артур, – закашлялась девушка.

– Оставайся на месте! – ответил Камински.

Фонарик осветил лицо Геллы и за ее спиной – гору камней, которая была почти до самого потолка этого низкого коридора. Камински покачал головой.

– Что теперь? – тихо спросила она.

– Это невероятно! – воскликнул Камински и отер рукавом со лба липкий пот.

– Артур, что же случилось? И что нам теперь делать?

Камински горько улыбнулся.

– Смотри, камни обвалились с потолка. Проходы могут обрушиться под тяжестью грузовика, который перевозит глыбы. Нам придется вернуться. Наше приключение становится опасным. Ты же видишь...

До этого времени Гелла вела себя спокойно, теперь же начала кричать:

– Артур, ты обещал отвести меня к мумии. Ты должен сдержать свое обещание. Ты *должен*, слышишь!

– Но что же теперь делать? – закричал Камински в ответ. – Я и не предполагал, что эта куча свалится сюда!

Некоторое время они стояли молча. Потом Камински сдался и пополз вперед, насколько возможно освещая камни.

– Видно что-нибудь? – закричала Гелла.

Артур, запинаясь, ответил:

– Кажется, не все так плохо. – Он осторожно ощупывал потолок. – Стой! – наконец сказал он. – Я попробую расчистить проход.

– Ты сделаешь это, Артур, ты сможешь! – воскликнула Гелла.

Она опустилась на пол и устало прислонилась к стене, внимательно наблюдая, как Камински убирает в сторон) булыжник за булыжником.

Это длилось около получаса, и груда камней уменьшилась настолько, что мог пролезть человек.

– Теперь я иду первым! – сказал Камински и протолкнул лестницу в отверстие. – Надеюсь, над нами не проедет грузовик. Если это все-таки случится,

хоть иногда вспоминай обо мне.

Камински исчез в темноте. Вскоре с другой стороны послышался его голос:

– Можешь идти!

Гелла последовала за ним. Она пробралась через груды камней проворно, будто ласка. А когда смогла подняться, то просто сияла. От радости она заливалась смехом и подпрыгивала, как озорной ребенок.

– Мы еще не достигли цели! – остановил ее Камински и направился в сторону второй шахты.

Они достигли ее через несколько шагов. Камински положил лестницу поперек пропасти, этого как раз хватило. Он взял Геллу за руки, чтобы придать своим словам больший вес.

– Сначала на ту сторону переберусь я. Запоминай каждое мое движение. Как только я буду на другой стороне, следуй за мной. Не смотри вниз. Смотри все время вперед!

Оказавшись на противоположной стороне, Камински опустил на пол и попросил Геллу бросить ему фонарик.

– Ну, давай! – скомандовал он.

Гелла смело ступила на лестницу, но когда дошла до середины, лестница начала раскачиваться, и она остановилась. Девушка словно окаменела.

– Дальше, дальше! – закричал Камински.

Гелла стояла как вкопанная.

– Что случилось?

– Не знаю. У меня как будто отнялись ноги и руки.

– Ерунда. Ты должна идти дальше!

– Я не могу!

– Дальше! Ты должна побороть страх. Ну же!

Гелла вцепилась руками в перекладины лестницы и замерла. Она смотрела вперед, но глаза ее остекленели. Казалось, ни один мускул ее тела не шевелится, не было слышно даже дыхания. Камински испугался.

Отправиться ей навстречу? Лестница для этого слишком хлипкая. Он мог бы повиснуть на железных перекладинах, но чем это поможет? Возвращаться назад за веревочной лестницей еще опаснее, чем продвигаться вперед. Она *должна* это сделать.

– Ты же сама этого хотела! – разозлился он. – Я тебя предупреждал. Что тебе здесь понадобилось? Поглазеть на старую иссохшую мумию? Ты бы лучше заботилась о вещах, которые тебя напрямую касаются...

Говоря это, он заметил, как жизнь возвращается в ее застывшее тело. Его слова возымели действие. Он продолжал:

– Ты слабачка! В решающий момент ты отказываешься идти дальше, боишься за свою никчемную жизнь...

Ее паралич прошел в одно мгновение. Последний отрезок пути Гелла преодолела без остановок.

Камински не сказал ей ни слова. Он видел, что Гелле стыдно, и решил забыть этот инцидент.

После того как он перетащил лестницу, они, согнувшись, продолжили путь. Перед входом в камеру, где стоял саркофаг, он пропустил Геллу вперед.

Она, тяжело дыша, поднялась в высокой комнате в полный рост. Волосы ее слиплись на влажном лбу, она была измотана вконец. Но глаза светились, на-

полняясь лихорадочным волнением.

Перед ней на темном цоколе стоял, словно алтарь, саркофаг.

Гелла попыталась влезть на кучу камней, которую в прошлый раз сложил Камински. Тем временем он приставил лестницу с другой стороны и взобрался наверх.

Он мельком взглянул на коричневое лицо мумии, но больше его занимала Гелла. Лицо Геллы горело, она дрожала, будто сердце ее билось неровно. Уголки рта подрагивали, глаза неестественно светились.

Она потянулась к мумии, как будто хотела потереться о нее щекой. Но это ей не удалось. С лестницы это могло бы получиться, но Камински не решался заговорить с ней в такой момент.

У Камински сложилось впечатление, что между Геллой и мумией возникла какая-то странная близость. Испытывал ли он сам страх или даже отвращение – в конце концов, речь шла о трупе, – понять не мог. Прежде он не знал страха, но сейчас ему было не по себе. Как и в прошлый раз, он чувствовал себя незванным гостем.

Камински не знал, сколько времени он молча наблюдал за Геллой, но наконец решился заговорить.

– Что ты чувствуешь? – спросил он, глядя поочередно то на Геллу, то на мумию.

– Что я чувствую? – Гелла не отводила глаз от мумии. – Думаю, ты этого не поймешь. Прости меня, Артур, но я не отвечу на твой вопрос.

Камински не стал переспрашивать. Здесь происходило что-то, чего он не понимал.

Мыслями Гелла была далеко. Потом неожиданно спросила:

– А скарабей?

Камински указал на правую руку мумии, которая была наполовину прикрыта крышкой саркофага.

– Она держала его в правой руке. Видно было что-то зеленое. Я смог его легко вытащить. Возможно, его не заметили расхитители гробниц, которые побывали здесь до нас.

Гелла кивнула и уперлась руками в тяжелую крышку. Она напрасно пыталась отодвинуть ее в сторону.

– У тебя не получится, – сказал Камински, – плита слишком тяжелая.

Он попробовал помочь Гелле и с другой стороны уперся в крышку руками. Руки заболели: край крышки был украшен острыми иероглифами. Вдруг тяжелая порфирная плита подалась, словно сама собой съехала в сторону и легла поперек саркофага. Их взору предстало иссохшее тело мумии.

От дверей гробницы раздался хлопок, напугавший обоих. Казалось, кто-то сильно и неритмично бил в ладоши. Гелла вопросительно посмотрела на Камински. Он побледнел.

– Камни... – сказал он. Секунду подумал и закричал: – Быстро, нам нужно выбираться отсюда!

Камински соскочил с лестницы и швырнул ее в дверной проем. Потом схватил за руку беспомощно стоявшую Геллу и потащил к выходу.

– Это не опасно, – сопротивлялась Гелла, вырываясь из его объятий.

– Конечно, опасно, – резко ответил Камински. – У тебя есть выбор. Можешь остаться здесь и переждать, пока все закончится. Тогда ты, может быть, бу-

дешь похоронена здесь заживо. Или можешь рискнуть получить камнем по голове, но, возможно, тебе удастся выбраться отсюда живой. Что тебе больше нравится?

Не говоря больше ни слова, Камински двинулся по проходу, согнувшись в три погибели и волоча за собой лестницу. Он был уверен, что Гелла последует за ним, – решение спуститься в гробницу было бы неразумным. На полпути он прислушался – Гелла пробиралась за ним.

Тем временем Камински достиг места, где с потолка падали камни. Он прислушался: промежутки между хлопками стали короче.

Наконец его догнала Гелла.

– Скрести руки над головой! – Камински зажал в зубах фонарик и показал, что надо делать.

Гелла кивнула. Камински хлопнул ее по плечу.

– Давай, ты сможешь! – ободряюще сказал он.

Гелла скрестила руки над головой и побежала. Фонарик на поясе освещал кусочек земли у нее под ногами. Она не слышала стука камней, которые падали вокруг. В голове была только одна мысль: «Прорваться!»

Гелле это удалось. Добравшись до шахты, она устало повалилась на пол, ощупала себя, и стало ясно, что все закончилось благополучно.

Внезапно перед ней возник Камински.

– Все в порядке?

– Порядок, – кивнула Гелла. – А ты как?

– Вроде обошлось.

Из коридора, откуда они вышли, сыпались камни, а Камински раскладывал лестницу над пропастью. Теперь Гелла без страха преодолела препятствие, ведь только что еще и не такое пережила.

Наверху, в строительном бараке, она крепко обняла Камински.

– Не стоит благодарности, – попытался обыграть ситуацию Артур.

В действительности он понимал, что шансов выбраться живыми из гробницы у них было мало.

Камински упал на скрипучий стул, на котором обычно работал. Керосиновая лампа шипела. Его руки горели огнем. Чтобы успокоить боль, он потер их о колени. Но боль только усилилась.

– Мои руки, мои руки! – вдруг закричал Камински и протянул ладони к Гелле. – Боже мой, что все это значит?

Руки Камински стали ярко-красными, как будто обваренные крутым кипятком. Зрелище было еще более жутким оттого, что на обеих ладонях проступили темные овалы. Словно каиновы печати, эти овалы сходились в один таинственный иероглифический текст. «Крышка саркофага, – мелькнула мысль в голове у Камински, – край крышки был украшен иероглифами».

Гелла молча показала свои руки. На ее ладонях были такие же отпечатки, только знаки были другими.

– Боже мой, что все это значит? – повторил Камински.

Он не отводил глаз от Геллы. Она выглядела взволнованной. При этом у Камински сложилось впечатление, что она знает смысл иероглифов. Но он чувствовал, что если начать спрашивать ее о значении символов, то она сделает вид, что не понимает, о чем идет речь.

Камински принялся переносить символы на бумагу: сначала с левой ладо-

ни, потом с правой. Гелла наблюдала за этим с улыбкой. Закончив, он срисовал знаки и с ее левой и правой руки.

– Зачем ты это делаешь? – поинтересовалась Гелла.

– Я хочу узнать их значение, – ответил Камински. – Или ты его знаешь?

– Нет! – слишком быстро ответила Гелла. – Откуда я могу знать...

Камински ничего другого и не ожидал. Чтобы снять боль, Артур открыл сифон, набрал воды в миску и окунул туда руки. Гелла тоже подошла и опустила ладони в миску.

– Так намного лучше, – улыбнулась она и поцеловала его в щеку.

Камински вытащил руки из воды и испугался: отпечатков на ладонях не было. Он взял Геллу за запястья и повернул руки тыльной стороной. Знаки на ее ладонях тоже исчезли.

– Но это же невозможно! – закричал Артур.

Гелла ответила так, будто происходящее ее вовсе не удивило, словно именно этого она и ожидала:

– Ну ты же сам видишь, что это возможно! – И через секунду добавила: – Лучше будет, если мы забудем это приключение, вычеркнем его из памяти. Как ты думаешь?

Артуру было сложно собраться с мыслями. «Вначале ей казалось, что находка мумии – важнейшее на земле дело, теперь же она не хочет ничего об этом слышать. Какого черта? Что происходит с этой женщиной?»

Гелла подошла к письменному столу, взяла лист бумаги, на котором Камински зарисовал иероглифы, и подожгла его от керосиновой лампы. Он хотел было запротестовать, хотел ей запретить, но так и не смог ничего сказать, голос отказал ему. Бумага вспыхнула и через секунду превратилась в кучку пепла.

22

В том году летняя жара началась уже в апреле и казалась еще нестерпимей. Воттого, что температура и ночью не падала ниже сорока градусов. В госпитале у доктора Хекмана и доктора Хорнштайн было полно работы: в основном они лечили сейчас нарушение кровообращения и почечную недостаточность. Кто еще держался на ногах, глотали пригоршнями соляные таблетки. У половины больных возникло неприятное сопутствующее явление: соль выступала на одежде так, что царапала кожу.

В разгар полуденной жары двое египтян привезли на грузовике в лагерь своего старшего рабочего. Он был без сознания и одеревенел, как доска. Доктор Хорнштайн сделала инъекцию, но мужчину так и не удалось спасти. Это был уже седьмой случай смерти среди рабочих в Абу-Симбел.

Все чаще заболевшие обращались к Кемалю-кузнецу, который лечил нетрадиционными методами лучше и быстрее врачей. Эта информация быстро распространилась в округе. Хотя Кемаль и не требовал денег за лечение, он ожидал от пациента хороший бакшиш (подарок), и иногда даже до начала лечения. Чем дороже был подарок, тем необычнее терапия. И зачастую она помогала.

Иштван Рогалла, немецкий археолог, разыскивая свою ассистентку Маргарет Беккер, после того как она не пришла в назначенный час, обнаружил ее неподвижно лежащей на кровати. Ее глаза беспокойно подергивались.

Рогалла схватил девушку за плечи.

– Маргарет, что случилось? – закричал он.

– Я не могу пошевелиться, – с трудом ответила Маргарет и подняла руки с растопыренными пальцами. Рогалла с ужасом увидел, что кисти раздулись, словно шары.

– Я не могу двигаться, болит невыносимо, – расплакалась Маргарет.

У Рогаллы мелькнула мысль: «Кемаль, кузнец! Кемаль должен помочь».

Он, пока нес Маргарет к машине, заметил, что руки и лицо девушки начали синеть. В машине она потеряла сознание.

Рогалла задумался. Может, стоит вернуться и отвезти Маргарет в госпиталь? Не успев что-то решить, он оказался возле кузницы.

Лысый Кемаль, услышав звук приближающейся машины, вышел им навстречу. На его бедрах был повязан светлый платок, плотный торс обнажен – кузнец походил на строителя пирамид из древности.

– Кемаль, – нервно закричал Рогалла, – быстрее! Сделай что-нибудь, умоляю. Мне кажется, Маргарет умирает!

Он вытащил десятифунтовую банкноту размером с носовой платок. Кемаль взял ее, сунул за пояс и отнес Маргарет в темную кузницу. Он положил девушку на кушетку в глубине мастерской, долго и придирчиво осматривал.

Археолог наблюдал за ним с нетерпением и беспокойством.

– Она... умерла? – спросил он нерешительно.

Кемаль не ответил. Он расстегнул блузку девушки и приложил ухо к ее груди. Потом подошел к железному корыту, зачерпнул миской воды и поставил ее на грудь девушке. Улыбка засияла на его мрачном лице. Он указал на поверхность воды: по ней пробежала рябь.

– Волны означают жизнь, мистер, – сказал Кемаль, не сводя глаз с непо-

движной девушки. – А где есть жизнь, там Кемаль может помочь. Только над смертью Кемаль не властен.

– Ну так делай же что-нибудь! – настаивал Рогалла.

Кузнец осмотрел раздувшееся тело Маргарет с головы до пят и стащил с нее одежду. В его руке сверкнул маленький острый нож. Кемаль взял девушку за руку и коротким, но сильным ударом разрезал предплечье. Ту же процедуру он проделал с правой икрой Маргарет.

Из тела девушки на грязный каменный пол заструилась темная кровь. Решительность покидала Рогаллу. Он начал сомневаться, правильно ли поступил или все же следовало отвезти Маргарет в госпиталь.

Молодая женщина истекала кровью, как животное на скотобойне. И чем дольше продолжалось лечение, тем больше Рогаллу охватывали страх и волнение. Как сумасшедший он бросился прочь из кузницы и помчался в госпиталь. Чуть позже он вернулся с доктором Хорнштайн.

Когда Гелла вошла в темную комнату, то увидела Маргарет Беккер, лежащую в луже крови, и Кемалья, который сидел, как заправский палач, перед жертвой, скрестив руки на груди. Она душераздирающе закричала:

– Боже мой! Что вы сделали с ней?

Он остановил ее движением руки, отодвинул в сторону и прорычал глухим низким голосом:

– Ты женщина, миссис, ни у одной женщины нет дара лечения. Этим даром Аллах наделил только мужчин...

– Идиот! – перебил Рогалла рассерженного кузнеца. – Доктор Хорнштайн – медик. Она этому училась!

– Училась? – спросил Кемаль возмущенно и сплюнул на пол. – Женщина училась! Разве Мухаммед, пророк, завещал, чтобы женщины учились? Разве это написано в священном Коране? Ни в одной суре не сказано, что женщина может учиться, и ни в одной не говорится, что она может лечить!

Время уходило. Рогалла подошел к Кемалю.

– Ты позволишь доктору Хорнштайн выполнить ее работу! – сказал он угрожающим тоном. – Ситуация серьезная, и у нас нет времени обсуждать вопросы мировоззрения. Понимаешь?

Кемаль не понял слов, но сообразил, что имел в виду Рогалла, и ушел в дальний угол кузницы. Там он уселся на колоде, наблюдая за доктором.

Тем временем доктор Хорнштайн накладывала жгуты, чтобы остановить кровотечение. Тело девушки так раздулось, что, казалось, вот-вот лопнет.

– Острая нехватка кальция! – заявила Гелла. – Шок! – Она указала на руки Маргарет.

Ее пальцы были судорожно сжаты.

– Типичное состояние рук! – заметила врач, делая укол.

– И что? У нее есть шансы?

Доктор Хорнштайн сделала инъекцию. Маргарет Беккер никак не отреагировала – ни единого движения.

– Я не знаю, – ответила Гелла. – При обычных обстоятельствах у меня было бы меньше сомнений. Но сейчас... – Она взглянула на Рогаллу, и тот отметил скептическое выражение ее лица. – Да и все, что происходит здесь... – продолжила она. – Вам, конечно, придется ответить на пару неприятных вопросов.

Рогалла хотел возразить, но понял, что высказывать свою точку зрения

сейчас не время.

– Может, лучше отвезти Маргарет в госпиталь? – спросил он.

– Конечно, – ответила доктор Хорнштайн. – Но не сразу. Или вы хотите, чтобы мы привезли ее туда мертвой?

Спустя несколько минут укол начал действовать. Маргарет открыла глаза и беспокойно моргала. Через несколько секунд она вновь потеряла сознание. Тем временем Кемаль все ворчал в своем углу. Он ругался, проклинал и издавал странные горловые звуки.

– Если Маргарет умрет, – закричала Гелла Хорнштайн, – то только благодаря вашему богу, Кемаль! – И добавила, повернувшись к археологу: – И благодаря вам, Рогалла!

Он растерянно смотрел в пол, чувствуя себя виновным в том, что сразу не обратился за помощью к врачам. Но люди на стройплощадке рассказывали чудеса о способностях Кемалья. Почему кузнец не применил эти способности? Ведь Рогалла просто хотел помочь Маргарет!

Словно прочитав его мысли, Гелла Хорнштайн сказала:

– Я знаю, вы просто хотели помочь. Но я бы на вашем месте больше доверяла образованным европейцам.

Рогалле было стыдно. Он держал Маргарет за руку и беспомощно поглаживал. Больше он ничего не мог поделать в этой ситуации.

– Платки! – закричала доктор Хорнштайн. – Мне нужны влажные платки!

Кемаль поднялся, шаркая ногами, подошел к Гелле и вытащил грязный носовой платок. Гелла выхватила его и ударила Кемалья по лицу. Тот заревел от злости. Он не мог стерпеть такого унижения от женщины и бросился на нее с кулаками. Только благодаря вмешательству Рогаллы ничего не случилось.

– Дайте мне ключи от вашей машины! – приказала Гелла.

Без дальнейших объяснений она взяла ключи, выскочила на улицу и уехала.

Причины ее бегства Кемаль и Рогалла объясняли по-разному. Рогалла думал, что Гелла поехала в госпиталь за бинтами или за лекарствами. Кузнец же решил, что доктор закончила свое дело и ретировалась. Поэтому он подошел к Маргарет, которая лежала все так же неподвижно, и разрезал повязки на руках и ногах. Кровь вновь начала сочиться.

– Черная кровь – плохая кровь, – торжествовал Кемаль, в то время как Рогалла стоял, окаменев от страха, не в силах пошевелиться. – Светлая кровь – хорошая кровь, понимаешь?

Кемаль снова достал нож и хотел сделать новые надрезы на руках и ногах Маргарет, когда в дверях появилась Гелла Хорнштайн. В ослепительных лучах солнца черты ее лица были едва различимы. Она возникла на пороге, как древнеегипетская богиня возмездия. Гелла подскочила к Кемалю и так проехала ногтями по его лицу, что остались темно-красные полосы. Кемаль стряхнул разъяренную женщину, как хорька, вцепившегося в добычу. Гелла упала на пол, поднялась и закричала Рогалле:

– Берите Маргарет! Нам нужно убираться отсюда! Быстро!

Археолог, недолго думая, подхватил окровавленную девушку и понес ее к машине. Гелла быстро собирала свои вещи, а Кемаль с подозрением наблюдал за каждым ее движением. Она не заметила, что кузнец держит в руке маленькую рогатку из сучка и бечевки. Она также не увидела, спеша к двери, что куз-

нец прицелился, прищурился, прямо ей в спину. Она была слишком взволнована, чтобы почувствовать, как заряд в виде острого рыболовного крючка настиг ее и повис у нее на спине.

В то время как Рогалла и доктор Хорнштайн мчались с Маргарет в машине, Кемаль вышел на порог кузницы и провожал глазами автомобиль, пока от него осталось лишь облако красной пыли на горизонте.

– Будь ты проклята! – злобно прорычал он и плюнул в направлении, куда уехал автомобиль. – Никто не превзойдет Кемалья в его ремесле! Тем более женщина!

Он исчез в кузнице, и далеко были слышны удары, когда он со злобой бил по наковальне.

23

Вечером в казино сидели двое мужчин, которым обычно не о чем было разговаривать, – Иштван Рогалла и Артур Камински. Видно было, что Рогалла сильно пьян. Это было непривычно для человека, который вежливым и скромным поведением служил примером для всех.

– Что за печаль? – спросил Камински, когда пришел сюда.

Он, не спрашивая разрешения, сел за столик Рогаллы и заказал пива.

Рогалла посмотрел на Камински и демонстративно отвернулся.

Некоторое время оба молчали, уставившись в свои бокалы. Наконец Рогалла сказал:

– Я все сделал не так, понимаешь, все. Мне не следовало ехать к Кемалю. Только не к Кемалю. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я...

Камински слышал о происшествии: похоже, надежды на выздоровление Маргарет практически не было. Он сочувствовал археологу и тоже стал доверительно обращаться к нему на «ты», пытаясь утешить:

– Ты же хотел как лучше, Рогалла. И Кемалю иногда действительно удается невозможное. Ни один человек не идет лечить головную боль в госпиталь. Они все обращаются к Кемалю, и тот помогает.

Пьяный археолог уставился на Камински. Он, конечно, знал об отношениях между Камински и доктором Хорнштайн, все это знали. И его поразило, что Камински проявил к нему сострадание.

– Ты правда так считаешь? – наконец сказал он.

– Ну конечно.

– Как думаешь, она поправится? – Рогалла умоляюще взглянул на Камински.

– Надежда умирает последней.

Рогалла всхлипнул, словно ребенок.

– Да ладно тебе, дружище, – попытался успокоить его Артур. – Еще неизвестно, как бы все обернулось, если бы ты Маргарет сразу в госпиталь повез. Кто же это знает?

Археолог задумался, что в его состоянии давалось нелегко, но слова Камински подействовали на него успокаивающе.

– Доктор Хорнштайн тоже так говорит? – робко спросил он.

– Я не знаю, – ответил Камински, – но, думаю, да. Ни один человек не может сказать, чем закончится болезнь.

Рогалла хлопнул Камински по плечу и заплетающимся языком проговорил:

– Ты настоящий друг, Камински, настоящий друг. Если я что-нибудь могу для тебя сделать...

Камински словно дожидался этих слов. Он тут же выложил из сумки на стол листок бумаги. На нем были нарисованы иероглифы, которые проявились на руках Геллы и его самого.

Камински не давало покоя, что Гелла сожгла оригинал, не посвятив его в значение символов. Почему она это сделала? И на следующий день после опасного спуска он заштриховал карандашом бумагу, которая обычно лежала у него на столе как подкладка под чертежи. Как следователь в старом детективе. На бумаге сохранились нечеткие отпечатки его рисунков.

– Ты можешь сказать, что это значит? – спросил Камински и протянул Рогалле листок.

Тот бросил на иероглифы быстрый взгляд и ответил:

– Конечно, могу!

– Я понимаю, – извинился Камински, – это не самый лучший рисунок. Но может быть, ты сможешь здесь что-нибудь узнать...

– Ерунда! – перебил его Рогалла. – Я и не такое расшифровывал. А почему ты хочешь это узнать?

– Да так... интересно. Увидел это на одном из блоков на складе, бросилось в глаза. Вот я и заинтересовался.

– Ну хорошо, – Рогалла сделал большой глоток. – Вот здесь, – он указал на рисунок слева, – написано тронное имя Рамсеса: Усермаатра-Сетепенра.

– А эта надпись?

– Ее тяжело расшифровать. Но имя значит Бент-Анат.

– Бент-Анат?

– Так звали одну из четырех царских супруг, то есть главных жен, если угодно. Наложниц у него было куда больше. Интересно, что Бент-Анат, кроме того что была супругой, была еще и его дочерью.

– Значит, был грех кровосмешения?

– Фараон никогда не жил в грехе, – ответил Рогалла, – потому что все, что делал фараон, было законным. Понимаешь? Он мог человека казнить и тем самым доказать свою правоту. Он мог заниматься кровосмешением, и все было в порядке. Представляешь?

Камински понял. Но еще больше его поразило то, что мумия под строительным бараком и есть эта самая Бент-Анат.

– И что известно об этой Бент-Анат? – поинтересовался Камински.

Археолог попытался сосредоточиться и ответил:

– Собственно говоря, о Бент-Анат ничего не известно. Она была дочерью Рамсеса, второй царской супругой Исиснеферт. И больше никаких следов.

– Ни гробницы? Ни мумии?

– Ничего.

Камински почувствовал, как к голове прилила кровь. И этому было две причины. Первая – он не осмеливался даже подумать о том, какие последствия может иметь его открытие. Вторая, беспокоившая его намного сильнее, – какая же связь существует между Геллой Хорнштайн и этой мумией? А из ее странного поведения он мог сделать вывод, что Гелла знает, с чем имеет дело.

– А может быть такое, – начал осторожно Камински, – что гробницу и мумию этой Бент-Анат еще найдут?

Рогалла громко рассмеялся:

– Где найдут? Может быть, здесь? Дружище, ну и вопросы ты задаешь!

– А почему бы и нет?

– Послушай! В Новом Царстве – так называют время, когда жили Тутмос, Аменхотеп, Тутанхамон и Рамсес, – всех фараонов хоронили в Долине царей. Там же нашли и гробницу Нефертити. Но ничего, связанного с Бент-Анат там нет.

– Может быть, потому что Бент-Анат была похоронена в другом месте?

– Маловероятно, – проворчал Рогалла и покачал головой, – хотя...

– Хотя?

– Археология – это наука вероятности. Основа ее – вероятное, а не действительное. Мы, археологи, об этом часто забываем.

В тот вечер Камински и Рогалла говорили долго. Рогалла переживал за свою ассистентку Маргарет Беккер, а Камински думал о загадочной Гелле Хорнштайн.

24

Рано утром на следующий день Камински искал Геллу в госпитале. Алкоголь еще не выветрился и ноющей болью отдавался в голове.

Сейчас, в семь утра, жара липким одеялом окутывала все кругом. Камински решил выпытать кое-что у Геллы и сравнить с тем, что узнал от Рогаллы вчера вечером. Может, если она узнает, что ему известно о значении находки под строительным бараком, то откроет свою тайну.

Едва он вошел в длинный коридор, ведущий к ординаторской, как на встречу ему вышли двое санитаров с носилками, на которых лежал мертвый египтянин. Гелла оказалась в дверях. Она выглядела озабоченной.

– Что случилось? – спросил Камински.

Гелла нервно пожала плечами:

– Летальный исход, – сказала она тихо. – Отравление свинцом.

– Отравление свинцом?

Доктор взяла мертвого за руку и указала на его ладонь. Она была снежно-белой и отчетливо выделялась на фоне смуглой кожи египтянина.

– Али работал механиком, – сказала она, – и постоянно имел дело с бензином. Бензин, стекающий по руке, на такой жаре испаряется настолько быстро, что рука мерзнет. При этом свинец через кожу попадает в кровь. Конец наступает быстро. У меня это уже второй случай. Но попробуй докажи этим людям, что попадание бензина на кожу смертельно опасно. Некоторые даже используют его для того, чтобы охладиться.

– Бог мой! – Камински был поражен. – Ты должна поговорить со старшими рабочими...

– Вот еще! – возразила Гелла. – Я давно об этом говорила. Но ничего не помогает. Египтянин верит только в то, что видит собственными глазами, или в то, что предписывает Коран. Они скорее поверят такому крысолову, как Кемаль, чем медику. Тем более если медик – женщина.

– Как дела у Маргарет? – спросил Камински, чтобы ее отвлечь, но сам того не желая разбередил рану еще больше.

Гелла передернула плечами.

– Она потеряла много крови. Случится чудо, если она выживет.

Она закрыла дверь и, подойдя к Артуру, обняла его.

– Кстати, доброе утро! – Она страстно поцеловала его.

На Камински действовала больничная атмосфера, он чувствовал себя здесь неловко. Гелла это поняла.

– Артур, ты меня не любишь!

– Чепуха, – ответил Камински, высвобождаясь из ее объятий, – это все больница. Ты привыкла, а меня пугает белая мебель, стеклянные шкафчики и инструменты. Но я пришел не для того, чтобы это сказать.

– Для чего же?

– Я говорил с Рогаллой. Мы вчера с ним напились, и я выпросил у него, кто похоронен в той гробнице...

– Ты все рассказал? – закричала Гелла и оттолкнула Артура.

– Ничего я не рассказал, – ответил Камински. – Я по памяти нарисовал знаки, которые проступили у нас на руках, и попросил Рогаллу расшифровать их.

– Это невозможно!

– Нет ничего невозможного. Рогалла их сразу узнал. Это были имена Рамсе-са и его дочери и одновременно жены Бент-Анат.

Гелла уставилась на Артура. При этом она смотрела на него, как сквозь прозрачное стекло. Глядя куда-то вдаль, Гелла неожиданно заговорила другим голосом. Ее приятный нежный голос, который иногда даже напоминал детский, звучал теперь хрипло, жестко и низко, как-то по-стариковски. Гелла сказала голосом, который поверг Камински в ужас:

– Лучше бы ты все держал при себе, как я советовала. Почему ты не прислушался к моим словам? Незнание иногда величайшее счастье для человека.

Камински дрожал, но не от слов Геллы, а от ее страшного голоса. Ему казалось, что за нее говорит другой человек. Это была не та Гелла Хорнштайн, нежное тело которой заставляло его забыть обо всех клятвах. Сейчас это была чужая, наводящая ужас женщина, которую он лучше бы никогда и не встречал.

Неподвижным взглядом Гелла по-прежнему смотрела сквозь него. Ее глаза остекленели, в них не было жизни, как в глазах старой куклы. Глаза и эта неподвижность придавали ей некую призрачность и достоинство, из-за чего Камински чувствовал себя неудобно. Он не осмеливался спросить, что Гелла имела в виду, когда сказала: «Незнание иногда величайшее счастье для человека». Почему она всеми способами хотела скрыть, чья это мумия?

Камински попятился и плечом задел полку с бутылочками и инструментами. Одна бутылочка упала на пол и разбилась. По комнате расплылся едкий запах карболки.

– Извини, мне очень жаль!

Артур бросился собирать осколки, а когда взглянул вверх, то испугался насмерть: прямо над ним нависало обезображенное лицо. Это не было лицо доктора Хорнштайн, это было лицо мумии. В голове промелькнуло: «Я сошел с ума».

В ужасе вытянув руку, Камински прошмыгнул мимо Геллы, выскочил в длинный коридор и помчался наружу, словно преследуемый фуриями. На крыльце он, дрожа, присел на ступеньках, обхватив голову руками. Мысли разбежались. То, что он видел, не подчинялось здравому смыслу.

«Нервы, это все нервы», – думал Камински. Может, вся эта история взволновала его намного больше, чем он предполагал. Конечно, теперь все лучше сохранить в тайне. Или все же открыться? Он бы уже давно разобрался в ситуации, если бы обсудил ее. Что, собственно, произошло? Он обнаружил гробницу египетской царицы. Конечно, это все нервы, не стоит из-за этого терять голову.

Сидя так и размышляя, он вдруг почувствовал чью-то руку у себя на плече. Одновременно он узнал голос Геллы. Тот голос, который он привык слышать, – тихий и нежный.

– Все в порядке? – спросила она, будто ничего и не произошло.

Артур оторопел. Теперь он испугался потому, что голос Геллы звучал как обычно, и потому, что понял: рассудок сыграл с ним злую шутку.

– Тебе лучше? – снова спросила Гелла.

Камински кивнул:

– Прости меня за бутылку.

– Ничего страшного, – ответила Гелла. – Но карболка чертовски опасная

вещь. Она вызывает тошноту и в некоторых случаях галлюцинации.

– Галлюцинации?

– Да, видишь вещи, которых на самом деле нет. Но все проходит так же быстро, как и начинается.

Это объяснение все прояснило и успокоило Артура.

– Мне было действительно нехорошо, – попытался он объяснить свое паническое бегство.

– А тебе не нужно извиняться, Артур. Во всяком случае, не за это. – Она улыбнулась.

– Что ты имеешь в виду, говоря «не за это»?

– Тебе не стоило открывать нашу тайну Рогалле...

– Рогалла ничего не знает! – перебил ее Камински. – Я ему ни словом не обмолвился, только спросил о значении символов. Можешь мне поверить!

Гелла кивнула, но Камински сомневался, действительно ли она поверила его словам.

– И вообще, Рогалла был настолько пьян, что сегодня уже не помнил, о чем мы говорили. Происшествие с Маргарет Беккер совсем выбило его из колеи.

– Я помню, ты обещал, Артур, что будешь молчать. – С этими словами она протянула ему руку.

Камински взял ее и, улыбнувшись, поцеловал в ладонь.

– Долг зовет, – сказал он и попрощался.

По пути к машине он встретил Балбуша. Тот оживленно размахивал руками, словно хотел сообщить важную новость.

– Мистер, мистер! – закричал он еще издали. – Новость от мистера Лундхольма: в храме нашли гробницу!

Камински окаменел. Он подумал, не сообщить ли об этом Гелле, но решил вначале сам посмотреть, что произошло. Он вскочил в машину и помчался по Гавернмент-роуд в направлении стройплощадки. Что же там все-таки случилось?

На повороте, где дорога изгибалась дугой вправо к водохранилищу, Камински увидел свой строительный барак. Над дорогой вилась горячая дымка, в которой все контуры расплывались, словно восковые. Он удивился: возле барака не было людей. Может быть, нашли второй ход?

Промчавшись мимо барака, Камински проехал к дамбе и свернул на строительную площадку у храма. Она выглядела как гигантский туннель: фасад, крыша и большая часть левой стены были вырезаны из скалы. Пилы Алинардо оставили на скалах причудливые узоры. У большого каменного блока стояли Лундхольм и Иштван Рогалла. Заметив Камински, они замахали руками, подзывая его.

– Швед сделал открытие! – смеялся Рогалла.

– Где? – спросил Камински.

– Сейчас увидишь! – ответил Рогалла. – Пойдем! – Сейчас уже смеялся и Лундхольм. – Увидишь, ты был прав вчера. Еще есть неожиданные находки. Кстати, как прошел вечер?

– На меня был спрос, – поторопился ответить Камински, хотя мыслями был далеко. Как оказалось, Рогалла прекрасно помнил, о чем они вчера говорили!

Внутри открытого храма лежал сантиметровой слой желтой пыли. Но лишь немногие рабочие придерживались строгих правил и работали в защит-

ных масках, которые оставляли на коже волдыри. Большинство решило, что лучше уж глотать пыль, которую можно вечером смыть пивом.

Лундхольм прошел вперед, Рогалла и Камински – за ним. Не дойдя пару метров до богов, которым был посвящен храм, швед остановился у узкого бокового нефа. Помещение освещала голая лампочка под жестяным абажуром.

Рогалла, казалось, заметил растерянность Камински и пропустил его вперед, в комнату.

– Вы уже сообщили Мухтару? – поинтересовался Камински.

– Мухтару? Это *не его* работа.

Камински не понял.

За большими квадратными колоннами пол был вскрыт, и Камински увидел плохо сохранившийся деревянный ящик.

Лундхольм подошел ближе и поднял крышку. В ящике лежал мертвый офицер в униформе с орденами. Труп хорошо сохранился.

Камински на секунду оцепенел, а затем рассмеялся. Он хохотал громко и безудержно, остальные с улыбкой наблюдали за ним. Они не понимали, что так насмешило Камински, но ситуация была подходящая, поэтому решили не задавать вопросов.

– Англичанин, – сказал Лундхольм. – Бедо разбирается в униформе и говорит, что это офицер из экспедиции лорда Китченера. Так и лежал здесь, никто его не обнаружил. Электрик заметил могилу, когда прокладывал проводку. Что же нам теперь делать?

У Камински как камень с души свалился, и он пригласил Рогаллу и Лундхольма промочить горло в свой барак. Оба охотно согласились.

– Ты наверняка думал, что обнаружили гробницу царицы, – засмеялся Рогалла, отпивая теплое пиво, и, обернувшись к Лундхольму, добавил: – Знаешь, Артур все еще надеется на великую находку!

Камински почувствовал, что покраснел, и невольно бросил взгляд на пол барака: не осталось ли следов, которые могли вызвать подозрения?

– Ну-ну, не стоит стесняться! – улыбнулся Рогалла, неправильно истолковав поведение Камински.

Они одновременно заметили лист бумаги, лежавший на полу. Рогалла сидел ближе. Он поднял его и хотел положить на стол, когда заметил иероглифы.

– Складывается впечатление, что ты отбираешь мой хлеб.

– Да ну! – небрежно сказал Камински. – Я подмечаю знаки и иногда, если задерживаюсь наверху, на складе, делаю зарисовки, даже не зная, что они означают.

Рогалла повертел лист бумаги, осмотрел его со всех сторон. Потом взглянул на Камински и серьезным тоном сказал:

– Самое странное, что в Абу-Симбел нет никаких указаний на это имя. – Он помахал листом бумаги.

– Что там написано?

– Бент-Анат, – ответил Рогалла.

Камински ожидал, что Рогалла начнет задавать вопросы. Но тот молчал, и это повергло его в беспокойство. Иногда Камински казалось, что в Абу-Симбел любой знает больше, чем можно предположить.

25

В тот вечер Камински ночевал у Геллы, не потому что этого хотел – тогда он был в полном замешательстве, – а потому что Гелла попросила, сказав, что ей это нужно. Нет, в ее поведении не было ничего странного. Но то, что случилось в госпитале, а потом мумия английского солдата и замечания Рогаллы сильно на него подействовали. И он был своими мыслями где-то далеко.

Артур устал и уснул в объятьях Геллы. Вскоре после полуночи он проснулся, потому что услышал нечто похожее на храп. Гелла тяжело дышала. Она крепко спала, но из ее носа доносились громкие дребезжащие звуки. Артур включил свет.

У Геллы на лбу проступили капли пота, рот то открывался, то закрывался. При этом глаза ее были закрыты. Ее частое дыхание было неравномерным, звуки становились то громче, то тише.

Вначале Артур хотел разбудить Геллу, прогнать ее кошмар, но услышал, что она шепчет какие-то бессвязные слова, которые с трудом можно было разобрать.

Несколько раз подряд она повторила:

– Рамсес, Рам-сес.

Причем «е» больше походило на «и». При этом ее нежное тело изгибалось так, будто она испытывала боль.

Камински растерялся. Конечно, он хотел разбудить Геллу, но одновременно жадно прислушивался, не выдаст ли она во сне свою тайну.

– Гелла! – осторожно прошептал Артур и удивился, когда она ответила долгим низким «Да-а-а».

– Я думал, ты спишь, – тихо сказал Камински. – У тебя жар?

– Жар, жар, жар, – повторила Гелла с закрытыми глазами и начала перекачываться с боку на бок.

Она хлопала руками по телу, словно отгоняя муравьев, и вдруг закричала:

– Кемаль!

А затем произнесла ругательство, которого Камински не понял. Потом тело Геллы изогнулось, как натянутый лук, и вдруг ослабело. Она неподвижно лежала на постели, коротко и прерывисто дышала.

Камински испугался. Он похлопал ее по щекам и позвал:

– Гелла, проснись!

Но Гелла лежала, не приходя в сознание. Камински беспомощно огляделся. Что же делать? «Хекман, – мелькнула мысль. – Нужно позвать доктора Хекмана!» Камински вле « в брюки, надел через голову рубашку, выбежал на улицу и громко постучался в соседний дом.

– Доктор! Это я, Камински!

В дверях появился заспанный доктор, который после того, как Камински рассказал, что случилось с Геллой, сразу проснулся. Он вернулся в дом и захватил чемоданчик с лекарствами.

– У нее сильный жар, – сказал доктор Хекман, потрогав лоб девушки. – Приготовьте влажный носовой платок!

Он приподнял левое веко Геллы и осмотрел белок.

– Рефлексов нет, – сказал Хекман, качая головой. – Вы были вместе с Геллой, – сказал он, и это прозвучало как упрек. – Она не принимала много алко-

голя или сильнодействующих медикаментов?

– Нет, это исключено, – возразил Камински, – по крайней мере, пока я был с ней.

Оба прислушивались к неровному, тяжелому дыханию Геллы. Хекмана не удовлетворил ответ Артура. Он осмотрелся в комнате, понюхал стаканы, проверил ампулы и коробочки с таблетками, которые стояли на полках, но не нашел ничего, что могло бы вызвать подозрение.

– Похоже на отравление, – сказал он.

Камински протянул ему влажный платок, который доктор положил Гелле на лоб.

Мучаясь от беспомощности, Камински принялся наводить порядок в маленькой комнате. Он расставил бокалы и бутылки, собрал вещи Геллы, которые были развешаны на спинках стульев, и спрятал их в единственный платяной шкаф.

Вдруг он заметил на одной из вещей маленький странный предмет, который выглядел как амулет. Но только потом он рассмотрел надетого на рыболовный крючок паука-крестовика. Крючок застрял в ткани, и Камински пришлось проделать дырочку, чтобы вынуть его.

Доктор Хекман тем временем готовил инъекцию пенициллина.

– Помните, – сказал он, пуская из шприца тонкую струйку лекарства, – не работала ли Гелла с чем-нибудь токсичным в последние дни? Это очень важно.

Камински схватился за голову.

– Ну да, конечно! – закричал он. – Вспомнил! В приемной я разбил бутылку с карболкой. Да, точно!

– Карболка?

– Да. У меня от запаха даже галлюцинации начались, страшные видения.

– От карболки?

– Да. Гелла мне так объяснила.

Доктор Хекман взял Геллу за руку и ввел иглу в вену.

– Дорогой друг, – сказал он, улыбаясь, – карболка – это просто дезинфицирующее средство, галлюцинации она едва ли может вызвать. – Он вытащил иглу из вены.

– Но я видел при этом ужасную рожу! – попытался оправдаться Камински. – Я совершенно уверен...

– Ну, если вы уверены, значит, эта рожа там была. Мы склонны считать галлюцинациями вещи, которые для нас отвратительны.

Камински испугался. На его ладони лежал опасный паук на рыболовном крючке. Хекман смотрел на него с интересом.

– Что это?

– Не знаю, – Камински протянул доктору странную штуковину. – Это повисло на одежде Геллы.

– Странно, – ответил доктор, осматривая паука со всех сторон. – С этой гадостью работают африканские врачеватели. Но Гелла?...

Камински вдруг понял:

– Или Кемаль-кузнец.

Хекман посмотрел на Камински так, словно хотел сказать: «Ну и чего этим хотел добиться Кемаль?»

– Она повздорила с Кемалем из-за Маргарет Беккер.

Дыхание Геллы успокоилось, стало ритмичнее. Доктор Хекман молча сидел возле нее и считал пульс.

– Возможно ли, что Кемаль столь изощренным способом хотел отомстить Гелле? Знаете, есть настолько токсичные яды, что укола рыболовным крючком вполне достаточно, чтобы человек умер.

Камински вздрогнул и уронил паука на стол. Потом он внимательно посмотрел на Геллу.

– А мог такой крючок оставить следы на теле?

– При нормальных обстоятельствах – да, – ответил Хекман и повернул Геллу на бок.

На ее спине, под правой лопаткой, виднелось небольшое покраснение.

– Что вы об этом думаете? – взволнованно спросил Артур.

Спокойствие, которое демонстрировал врач, нервировало его.

Хекман провел рукой по пятну и растерянно ответил:

– Должен сознаться, я никогда в своей практике с таким не сталкивался. Я не могу обнаружить повреждений. Возможно, это просто раздражение на коже.

Доктор пожал плечами. Он и сам был не в восторге от своего замечания. Камински решил, что этот мужчина – не большой подарок: ни как врач, ни как человек.

Так они и сидели у кровати Геллы. И только под утро доктор Хекман спросил (видимо, он долго над этим думал):

– Вы все еще любите Геллу?

К этому вопросу Камински не был готов. Не в этой ситуации. Его губы сжались, между бровей появилась вертикальная морщинка.

– Послушайте, – тихо сказал он дрожащим голосом, – вы все еще переживаете свое поражение? Может, ваше лечение зависит от того, есть ли у вас еще шансы сойтись с этой женщиной? Я скажу только одно... – Камински вплотную подошел к доктору. – Если выяснится, что вы не предприняли все возможное, я позабочусь о том...

– Я не считаю, что должен перед вами оправдываться! – возмутился Хекман. – Только не перед вами, Камински. С тех пор как вы появились в Абу-Симбел, от вас одни неприятности.

– Ах вот как, – сказал Артур с наигранным спокойствием. Это означало, что он крайне зол и в любую минуту может взорваться. – Вы считаете, что это я во всем виноват?

Достаточно было искры, чтобы началась драка. Но Камински сказал, что не хочет ввязываться в спор, и, махнув Рукой, вышел из комнаты.

Он сел на крыльцо у дверей дома и смотрел на лагерь Рабочих, все еще укрытый ночной дремотой. Горная цепь серела, постепенно теряя темно-фиолетовые тона. Потом по ней пробежали первые солнечные лучи, разлившись по вершинам темно-оранжевым светом, быстро сменившимся светло-желтым.

«Я не должен оставлять Геллу на милость Хекмана», – думал Артур. Но что было делать? Как доказать, что Кемаль пытался отравить Геллу с помощью крючка? Требовать объяснений бессмысленно. Конечно, он будет все отрицать или выдумает что-нибудь.

Мухтар! Он знал Кемалья лучше, чем кто бы то ни было. Кемаль переехал из Верхнего Египта. Единственным человеком, который мог разоблачить таинственного кузнеца, был Мухтар.

Камински взял крючок с пауком, завернул его в платок и поехал к Мухтару, который жил на другом конце улицы, возле водонапорной башни.

Мухтар вначале не поверил, что амулет с пауком-крестовиком нашли на одежде Геллы Хорнштайн. Так выглядело проклятие, а паук-крестовик символизировал смерть. Зачем Кемалю желать доктору смерти?

Тогда Камински рассказал ему о ссоре и о том, что, по мнению Кемалья, женщина, согласно воле Аллаха, не может лечить людей. Но все это, как считал Камински, было сейчас несущественно. Необходимо было узнать, отравил ли Кемаль крючок, и если да, то каким ядом.

Мухтар посерьезнел и ответил, что этого следует опасаться, потому что за словами проклятия скрывается не только желание, но и твердое намерение. В этом случае Кемаль – и это самое опасное – имел намерение убить Геллу Хорнштайн, используя для этого змеиный яд.

Змеиный яд? Камински слышал, что даже небольшое его количество может убить слона.

Ничего не объясняя, Мухтар взял платок и велел Камински следовать за ним.

В просторной ванной комнате с бетонными стенами, выкрашенными в зеленый цвет, был душ и умывальник. Здесь же в деревянном ящике лежали два вялых крокодила размером не больше кошки. Некоторые держали крокодилов в качестве домашних животных. Можно было просто пойти на пляж у водохранилища и взять яйца. Следовало только помнить, что животное, выросшее больше чем на тридцать сантиметров, нужно выпустить, потому что крокодилы начинали кусаться и становились опасными.

Щипчиками для ногтей Мухтар достал крючок из платка и уколол одного из крокодилов. Рептилия не пошевелилась, словно ничего не произошло, но спустя две-три минуты начала биться в конвульсиях, извиваясь как змея, и через некоторое время уже лежала мертвая на спине. Живот ее стал неестественного белого цвета.

– Яд, – пробормотал Мухтар.

Камински пораженно смотрел на крокодила – он все не мог собраться с мыслями. Потом отправился к Хекману и сообщил, что крючок отравлен.

Вначале доктор не поверил Камински. Потом он сказал, что мог бы ввести Гелле противосудорожное средство, если бы знал, о каком конкретно яде идет речь. Инъекция может только ухудшить положение. Между ними опять разгорелась ссора, но Камински переборол себя и буквально умолял доктора сделать укол. Он видел, что у Геллы не оставалось шансов. Хекман согласился.

Когда спустя четыре часа Гелла очнулась, у Камински возникло чувство, что доктор разочарован. Когда Хекман уходил, вид у него был растерянный. А Камински, вытирая влажным платком пот со лба Геллы, расспрашивал ее, что же за человек этот доктор Хекман.

26

Первое сентября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года стало памятным днем в Абу-Симбел. Сегодня Алинардо и его люди вырезали последний каменный блок из скалы. Это был колосс без украшений, весом в двадцать пять тонн. После обеда Камински оставил его висеть на стреле мачтового крана как трофеей, рабочие аплодировали.

Что касается подъема воды в водохранилище, то русские ошиблись в расчетах и этим дали повод для шуток. Профессор Якоби в речи после обеда заявил, что, хотя гонка со временем и выиграна, выполнена только половина задачи.

Здесь присутствовали представители правительства и журналисты, а Жак Балое фотографировал происходящее с холма.

Обоюдное недоверие сблизило Балое и Раю Курянову. Они постоянно были вместе. Страх, что один может сделать что-то без ведома другого, соединил их, как пожилую супружескую пару. И постепенно их чувства друг к другу стали глубже. Их разговоры были посвящены одному и тому же: Рая и Жак искали возможность выбраться из этой ситуации и начать где-нибудь новую жизнь вместе.

Но первого сентября все их планы рухнули. Рая занималась фотографиями, которые Балое принес из лаборатории, и текстами к ним. На следующий день Курош должен был отвезти их в Асуан.

Вдруг ее взгляд упал на одну из фотографий, сделанных Балое, и она узнала себя среди слушателей. В ту же секунду Рая закричала.

Балое просунул голову в дверь, чтобы посмотреть, что произошло.

– Вот, – сказала Рая и сунула фотографию под нос Жаку.

Он поглядел на фотографию, узнал Раю, но так и не понял, какую опасность это представляет, поэтому сказал:

– Не понимаю, о чем ты.

Рая положила фото на стол и взяла лупу:

– Вот, мужчина с фотоаппаратом, прямо за мной! Выглядит как фоторепортер!

Балое взял лупу и склонился над фотографией:

– Боже мой! – воскликнул он, вертя фотографию в руках. – Полковник Смоличев!

Балое судорожно перевернул письменный стол в поисках списка приглашенных:

– Официально Смоличева не приглашали, – прошептал он, и оба ошеломленно уставились на фотографию.

Сердце Раи бешено стучало. Не нужно было долго думать, чтобы понять, зачем полковник явился в Абу-Симбел инкогнито. Это было характерно для Смоличева: особые задания он выполнял сам, хотя его и критиковали за это. Зато успех был гарантирован. Так, в Каире он лично обнаружил двух египетских шпионов, которые работали на ЦРУ. Ходили слухи, что он завербовал для своей службы торговца антиквариатом, человека, который вращался в высшем египетском обществе и предоставлял КГБ ценную информацию.

Если Смоличев появился в Абу-Симбел, это могло значить только то, что ему все известно. Без сомнения, лучшей возможности поискать здесь Раю так, чтобы не очень выделяться, у него не было.

– Мне нужно бежать отсюда!

Рая вскочила и заходила взад и вперед по бюро. Лицо ее побледнело.

– Мне нужно бежать отсюда! – беспомощно повторила она.

Балое подошел к Рае и крепко взял ее за руки.

– Успокойся! Ты не можешь просто сбежать. Куда ты поедешь?

– Я хочу уехать отсюда! Куда угодно! – закричала Рая. – Или я должна ждать, пока сюда прибудет Смоличев со своими людьми? Или пока в меня выстрелят из-за угла? Я знаю что у меня мало шансов, но сидеть ничего не делая, ждать что преподнесет судьба, – это не для меня.

Рая тяжело дышала. Балое в который раз изучал фото. Потом отложил его в сторону и сказал:

– Если ты уйдешь, я пойду с тобой. В конце концов, я так же замешан в этом деле, как и ты. Полковник поверит всему, но только не тому, что я не знал о твоём существовании.

Они обнялись, словно желая подбодрить друг друга.

– Тогда возникают два вопроса... – медленно начал Балое.

– Нет, не возникают! – перебила его Рая. – Ответ лежит на поверхности: нам нужно бежать, и прямо этой ночью. Надо попытаться пробраться на юг, лучше всего в Хартум. Там КГБ нас искать не будет никогда.

– Рая, ты с ума сошла! Помнишь, где находится Хартум? Это за пять сотен километров отсюда, в Судане. Знаешь, что это значит? Пятьсот километров по пустыне!

– А ты знаешь, что случается с диссидентом, когда его ловит КГБ? Думаю, ты понимаешь всю серьезность нашего положения.

Балое молча кивнул. Рая была права. Бежать на север, в Асуан, было неосмотрительно. Они должны были идти на юг.

Несколько минут они размышляли, поглядывая друг на друга и ожидая помощи, но ни у кого не возникло спасительной идеи.

– Но туда же нет дороги, – в конце концов сказал Балое.

– Есть водный путь. По Нилу, – ответила Рая.

Балое замолчал. У строительной площадки было пришвартовано много моторных лодок. Это был самый надежный вариант: если уйти на моторной лодке, их побег заметят не сразу.

Они смотрели друг на друга, и в голове у обоих была лишь одна мысль: есть только один путь бегства – вверх по Нилу.

– Ты умеешь управлять моторной лодкой? – спросила Рая.

Балое вынул сигарету изо рта, зажал ее между большим и указательным пальцем и ответил:

– Если можешь водить грузовик, то моторной лодкой наверняка сумеешь управлять. Это уже моя задача. Но что меня больше беспокоит – мы должны будем пересечь границу, а у тебя нет паспорта. Знаешь, для араба нет ничего важнее, чем бумажка с печатью. Но, – он затушил окурок, подошел к сейфу, открыл тяжелую дверь и показал банкноты, – это нам поможет, я уверен. Бакшиш – любимое слово любого араба!

– А если мы наткнемся на неподкупного чиновника?

– Мы должны учесть и это! – сказал Балое, пытаясь прогнать подобные мысли. – Или, может, ты хочешь пробраться через пустыню на восток, к Красному морю? Или на запад, в Ливию? Шестьсот километров! Мы, конечно, тогда смо-

жем никого не бояться, но шансы на успех равны нулю.

Рая вскочила:

– Ну хорошо. Когда мы отправляемся?

– Прямо сейчас, – ответил Балое не раздумывая, – когда наступит день, мы будем уже далеко.

Они взяли только самое необходимое. Жак набрал две канистры воды. Деньги, тысячу шестьсот египетских фунтов и восемь тысяч долларов, он разделил на части. Третью положил в оливковый рюкзак под вещи, еще треть сунул под куртку, а остальные отдал Рае. Когда они открыли дверь, в лицо дунул горячий хамсин – жаркий ветер с юга. Он гнал тучи песка, от которых небо в ясный день темнело. Во время хамсина работа в Абу-Симбел замирала, и это увеличило их шансы уйти незамеченными.

Они доехали на «фольксвагене» Балое до строительного барака Камински, бросили машину и последние сто метров до причала прошли пешком.

Под порывами ветра несколько лодок рвались с привязи, словно цепные псы.

Балое нашел в одной из лодок две канистры солярки и, так как мотор без проблем завелся, не раздумывая выбрал ее для путешествия. Насколько он смог рассмотреть в темноте, эта лодка была меньше остальных, но в лучшем состоянии. Вообще эти лодки использовались для перевозки рабочих и инструментов.

Из-за поднявшегося хамсина Рая задумалась, не подождать ли с побегом до утра. Но Жак решил, что темнота и буря будут их лучшими сообщниками, и в конце концов убедил Раю. Он сказал, что как только они скроются из виду, то смогут переправиться на противоположный берег Нила и поискать там защиты от бури.

Рая легла на деревянный пол лодки, там хотя бы можно было укрыться от сухого ветра. Балое завел мотор и направил лодку перпендикулярно ветру, чтобы сопротивление было наименьшим. Избегая шума, Балое запустил мотор вполсилы, но этого хватало, чтобы двигаться вперед.

На обычно спокойной воде Нила в эту ночь поднялись волны, каких Жак еще не видел. Они бились о нос лодки, словно хотели перевернуть ее.

– Без паники! – закричал Балое, преодолевая ветер. – У нас получится!

Но скорее это было сказано в утешение самому себе. Он напряженно всматривался в темноту, и ему было трудно разглядеть западный берег. Восточного берега, к которому требовалось причалить, он не видел вообще.

Балое скоро отказался от мысли пересечь Нил в этом месте. Он боялся, что лодку отнесет ветром, и включил мотор на полную мощность. Только так можно было держать курс.

– Ты ориентируешься, где мы находимся? – испуганно закричала Рая из своего укрытия.

– Откуда я знаю, – отозвался Жак. – Темно хоть глаз выколи. Но не важно, где мы. Главное, что не в Абу-Симбел.

Рая кивнула и еще крепче ухватилась за край лодки. Иногда она осторожно поглядывала через борт, но после того как несколько раз волна хлестнула ей в лицо, покорились судьбе. Она доверилась Жаку. Он не просто хотел выглядеть героем, а очень старался вести себя мужественно.

Она не знала, сколько прошло времени, когда гребной винт взвыл и зарабо-

тал с перебоями. Балое проморгал торчавшую из воды ветку пальмы. Они не заметили, как оказались в сотне метров от берега.

Как понял Балое, в этом месте водохранилища образовалась естественная бухта, вполне подходящая для того, чтобы переждать хамсин.

Балое не мог сказать, как далеко они сейчас от Абу-Симбел. Он не знал дороги вверх по Нилу. Из воды поднимался песчаный пляж, и к нему можно было причалить. Дальше виднелась большая скала, под которой можно укрыться.

На полной скорости Балое направил лодку к берегу. Нос с шумом зарылся в песок. Жак с Раей выпрыгнули и побежали к утесу. В лицо сотнями иголок впивался песок, который швырял ветер. Добравшись до подветренной стороны скалы, они присели на корточки и прислонились к ней спиной. Оба, не сказав ни слова, так и просидели до рассвета.

Втайне Балое уже жалел, что ввязался в эту авантюру. Его терзали сомнения, не лучше ли было отправиться в Судан на корабле. Как только буря уляжется, Нил будут обыскивать с самолетов, а Курош, the Eagle, – чертовски хороший пилот, известный своими брьющими полетами.

Они надеялись, что утром хамсин уляжется и появится возможность продолжить путешествие, но надежды эти не оправдались. Буря бушевала над Нилом сильнее, чем ночью. Балое вышел из укрытия, чтобы взглянуть на лодку, и насмерть испугался.

– Рая! – закричал он и растолкал ее. – Рая, лодка исчезла!

Рая вскочила, подбежала к месту, куда они ночью причалили, и уставилась на канавку, оставленную носом лодки. Балое взглянул на северо-восток и указал на середину реки. Там, словно скорлупа грецкого ореха, раскачивалась их лодка. Рая и Жак, обнявшись, заплакали.

– Это моя вина, только моя, – говорил Балое. – Я не имел права подвергать тебя такой опасности!

– Ерунда! – пыталась утешить его Рая. – Я тебя вынудила. Может, и был другой способ сбежать из Абу-Симбел. Но мы вместе решились на это и вместе с этим справимся.

Балое горько улыбнулся:

– И как? Без лодки, без воды, без еды. Как?

В действительности их положение было безнадежным, и бессмысленно заниматься самоутешением. Слово «самоутешение» Рая Курянова ненавидела так же, как слово «КГБ».

– Верблюды! – бодро сказала она. – Они могут обходиться без пищи и воды до десяти дней, а на караванных путях каждые десять дней встречаются колодцы.

Сказанное Раей вызвало у Балое усмешку. При всей твердости характера и образованности Рая иногда вела себя как ребенок.

– К сожалению, мы не верблюды, – ответил Жак, – и, к несчастью, сейчас не на караванном пути, а на берегу водохранилища.

– А можно пить воду из Нила?

– Конечно, можно, вопрос только в том, сколько болезней ты при этомхватишь.

Местами над водой отчетливо виднелись верхушки пальм, росших когда-то у берега. Ветер и волны настолько обтрепали листья, что голые ветви

беспомощно били по воде, как руки утопающего.

– И сколько будет продолжаться хамсин? – спросила Рая. Они просидели под спасительным утесом еще два часа.

– Наверняка этого сказать нельзя, – ответил Жак и стряхнул песок с лица. – Обычно через пару часов все заканчивается, и небо становится абсолютно чистым. В Верхнем Египте хамсин может бушевать и три дня подряд, а небо остается желто-серым, будто грязная льняная тряпка.

Они сидели, прижимаясь друг к другу, под скалой, когда около полудня ветер стал постепенно стихать, но небо не прояснилось. Балое знал, что это значит: буря затихала ненадолго, как бы переводя дыхание, чтобы потом разразиться с новой силой.

Жак и Рая использовали затишье, чтобы вскарабкаться на одну из песчаных дюн, которые волнистым узором разбросал хамсин. Лодки не было видно. Возможно, она опрокинулась во время бури и затонула. На юге, в направлении Судана, виднелись наползающие одна на другую дюны – они разлеглись толстобрюхими морскими львами. Но неподалеку образовалась долина, окруженная пальмами, до которой песок не смог добраться. Балое и Рая решили пойти туда. А там будет видно...

27

Балое предполагал, что путь займет три часа, но понадобилось целых пять, прежде чем они перешли через последнюю дюну. Свеженаметенный песок препятствовал продвижению вперед: беглецы то утопали в нем по колено, как в рыхлом снегу, то внезапно соскальзывали и падали.

Когда Рая поднялась на гребень последней дюны, то не поверила своим глазам: в небольшой бухте, образовавшейся из-за водохранилища, раскинулась заброшенная деревня. По крайней мере, с первого взгляда казалось, что жители ее покинули. Половина домов была уже полностью затоплена, у некоторых над водой торчали только крыши. Дни домов, стоявших чуть выше, очевидно, были уже сочтены.

– Рая, ущипни меня! – закричал Балое.

Теперь и Рая увидела, что к утесу, торчащему из воды, привязаны две лодки: фелюга со сложенным парусом и выдавшая виды моторная лодка.

Балое издал радостный вопль и помчался вниз по склону. Рая осторожно последовала за ним. Но еще до того как Балое успел спуститься, из хижин вышли люди: одни были полуобнаженные, другие – в длинных одеяниях. Трое держали винтовки наперевес.

Жак побежал им навстречу, размахивая руками. Вооруженные люди, казалось, его не поняли и направили на Балое оружие. Жак остановился и прокричал пару арабских слов, которые вспомнил, но на хозяев это не подействовало.

Не сводя глаз с Балое, один из мужчин выстрелил в воздух, и из хижины вышел старик в длинной белой одежде. Он вытянул руку, провел ею по воздуху, очертив полукруг, и мужчины опустили оружие. Теперь Рая тоже спустилась. Она боязливо ухватилась за руку Жака, дрожа от страха. Чтобы подбодрить себя, но все же неуверенно Рая сказала:

– Они ничего не сделают, если увидят, что мы пришли с добрыми намерениями.

Балое сжал ее руку.

Старик медленно подошел ближе и прокричал какие-то непонятные слова по-арабски. Балое попытался заговорить по-английски, но его слова не вызвали никакой реакции. В отчаянии он заговорил по-французски и услышал, как старик спросил на ломаном языке, не прислало ли их правительство.

Правительство?

Балое и Рая переглянулись. Что же ответить?

– Просто скажи правду, – пробормотала Рая.

– Это невозможно, – ответил Жак и рассказал старику историю о том, что они журналисты из Франции и ездят по Верхнему Египту, собирая информацию о строительстве плотины. Во время хамсина их лодка перевернулась, и они пришли за помощью. Они хотят попасть в Судан.

Старейшина слушал, держа левую руку возле уха, что, как потом выяснилось, отнюдь не было признаком глухоты. Ему было крайне интересно, что скажет Балое. Выслушав, он сложил губы в странную гримасу и сплюнул на землю. Потом начал восхвалять Аллаха, ниспославшего ему обучение в школе и всяческие дары, за то, что он может понимать людей, говорящих на иностранном языке.

Беглецы удивленно кивали. Они надеялись заслужить доверие старейшины, но он вдруг начал ругать чужеземцев в целом и журналистов в частности. И каждое французское предложение, дававшееся ему с таким трудом, он заканчивал плевком на землю, будто ставил точку. Он возмущался, что сначала Египет завоевали англичане, теперь – русские. А журналисты – особенно гадкие типы (он даже специально употребил французское слово «каналья»), потому что постоянно извращают правду. Никто из них не рассказал, как правительство обходится с деревенскими жителями, затапливая их земли, на которых жили еще предки, исключительно из корысти. А Насер, президент, – неверный, послал христианских собак. Если бы Аллах всемогущий возжелал, чтобы Нил превратился в громадное озеро размером с море между Меккой и Мединой, священными городами, он бы просто пошевелил пальцем, и это произошло бы. Теперь сюда пришли русские из степей Азии, словно мухи на помет верблюдов, чтобы эксплуатировать страну. И когда плотина – позорное клеймо в сердце Египта – будет готова, русские все равно не уберутся домой. Это клещи, впившиеся в бока египетских баранов.

От бесконечного потока слов у старика даже голос пропадал, так он был взбудоражен. И когда наконец закончил, то жадно глотал воздух, пытаясь отдышаться. Мужчины, стоявшие сзади, издавали возгласы одобрения, хотя не понимали ни единого слова. После того как старик насмотрелся на чужаков, он подал им знак следовать за собой.

Дом четыре на шесть метров был построен из светлых кирпичей, сделанных из нильского ила. В нем была только одна дверь и окошко с западной стороны. Выкрашенная в бирюзовый цвет дверь вела в кухню, стены и потолок которой покрывала сажа. Здесь стоял густой запах гниющего мусора.

Жемчужные занавески прикрывали вход в соседнюю комнату, скудно освещавшуюся через небольшое отверстие в потолке. На полу были разостланы ковры с яркими узорами. В комнате не было мебели, кроме низкого деревянного столика.

Рая и Балое уселись на полу, старик хлопнул в ладоши, и в соседнем помещении, в котором, казалось, никого не было, послышались женские голоса и звук переключаемой посуды. Вскоре появилась невысокая полная женщина и приготовила черный чай в маленьких стаканчиках. Потом показалась вторая, которая принесла миску с зеленовато-белым сыром, и еще чуть позже – третья с лепешками.

О женщинах старик сказал, что они принадлежат ему, и предложил угощаться сыром и лепешками.

Сыр на вкус был таким же, как и на вид, – омерзительным. От лепешек же исходил божественный запах, и на вкус они были хороши. Рая и Жак с удовольствием поели бы, если бы старейшина не наблюдал за каждым их движением, буквально заглядывая им в рот и таинственно улыбаясь. Особенно его привлекала Рая.

Балое, выбрав момент, когда глава племени отвлекся, незаметно вытащил пять стодолларовых банкнот, бросил их на стол перед стариком и покровительственным тоном заявил, что они принадлежат тому, кто согласится провести Жака и Раю через границу в Судан.

Пятьсот долларов – большие деньги, а здесь, южнее двадцать третьего градуса, – целое состояние. Но старик делал вид, будто деньги его не интересуют.

Даже когда Балое сказал, что там пять сотен американских долларов, он продолжал сидеть с отсутствующим видом, а на лице его застыла все та же ехидная улыбка. Он только спросил, знают ли чужестранцы притчу о лошади и осле.

Они вежливо ответили, что не знают. В ответ старик лишь покачал головой и начал рассказывать:

«В хлеву у богатого крестьянина в Среднем Египте из *одной* кормушки ели старый жеребец и молодой осел. Жеребец всю жизнь работал у крестьянина и был доволен, в то время как ослу не нравилась теснота в хлеву. Он не раз пытался убежать, но его останавливала высокая изгородь, окружавшая двор.

Однажды осел спросил жеребца, не может ли он показать как перепрыгнуть через деревянную изгородь. «Конечно – ответил жеребец, – но тогда я останусь наедине с твоей ослицей, а она мне очень нравится». – «Что же делать?» – спросил осел. И жеребец ответил, что он должен отдать ему свою ослицу на ночь. Осел, возмущившись, отверг это предложение поскольку неприлично, чтобы старый жеребец спаривался с молодой ослицей. Однажды жеребец силой добился того чего хотел. Но теперь он отказался показать ослу, как можно попасть на волю. С тех пор осел лишь роптал на свою судьбу, прославив самым упрямым и строптивым среди животных».

– Я начинаю понимать, – шепнул Жак Рае.

– Он не хочет твоих денег, он хочет меня! – кивнула Рая.

Старейшина, получив особое удовольствие от того, что они правильно поняли смысл притчи, громко рассмеялся, и в уголках рта у него показалась слюна. Потом он поднялся и исчез за жемчужной занавеской.

– Я его убью, если он хоть пальцем до тебя дотронется, – прошипел Балое.

– Это делает тебе честь, – сухо сказала Рая, – но нам мало поможет. Они нас просто застрелят. Непонятно, почему деньги для него ничего не значат.

– Я тоже этого не понимаю, – ответил Балое. – На пятьсот долларов старикан мог бы купить себе целый гарем.

Хозяин вернулся в комнату и бросил на стол толстую пачку денег.

– Думаете, вы первые, кто хочет перейти границу? Конечно же, нет! – Старик перемешал деньги, будто булочник тесто. – Вот, любуйтесь, – сказал он горько, – мне не нужны деньги. Настоящие желания за деньги не купишь.

Балое не знал, как поступить, и растерянно взглянул на Раю. Он думал, что деньги, треть которых он потерял с багажом, смогут открыть им все двери. Здесь, в пустыне, любой за пару долларов сделает что угодно! И вдруг появляется этот старик – тощий, как маслина, почти что библейского вида – и говорит, что деньги для него ничего не значат. У него их достаточно, и он не знает, что с ними делать. Но если чужестранец позволит ему переспать с красивой молодой женщиной – женщиной, которую Жак поклялся защищать, женщиной, которую он любит...

Жак почувствовал, что в нем закипает злость. Он вскочил и подошел к старику, поднявшемуся из-за стола. Он был выше старика на голову.

Рая хотела вмешаться, чтобы предотвратить стычку. Но старик посмотрел на Жака спокойно, словно ничего не происходило, положил руку ему на плечо и заявил с бесстыдной улыбкой:

– Год длинный, вы можете подумать.

Так он сказал и с равнодушным видом, оставив деньги на столе, покинул

дом. Дверь закрылась. Балое и Рая решили, что глава племени запер их снаружи. Прошло довольно много времени, в доме было тихо. Жак осторожно по-пробовал ручку и обнаружил, что дверь не заперта.

– Старик, видимо, уверен, что дело выгорит, – сказал Балое, снова закрывая дверь.

– Ясное дело, – ответила Рая, – куда же мы денемся? Кроме того, его люди вооружены. Думаю, они не особенно щепетильны.

– Боже мой, во что мы вляпались! – кивнул Балое.

Похоже, нервы его на пределе. Рая знала француза уже давно: он был гораздо более беспомощным, чем она.

– Знаешь, Жак, – сказала она, уставившись в воображаемую точку в темной комнате, – есть вещи намного хуже, чем переспать с нубийским шейхом. У КГБ совсем другие методы шантажа. И вообще он вел себя очень вежливо.

Не похоже, что он применит насилие...

Балое не верил своим ушам! Он вскочил, словно ужаленный тарантулом, и заходил по маленькой комнате взад-вперед, скрестив руки за спиной. Он хотел что-то сказать, но не мог подобрать нужных слов.

Рая пришла ему на помощь. Она сказала, что он ее не так понял, что это не будет трагедией для нее. Конечно, она пойдет на эту жертву и не будет страдать из-за этого всю жизнь.

– Никогда, никогда, никогда! – закричал раздраженно Балое. – Лучше я убью этого старика!

В нубийской деревне стало тихо, таинственно тихо. Сумерки наступили внезапно, как это всегда здесь происходит. Рая и Балое сидели в полутьме. Оба говорили шепотом, боясь, что старейшина их подслушивает. Они устали и решили провести ночь здесь, чтобы на следующий день снова переговорить со стариком. В крайнем случае они запланировали бежать вверх по Нилу.

Рая заснула. Спать на подушках, разбросанных по полу, было очень удобно, а через отверстие в потолке комната охлаждалась. Балое, так и не приняв окончательного решения, тоже задремал.

Оба проснулись одновременно. Они не знали, который час и как долго они спали, но в отверстии в потолке уже брезжил свет нового дня. Залаяла собака, потом гоготом ее поддержали гуси, замычал скот. Снаружи что-то происходило.

– Тихо! – Балое приложил палец к губам и прислушался. – Я слышу звук моторов.

– Это корабли, – испуганно вскрикнула Рая. – Нас ищут.

Балое сидел не шевелясь. Как же они узнали, где беглецы?

Шум моторов нарастал. Перед хижинкой слышались взволнованные выкрики. Рая и Жак растерялись. Как поступить? Они даже не представляли, кто их преследовал. Людям из Абу-Симбел Жак и Рая, пожалуй, смогли бы объяснить, как очутились здесь. Но если это русские, то шансов нет, все кончено.

Втайне Балое надеялся, что корабли исчезнут как кошмарный сон, но с ужасом услышал, что моторы стихли и началась швартовка. Прозвучал выстрел. Послышался дикий крик, потом второй и третий выстрелы. Начался настоящий бой. Балое задумался, действительно ли эта стычка из-за них. Не стали ли они свидетелями противостояния двух нубийских племен? Когда все прояснится, они смогут продолжать путь.

Вдруг дверь распахнулась, и в дом ворвался вооруженный полицейский. Что он кричал, они не поняли, однако догадались, что им следует покинуть дом. В серьезности его намерений беглецы не сомневались: полицейский направил на них пистолет.

Балое попытался объяснить, кто они такие, но ему не хватило арабских слов. Собственно, полицейский и не говорил с ними, а только вытолкнул из дома, угрожая оружием.

Едва они вышли, подбежал еще один полицейский. Он облил стены жидкостью из канистры и выстрелом поджег дом.

Деревню окружили две дюжины солдат, державших ружья на изготовку. Из домов выгнали последних жителей и вывели Скот. Всех повели к кораблям на берегу, а деревню подожгли. Все произошло так быстро, что у Раи и Балое не было времени осознать свое положение. Они пришли в себя только на корабле среди истерически кричащих женщин и ругающихся мужчин. У деревни стоял грузовой корабль для скота и две моторные лодки.

Люди столпились вокруг старейшины и засыпали его вопросами. Балое тоже поинтересовался, что все это значит. Старик протиснулся через толпу, подошел к ним, улыбнулся все той же ехидной улыбкой и сказал:

– Вот видите, я оказался прав. Свои истинные желания вы не смогли исполнить даже за деньги.

«Деньги!» – промелькнуло в голове у Балое. Все их деньги сторели в хижине! Он не понял, что же все-таки произошло, и снова переспросил:

– Что все это значит?

– Мы последние, кто сопротивлялся принудительному переселению. Мы и в этот раз были готовы защитить себя. Два человека заплатили за это жизнью. Просто их было больше. – Он кивнул в сторону горящей деревни, все еще окруженной солдатами.

– Так скажите им, что мы не жители вашей деревни, а просто путешественники! – потребовал Балое.

Старейшина горько улыбнулся и ответил:

– Я бы охотно так и сделал, но меня больше никто здесь не слушает. Боюсь, мне и не поверят.

– И куда же они нас везут? – вмешалась Рая.

Старейшина плюнул в воду.

– Они построили для нас жилые блоки. Жилые блоки! Вы можете себе представить, что это значит, если феллах, привыкший, выходя из дома, ступать на голую землю, вдруг начнет жить в жилом блоке? Он будет себя чувствовать, как кролик в клетке. Из моих людей большинство еще не ступало на лестницу со ступенями. И они откажутся по ним подниматься. И если так должно быть, то они скорее будут жить перед домами, чем в них.

– И куда нас везут?

Старейшина снова плюнул в воду, вложив в этот плевок всю ненависть и презрение, на которое был способен в эту минуту.

– В Асуан!

Рая вздрогнула, когда старик назвал место назначения, и с мольбой обратилась к Балое:

– Мы должны что-нибудь сделать, должны бежать с корабля!

У Балое, естественно, возникла та же мысль. Он дал понять Рае, чтобы та

оставалась на месте, а он попытается переговорить с командиром оперативной группы. Расталкивая руками нубийцев, он попытался добраться до узкого трапа, спущенного на берег. Это были просто две шаткие доски с перпендикулярно набитыми планками, больше напоминающие куриный насест, чем сходни.

Когда Балое ступил на трап, солдат на берегу поднял винтовку. Он закричал что-то непонятное и, когда Жак не отреагировал, выстрелил в него. Балое почувствовал сильный удар в правое бедро, который отбросил его в сторону, и услышал, как пуля пробила стенку рубки. Полетели щепки.

Рая испустила дикий вопль, а Жак, раскинув руки, упал навзничь. Только теперь он заметил, что брюки окрасились в красный цвет.

Боли Жак не чувствовал. Он сел возле рубки и спустил штаны, чтобы осмотреть рану. Рая протиснулась к нему и истерически закричала:

– Врача, нам нужен врач!

Жак успокоил ее: пуля лишь зацепила ногу. Из десятисантиметровой царапины текла темная кровь. Из толпы показался старейшина, осмотрел рану и как ни в чем не бывало начал отрывать от своей одежды длинные полоски.

– Снимите ремень, – приказал он Рае.

Он стянул ремнем ногу выше раны, и кровотечение прекратилось. Из обрывков ткани он сделал повязку.

– Почему вы помогаете нам? – удивленно спросила Рая.

– Почему? – улыбнулся старик. – Мы сыновья и дочери пустыни, у нас свои законы, которые непонятны чужакам. Один из этих законов гласит: помоги слабому, возможно, однажды он станет сильнее тебя, и тогда тебе потребуются его помощь. Это эгоизм в чистом виде, я знаю, но такие уж мы.

В запале оба не заметили, как корабль снялся с якоря и взял курс на север.

Старик указал рукой на юг, на цепочку дюн.

– Видите, – сказал он, – это было вашей целью. За ними лежит Вади-Хальфа и Судан.

Он снова обернулся к берегу, где полыхали хижины. На его лице было написано полнейшее равнодушие.

То, что может с ними произойти в Асуане, Раю сейчас волновало меньше, чем состояние Балое. Он был в подавленном настроении и провел целый день, лежа на палубе. Жак молчал. Боль была сильнее, чем он предполагал. А после того как старейшина снял с бедра кожаный ремень, рана вновь начала кровоточить.

Тем временем Рае удалось убедить командира оперативной группы, голубоглазого полицейского с тонкими усиками, который был родом из Нижнего Египта, однако больше походил на английского полковника, что они случайно оказались в деревне и по ошибке попали на корабль. Ее слова подкрепили двести долларов из наличных денег, которые она прятала под одеждой.

Балое срочно нужен был врач, но до Асуана, как утверждал полковник, плыть было еще три дня. Условия на корабле уже за полдня стали невыносимыми. Он весь будто пропитался запахами нечистот. От криков женщин, пронзительных и жа лобных, болели уши.

Собственная беспомощность и страх, что Балое может не дотянуть до прибытия в Асуан, выбивали Раю из колеи. В какой-то момент ей пришло в голову то, до чего никогда бы не додумался человек в обычной ситуации. В лучшем

случае это сочли бы просто абсурдом. Но в этом была вся Рая.

Не посвящая Балое, который спал как убитый, в свои планы, она узнала у полковника, когда корабль будет проплывать мимо Абу-Симбел. Полковник ответил, что это случится этой ночью. Рая Курянова попросила командира позволить им спуститься на берег. Она знает там немецкого врача, который сможет помочь Балое.

Вначале полковник отказался, но Рая ничего другого и не ожидала. Изменить его мнение стоило всего лишь сто долларов, которые она подкрепила заверением, что все произойдет быстро и тихо, так что остальные ничего не заметят.

До последнего момента Рая не говорила Балое о своем плане. Только когда корабль замедлил ход и показались огни строительной площадки, она шепнула раненому:

– Жак, послушай, что я скажу. Мы сейчас причалим в Абу-Симбел и высадимся там. Мы найдем доктора Хекмана, и он тебе окажет помощь.

– Ты с ума сошла! – ответил Жак. Ему было тяжело говорить, он ослабел от потери крови. – Ты с ума сошла! – повторил он. – Тогда нам сразу можно застрелиться.

– Чепуха, – уверенно возразила Рая, хотя и у самой были сомнения.

Она не особенно надеялась, что Хекман будет молчать. Доктор когда-то ухаживал за ней, они даже провели пару вечеров вместе. Теперь у него будет возможность поквитаться за то, что она отвергла его и вернулась к Жаку. И как они снова объявятся в Абу-Симбел, она тоже не знала.

– Пойми же, это наш последний шанс!

Она сказала это, чтобы приободриться, но у Жака уже не было сил возражать.

Полковник подал Рае знак приготовиться.

– Пойдем! – умоляюще сказала Рая.

Она помогла Балое подняться.

Все произошло очень быстро. Двое мужчин спустили узкий трап, и Рая осторожно свела Жака. Едва они ступили на землю, корабль отошел от берега. Большинство нубийцев даже не заметили, что произошло.

28

Они стояли в крошечной мгле на том же месте, откуда бежали четыре дня назад. Но сейчас их положение ухудшилось. Что же делать?

Строительная площадка, на которой вырезали храм из скалы, была безлюдна. В горе зияли дыры гигантских размеров. Скоро все это поглотит водохранилище. В нескольких десятках метров от них был строительный барак Камински, и в голову Раи пришла идея...

– Я отведу тебя в барак.

Силы Балое были на исходе, пришлось тащить его на себе. Жак что-то бормотал, но она не понимала. Ей казалось, что Балое сейчас не в состоянии ничего решать.

– Ты подождешь там, пока я приведу помощь. Хекман тебя осмотрит, а там видно будет.

Барак был заперт, окна занавешены. Рая выбила стекло, чтобы открыть окно изнутри. Не веря своим глазам, она оглядела комнату, залитую бледно-желтым светом керосиновой лампы.

«Странно, – подумала Рая, – здесь же на ночь никто не задерживается». Но на долгие раздумья времени не было. Она открыла окно, скользнула в комнату и открыла дверь ключом, который торчал в замочной скважине.

– Смотри! – в замешательстве сказала она Балое, который беспомощно прислонился к двери.

Она указала на дощатый пол, с которого было сорвано несколько половиц. В полу зияла глубокая дыра, в которую уходила лестница.

– Что это значит?

Потеря крови и напряжение последних часов настолько измотали Балое, что ему было абсолютно все равно, кто и для чего вырыл дыру в этой несчастной хибаре. Он дохромал до стула у письменного стола и устало опустился на него.

Когда из дыры в полу вдруг показалась голова, Жаку показалось, что он бредит. Это лицо он узнал – это был Камински.

Он выглядел удивленным, даже испуганным, когда, отложив фонарик, сощурившись, осматривал незваного гостя. Не говоря ни слова, он перелез через край ямы и отер рукавом куртки пот со лба. Он тяжело дышал: Балое видел, как опускаются и поднимаются его плечи. Камински жадно хватал ртом воздух, словно только что тяжело поработал.

– Что вам нужно? – едва слышно спросил он. – Люди в лагере говорили, что вы утонули. Пустую лодку пригнало ветром. Откуда вы здесь взялись?

В тот момент, когда Рая уже хотела ответить, она услышала голос из глубокой шахты, и показалась вторая голова. Этого человека они тоже знали. Это была Гелла Хорнштайн.

Она, похоже, поначалу тоже растерялась. Потом, потеряв самообладание, закричала, все еще стоя на лестнице:

– Артур, что все это значит?

Камински постепенно пришел в себя. Он присел на пыльный письменный стол и заявил:

– Вы шпионили за нами. Ваше исчезновение было просто инсценировкой. Что вы знаете и чего хотите?

Только сейчас он заметил на бедре Жака кровь.

Четверо молча смотрели друг на друга. Каждый пытался сообразить, о чем сейчас думают другие. С тех пор как псевдофранцуженка появилась в Абу-Симбел, Гелла и Рая не особенно доверяли друг другу, хотя не перемолвились и словом. Нередки случаи, когда из-за разницы характеров женщины испытывают предубеждение с самого начала. Камински, напротив, симпатизировал французу, хотя никогда близко с ним не сталкивался. Поэтому сейчас разочарование было еще больше.

Рая опомнилась первой. И хотя все еще не понимала, что происходит, ответила на вопрос Камински:

– Мы ни за кем не шпионили, клянусь. Но об этом можно поговорить и позже. Жаку срочно нужна медицинская помощь. Доктор, помогите нам! Вы же видите, в каком он состоянии. Мы хотели найти доктора Хекмана. Но, видимо, нам этого уже не удастся сделать. Балое в очень тяжелом состоянии, разве вы не видите?

Гелла раздраженно хмыкнула, словно хотела сказать: «Ну вот, еще лучше! Вначале нас выследили, а теперь еще и о по мощи просят. Нет, уж это без меня!» Но она промолчала, выбралась из шахты и встала посреди комнаты, скрестив руки на груди. Рая, боясь, что ситуация еще ухудшится, быстро опустилась на пол и стала торопливо снимать повязку с раны Балое.

Бедро выглядело ужасно. На черно-красной ране запеклась кровь, а когда Рая убрала повязку, она снова начала кровоточить. Лицо Балое исказила гримаса боли. Казалось, он теряет сознание.

– Он умирает! Вы что, этого не видите?

Рая прикрыла рану, вскочила и бросилась к двери. Гелла Хорнштайн преградила ей путь:

– Куда это вы?

– К доктору Хекману. И чем скорее, тем лучше!

– Вы останетесь здесь, – отрезала доктор.

Рая замахнулась, чтобы ударить Геллу по лицу, но в последний момент вмешался Камински и разнял женщин.

– Вы что, обе с ума сошли? Если вы подеретесь, это делу не поможет. Балое нужна помощь, иначе он умрет. Гелла, пожалуйста!

Доктор упорствовала. Она отрицательно покачала головой.

– Если мы выпустим ее отсюда, – ответила она, – все пропало. Тогда все узнают, понимаешь?

Камински пожал плечами:

– Тогда ты сама должна оказать помощь Балое. Привези из госпиталя все необходимое. Я останусь здесь с ними. Не беспокойся, они не сбегут.

Рая не понимала, о чем они говорят, и молчала. Как и Балое. Конечно, ситуация, в которой они случайно оказались, была необычной. Даже если судить только по поведению врача. «Разве не они должны были бы объяснить свое поведение?» – думала Рая.

Она раздумывала, как ответить на эти смешные упреки в шпионаже, и не заметила, что Камински и Гелла, понимая друг друга практически без слов, закончили выяснять отношения и доктор вышла из барака. Рая поняла это только тогда, когда услышала рев мотора уже где-то вдалеке.

– Она привезет все необходимое из госпиталя, – успокаивающе сказал Ка-

МИНСКИ.

Рая, держа Балое за руку, молча кивала.

Она все прислушивалась, не возвращается ли машина, когда Камински осторожно, запинаясь, сказал:

– Вы... вы, наверное, спросите, что все это значит. Но я не смогу вам объяснить...

– Прежде всего, объясниться должны мы, – перебила Рая инженера.

– Ну нет!

– Да, да. Может, потом вам будет проще все рассказать.

Рая встала и подошла к Камински.

– Вы должны знать правду: я не француженка, я русская. Я много лет проработала во французском посольстве в Париже, так что сейчас мне нетрудно выдавать себя за француженку. Балое помог мне.

Камински недоверчиво взглянул на нее, словно хотел сказать: «Ладно. Но вся эта история – еще не факт».

– Меня связывает с Балое то, что мы оба работали на советскую секретную службу – КГБ. Я говорю «работали», господин Камински. Я попала в немилость и опасалась самого страшного. Балое хотел выйти из игры, но это было опасно. За нами уже следили, и мы решили исчезнуть из Абу-Симбел. Мы планировали бежать в Хартум, но даже не добрались до границы. Нас вместе с жителями нубийской деревни, которых принудительно переселяли, посадили на корабль. Один из солдат ранил Балое. Я подкупила командира отряда, чтобы он высадил нас здесь. Собственно, мы хотели найти доктора Хекмана.

Камински трудно было поверить словам Раи. Конечно, он предполагал, что здесь, в Абу-Симбел, кто-то работает на советскую секретную службу. Но услышать такое о людях, которых знаешь, которым доверяешь, – совсем другое дело. Он был озадачен. У него возникло чувство, будто его самого предали.

Но злость немного утихла. Он подумал, что теперь они знают тайны друг друга, а это заставит всех держать рот на замке.

– Теперь я тоже могу рассказать, что все это значит, – сказал Камински, указывая на дыру в полу.

Рае, в общем-то, было все равно, о чем расскажет ей Камински, – она с нетерпением ожидала возвращения доктора Хорнштайн. Вполуха она слушала рассказ Камински о том, что он обнаружил под своим баракком мумию жены великого фараона Рамсеса и только он и Гелла Хорнштайн знают об этом. Рая только тогда очнулась, когда Камински сказал, что теперь они связаны друг с другом. Если беглецы будут молчать, то и они с Геллой их не выдадут.

Хотя Рая и не понимала, почему они скрывают находку мумии, она сочла ситуацию подходящей. Может, доктору Хорнштайн удастся поставить Балое на ноги, так что они смогут попробовать сбежать из Абу-Симбел еще раз.

Вошла доктор Хорнштайн с большой черной медицинской сумкой, и Камински быстро направился к ней. У дверей возникла короткая перепалка, из которой Рая ничего не поняла. Но когда врач вошла в темную комнату, ее словно подменили. Гелла сделала Балое в бедро инъекцию ксилокаина для местного наркоза. Втроем они перетащили его на походную кровать в задней части комнаты.

Хорнштайн проверила у раненого пульс. Она была явно обеспокоена.

– Вы должны сделать все возможное, чтобы он не заснул, – обратилась она

к Рае. – Пульс очень слабый. Под вашу ответственность...

Она начала чистить рану, а Рая помогала. Она никогда не боялась боли, но теперь, когда дело касалось Балое, как будто сама чувствовала каждое прикосновение, а наложение швов, казалось, причиняет ей больше страданий, чем пациенту, который едва ли ощущал операцию.

Когда рана была зашита длинным уродливым швом, Гелла перевела дух:

– Шов, конечно, будет виден, но рана обработана. Если не попала инфекция, через неделю все пройдет. Он снова сможет нормально передвигаться.

– Через неделю? – Рая вскочила. – Нам нужно уходить, и лучше прямо сегодня ночью!

Гелла завернула инструментарий и положила в сумку.

– Это невозможно, – возразила она.

Конечно, для нее самой было бы лучше, если бы оба исчезли так же быстро, как и появились. Но Балое только что перенес операцию и очень ослаб.

– Как вы себе это представляете?

Рая молчала. Вопрос доктора вернул ее к реальности. В действительности Рая только сейчас осознала то, в чем сама себе боялась признаться еще с тех пор, как они вернулись: попытка побега не удалась.

– А как вы себе это представляете? – в отчаянии задала встречный вопрос Рая. – У нас будет шанс, только если нас будут считать мертвыми. Если мы сейчас вдруг объявимся, КГБ быстро пронюхает об этом.

Камински укладывал половицы над шахтой. Он закончил работу и обратился к Гелле:

– Она права. В Абу-Симбел им нельзя оставаться. Они должны уйти.

Внимание, которое Камински оказал незваным гостям действовало Гелле на нервы.

– Может, ты даже скажешь как? – вызывающе спросила она. – Может, они еще раз возьмут моторную лодку? Или пойдут пешком? Как ты себе это представляешь?

– Курош! – сказал Камински.

– Курош the Eagle?

– Именно он. Каждый знает, что за деньги он сделает все. Поговаривают, он частенько возит контрабанду в Хартум. Нужно подкупить Куроша.

Камински с удивлением увидел, что Рая вытащила из-под блузки пачку курю.

– Тысяча долларов! – сказала она равнодушно и бросила пачку на письменный стол. – Надеюсь, этого хватит?

Камински и Гелла были поражены. Француженка или русская, какого бы происхождения она ни была, их удивила. Похоже, в ее жизни бывали и более безнадежные ситуации.

Пока они стояли в растерянности, Рая вытащила вторую пачку.

– Для вас, – холодно сказала она. – За беспокойство!

Камински, не в силах подобрать слова, протянул деньги Рае.

– Оставьте себе. Они вам еще пригодятся.

Вторую тысячу долларов он сунул в сумку и сказал:

– Пойдемте, перенесем Балое в машину. Через час рассветет. До восхода все должно быть готово!

29

Салах Курош по прозвищу the Eagle, экс-пилот египетских авиалиний, не напрасно был сослан в Абу-Симбел курьером. Он жил в сборном домике на краю поселения рабочих, прямо рядом с аэродромом, где была только короткая асфальтированная взлетная полоса да длинный барак. Вокруг был песок и только песок. Иногда с утра приходилось даже расчищать лопатами полосу. В ангаре стояли два маленьких самолета, на которых совершались постоянные рейсы в Асуан. Четкого расписания полетов не было, поэтому Курош мог смело взлететь, не привлекая внимания, и исчезнуть за песчаными дюнами.

Египтянин, никогда не пьянеющий чудак и пилот по при званию, жил один. О его курьерских полетах рассказывали удивительные истории. Поговаривали также о делишках, которые он обычно проделывал, сильно подвыпивши. Он не мог жить без алкоголя, как и без наставлений Корана, хотя они сочетались между собой, как вода и пламя. Оправдывая свою тягу к выпивке, Курош говорил, что Аллах сотворил не только огонь и воду, но и огненную воду, а Аллах всемогущ.

Камински растолкал пилота. Балое, Рая и Гелла ждали в машине. Египтянин проснулся неохотно, но когда увидел на неубранном столе пачку долларов, его как будто подменили.

– Тысяча долларов? Требуется сделать скверное дело, мистер?

– Конечно, – ответил Камински. – Или вы думаете, что я собираюсь их вам подарить?

Курош сглотнул. Не спуская глаз с денег, он сказал:

– Никаких грязных дел! Я не соглашаюсь на сомнительные сделки. Вы понимаете?

– Я знаю, – невозмутимо ответил Камински, – знаю. Вы никогда не пошли бы на контрабандный провоз виски из Хартума. Это было бы слишком рискованным предприятием и в конце концов могло стоить вам работы...

– Откуда вы знаете, мистер?

– Я ничего не знаю, Салах. В лагере рассказывают удивительные истории, откуда берется столько виски. Но это, конечно, только слухи.

– Клевета!

– Конечно, клевета. Я в это никогда не верил.

Салах взял деньги и осмотрел их в свете электрической лампы, стоявшей на столе.

– Хорошие деньги, – проворчал он все еще неохотно, но сразу же добавил: – Ну говорите уж, что я должен сделать.

– Простое поручение, – ответил Камински. – Вы полетите с двумя людьми в Хартум. Они ждут снаружи в машине. Вы не спрашиваете их имен и забудете, как они выглядят. Да и вы летали вообще не в Хартум.

– Это невозможно! – Салах Курош покачал головой.

– Что это значит?

– Это значит, что невозможно перевезти на самолете «Boelkow-207» двух пассажиров сразу.

Камински взял пачку денег и сделал вид, будто хочет сунуть их назад в сумку.

– Стойте! – Курош удержал его руку. – Какой багаж?

– Никакого, – ответил Камински. – Ничего, кроме вещей на них.

Курош сдался.

– Когда все это должно произойти? – осторожно поинтересовался он.

– Немедленно! – отрезал Камински. – Вы должны принять решение, берете ли заказ. В противном случае я придумаю что-нибудь другое.

Курош, зевая, поднялся и посмотрел из окна. Снаружи была кромешная тьма, но не пройдет и получаса, как горизонт на востоке посветлеет и можно будет лететь на юг.

– Во имя Аллаха! – сказал Курош и взял деньги. – Где люди?

– Ждут в машине. Еще раз напоминаю: вы их не знаете и никогда не видели!

– Салах может молчать как могила.

Камински невольно вздрогнул.

Курош выкатил сине-белый «Voelkow-207» из барака.

Балое схватил Камински за руку.

– Спасибо, мосье, – устало сказал он. – Я вам крайне признателен.

Камински отдернул руку.

– Вы не должны мне ничего говорить. Вы заплатили!

– Нет, нет, – возразил Балое, – это было непросто.

Камински возразил:

– Даже если вы в это не верите, я делал это с корыстью. Если вам удастся... – Камински вытащил из нагрудного кармана лист бумаги и нацарапал пару строк. – Если вам удастся добраться до Европы и захочется сделать что-нибудь хорошее, обратитесь по этому адресу и назовите мое имя.

Балое кивнул и взял бумажку.

Камински помог раненому и Рае забраться в кабину самолета.

– И не забудьте, о чем мы договорились: вы ничего не видели!

– Ничего, – рассеянно повторила Рая Курянова.

Только когда машина поднялась в воздух, когда Курош низко пролетел над водохранилищем и круто набрал высоту, она задумалась над тем, какое значение имело их открытие. Потом она взяла Балое за руку, сжала ее и крикнула сквозь гул мотора:

– У нас получится, ты слышишь? У нас все получится!

30

Время поджимало. Первое сентября – назначенный срок затопления – давно уже было позади. Если это случится, гробница с мумией будут безвозвратно утеряны.

Что касается Геллы, она будто не хотела понимать, что мумия, если они ничего не предпримут, через пару недель просто исчезнет. Вместо этого Гелла продолжала каждые два-три дня спускаться в гробницу под бараком и медитировать перед мумией в свете карманного фонарика. Сначала Камински потакал желаниям доктора, потому что Гелла после каждого спуска встречала его радостно-возбужденная и отдавалась ему со всей страстью, на какую способна женщина. Этот ритуал повторился добрый десяток раз, но Гелле все было мало, она все чаще хотела спуститься к мумии. Тогда Артур Камински начал задумываться, как положить конец этим странным действиям и образумить ее.

В глазах Камински Гелла была все такой же чарующей, образованной и уверенной – женщиной, которая могла показать мужчине, что он ей нужен. Однако он много раз проклинал день, когда посвятил Геллу в свое открытие. Потому что после того как Гелла впервые увидела это высохшее человеческое тело, она изменилась. Камински не мог понять этот странный вид некрофилии, а Гелла даже не пыталась объяснить свое поведение.

В тот теплый сентябрьский вечер, когда после палящего летнего зноя температура понемногу спала, Камински искал Геллу Хорнштайн в ее квартире, явившись, как всегда, без предупреждения, что, в общем-то, было в его стиле. Он хотел ее, но на его оклики Гелла не открыла. Дверь была заперта, изнутри доносилась заунывная музыка. Артур был в замешательстве и решил влезть в дом через окно. Сладковатый чад ударил ему в нос.

– Гелла? – позвал Камински, но не получил ответа.

В комнате Геллы горели свечи и тлели ароматические палочки. Откуда-то доносилась чарующая музыка.

Обнаженная Гелла лежала на кровати, глаза ее были устремлены в потолок, руки скрещены на груди.

Камински подумал сначала, что она умерла, но потом увидел, как поднимается и опускается округлость живота, подергиваются веки.

– Бог мой! – произнес Камински. – Ты меня напугала.

Казалось, Гелла его не замечает.

Камински привык уже ко многим ее причудам, возможно, она ему даже нравилась своей экзальтированностью. Но такого он не видел еще ни разу. Несмотря на это, он не воспринимал ситуацию как опасную ни для себя, ни для Геллы. Скорее, ее соблазнительный вид только пробуждал в нем еще большую страсть.

Он сел на кровать возле Геллы и залюбовался ее прекрасным телом. Она лежала, словно вылепленная из воска, молочно-белая, и нечто необычное, способное подавить сексуальные чувства, окутывало ее. Артур, уже привыкший к подобным причудам, чувствовал чрезвычайный магнетизм ситуации. Он не мог удержаться. Он должен был ее погладить – сначала осторожно провести рукой по ногам, а потом, с особой чувственностью, по местам, которые ему больше всего нравились.

Гелла не шевелилась. Только быстрые движения глаз выдавали, что она чувствует ласки мужчины.

Камински попытался просунуть одну руку между ее сведенными бедрами, поглаживая их и лаская, а другой начал снимать с себя одежду – долго и неумело, как мужчина, предвидящий неожиданное любовное приключение.

Он улыбнулся, снимая брюки, и сказал:

– Ты могла бы упростить мне задачу.

Наконец он сбросил одежду. Неподвижность ее тела, сулящего счастье, заводила его больше, чем дикие страстные движения. Похотливо, на четвереньках, он взобрался на нее. Он начал целовать ее от кончиков пальцев на ногах, медленно поднимаясь вверх до колен и потом выше, погрузился в треугольник внизу живота, остановился, но никакой реакции не последовало. Она оставалась неподвижной. Теперь холодность, которая его возбуждала, разбудила в нем злость. Камински не мог понять, как можно так сдерживать свои чувства. Как дикий зверь, он набросился на Геллу.

Он попытался силой развести ее скрещенные на груди руки, но был слишком возбужден и у него не хватало на это сил. Он стоял над ней на коленях, ее тело было у него между бедрами, и он принялся со всей силой, на которую был способен, разводить скрещенные на груди руки. Раздался хруст и пока Камински разглядывал руки, издавшие этот страшный звук, пока пожирал глазами тело, которое до этого дня дарило ему столько удовольствия, его вдруг передернуло: это была не Гелла! Женщиной, которую он держал в объятиях, была мумия с высохшими желто-коричневыми руками. Локти и лучевые кости, обтянутые тонкой полупрозрачной кожей, треснули и раскололись.

Будто пораженный током, Камински не сразу понял свою роковую ошибку. Его сознание словно потонуло в неведомом потоке энергии, но магнетическая сила от прикосновений была сильна. Его руки крепко сжимали запястья, и только отчаянный крик нарушил эту связь.

Камински вскочил, схватил разбросанные вещи и выбежал на улицу. Там он остановился, отдышался и провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть пережитое из памяти. Мгновение он стоял неподвижно, сомневаясь в собственном рассудке. Потом Камински стало страшно, что все это ему не привиделось, а случилось на самом деле. И он бросился бежать в одних брюках, желая поскорее убраться прочь от этой проклятой мумии.

В эту ночь Камински не сомкнул глаз. Он боялся самого себя, потому что уже не в силах был отличить сон от яви.

Он мог бы поклясться, что это была Гелла, лежавшая на кровати, когда он вошел в комнату. Но с той же уверенностью он мог сказать, что держал скрещенные руки мумии, которая нагнала на него такой ужас.

Так или иначе, но он решил, что близок к сумасшествию. Самое плохое заключалось в том, что Камински не мог собраться с мыслями: перед ним все время всплывала мумия. И он боялся встретиться с Геллой Хорнштайн.

Он поймал себя на мысли о побеге. Он хотел просто исчезнуть, как это сделали Балое и Рая. Возможно, все это из-за трех лет в пустыне и одних и тех же людей вокруг, или из-за монотонного течения дней в Абу-Симбел. А о ночных часах лучше вообще не вспоминать. А может, это просто из-за сумасшествия, которое началось у новичков в последние недели. Директор распорядился вывезти их на самолете.

Под каким-то предлогом Камински в обед полетел вместе с Курошем в Асуан. Ему нужно было увидеть других людей, другие улицы, другие дома. Он мечтал о ярком водовороте базара, хотя ему и незачем было туда идти.

За три года он три раза ездил в Асуан из Абу-Симбел, чтобы уладить важные дела. Один раз заказал украшение Для Геллы и сразу же отправился обратно, потому что без него работа на стройплощадке останавливалась.

Курош и Камински мало разговаривали в течение полуторачасового полета, да и эти разговоры были ни о чем. Во всяком случае, они ни слова не сказали о побеге Раи и Балое, и это позволяло думать, что все прошло, как было запланировано.

Курош спросил, когда Камински собирается лететь назад, но тот ответил, что не знает и позвонит, если понадобится помощь.

За один египетский фунт старый таксист довез его до отеля «Эль-Саламек», который располагался на тихой улочке возле большого базара. Светло-желтый фасад с монументальными колоннами у входа выглядел намного привлекательнее, чем внутренняя обстановка. Конечно, Камински мог позволить себе и дорогой отель «Катаракт», но он боялся встретить людей, с которыми был знаком и которым нужно было бы объяснять свое появление здесь. А он этого не хотел.

Комната с каменным полом на втором этаже отличалась прежде всего тем, что в высоту она была больше, чем в длину. Камински мог только предполагать, что где-то был потолок, но видно его не было, потому что ставни во всех старых отелях города были всегда закрыты. Любые попытка открыть их оказывались безуспешными по причине ржавых шарниров. Окна не открывались со времен, когда по улицам проходили парады, а из окон выглядывали ликующие жители. Это было пятнадцать лет назад. Слабой лампочки, пожалуй, хватило бы, чтобы осветить и потолок, но она была накрыта эмалевым абажуром, который, должно быть, был когда-то белым. Но мириады мух, приспособившие его под посадочную площадку, затоптали абажур до такой степени, что он стал темно-серым.

Железная кровать, деревянный квадратный столик на точеных ножках напротив, стул с плетеным сиденьем и шкаф без дверцы, но с деревянной перекладиной для вещей – вот и вся мебель, которая была в комнате. Для санитарных нужд стоял треножник с тазиком и кружкой.

В Абу-Симбел у Камински было больше комфорта. Но здесь, в этой полупустой комнате, он чувствовал себя хорошо. Казалось, прошлое осталось позади. Он хотел бы вообще не возвращаться в Абу-Симбел. Артур устало упал на железную кровать, которая отозвалась сухим скрипом. Он скрестил руки на затылке и уставился в никуда. Но как только закрыл глаза, то снова увидел перед собой высохшее лицо мумии и колоссов Абу-Симбел.

С улицы тянуло тяжелым запахом жареной баранины. Камински вспомнил, что сегодня еще не ел, и поднялся с намерением исправить это упущение.

По мере приближения к базару, который находился всего в сотне метров от отеля, народу становилось все больше. В толпе Камински всегда испытывал неловкость, но сейчас ему это даже нравилось. Он чувствовал себя защищенным, не нужно было бояться, что рассудок опять сыграет с ним злую шутку.

Уличные торговцы ходили с большими деревянными ящиками, привязан-

ными к животу, предлагая ассортимент целого магазина; другие тащили на спине громадные корзины с посудой и различной домашней утварью. Дети громко расхваливали выпечку, женщины на голове несли покупки домой.

Через каждые два метра чистильщики обуви по-лягушачьи сидели на земле и били деревянной щеткой по ящичку, служившему им для хранения ваксы и щеток. На него же ставили ноги клиенты. Этой услугой пользовались главным образом солдаты, которые в изобилии слонялись здесь без дела и для которых сверкающие сапоги были символом статуса, как для правоговерного мусульманина – три жены.

На каждом шагу можно было встретить красивых девушек в ярких одеждах, прикрывавших паранджой ярко покрашенные губы. Глазами, не говоря ни слова, они манили в темные переулки, чтобы продать там свой «товар».

Столики перед кафе все были заняты. Проворный официант шнырял среди посетителей, ловко балансируя с кальянами из разноцветного стекла и протягивая гостям ярко оплетенные курительные трубки.

Камински нашел свободное место, присел и заказал черный кофе, который варили с солью и подавали в медных кувшинчиках. Пили его из маленьких стаканчиков без ручек.

– Европейец? – по-английски спросил человек, которого Камински сразу не заметил.

Мужчина выглядел ухоженно и был одет, как аристократ, в двубортный серый пиджак. Его голову венчала красная феска, на которой беспокойно болталась кисточка.

– Немец. – И Камински дружелюбно кивнул толстяку.

– Ах, – ответил тот, – Абу-Симбел!

– Да. Инженер.

– Хорошая работа, великолепно, просто чудесно!

Толстяк затаился, и в кальяне забурлили белые пузырьки. Он с интересом оглядывал народ, снующий мимо круглых столиков.

Камински посчитал разговор с незнакомцем законченным, но тот вытащил из нагрудного кармана пожелтевшую визитную карточку и, широко улыбнувшись, протянул ее Камински.

Камински взглянул на симпатичное лицо мужчины, потом на затасканную карточку, которая, очевидно, не раз ему служила. Толстяк, подмигнув, доверительно сказал:

– Фостер, Чарльз Д. Фостер.

– Камински, – ответил, дружелюбно кивнув, немец. – Артур Камински. – И сунул карточку в карман. – Вы англичанин?

– Египтянин! – поспешил тот поправить собеседника. – Хотя мой отец был англичанином, а мать – немкой. Я здесь родился, и, знаете, живу на границе двух миров. Египтяне называют меня иностранцем, хотя я пишу и говорю на их языке лучше, чем они сами. А англичане меня называют «паша», потому что считают египтянином. Но меня это устраивает. Надо сказать, живу я довольно неплохо...

Камински обвел Фостера вопросительным взглядом. Мужчина его заинтересовал.

Фостер понял невысказанный вопрос.

– Хотите знать, почему я хорошо живу? – Он иронически улыбнулся. – Огля-

нитесь вокруг. На базаре вы увидите четыреста, может быть, пятьсот лавочек и магазинчиков. Но только немногие из тех, кто громко расхваливает свой товар, – хозяева собственного маленького бизнеса. Они просто получают с оборота. Настоящие владельцы живут в виллах в районе нового госпиталя, а за них работают бедняки. Такова воля Аллаха.

Потом он потыкал маленьким толстым указательным пальцем и сказал:

– Это, это и это. Все это мои магазины. – И его лицо засияло, словно золотые купола мечетей в Каире.

– Что вы продаете, мистер Фостер? – осторожно поинтересовался Камински. Тот потер руки, будто намыливая.

– Хороший торговец должен уметь торговать всем, что сотворил Аллах. Торговцы украшениями, овощами и коврами – это изобретение Запада. Хороший торговец продает все сразу – это мой девиз.

Камински усмехнулся. Мужчина пришелся ему по душе, в частности его неформальный стиль общения.

– В Германии, – сказал он, – есть выражение, характеризующее таких людей, как вы.

– Ну-ка, выкладывайте!

– Не знаю, оно не очень-то лестное...

– Ах, вот в чем дело, – ответил Фостер. – У арабов есть хорошая поговорка: тот, кто тебе льстит, – твой враг, кто порицает – учитель!

Оба громко рассмеялись, и Камински сказал:

– А в Германии о таком человеке, как вы, сказали бы: он бы свою родную бабушку продал, если б смог!

– Продать бабушку! – засмеялся Фостер. – Продать бабушку! – Он ударил себя по колену, и его лицо так покраснелось, что, казалось, вот-вот лопнет. – Продать родную бабушку! – снова повторил он. – Это вы хорошо сказали, мистер...

– Камински.

– Мистер Камински. Трудная фамилия. Но что я хотел сказать... – Его лицо стало серьезным, и он придвинулся к немцу поближе. – Если у вас есть желание...

– Нет! – грубо перебил его Камински. Он догадывался, о чем пойдет речь. А он сейчас хотел чего угодно, но только не спать с женщиной.

– О, я понимаю! – не дал себя смутить Фостер. – Я могу организовать вам мальчиков, симпатичных пареньков из лучших семей.

Предложение Фостера действовало Камински на нервы по известным причинам. И он, желая удержать этого торговца живым товаром на расстоянии, сказал:

– Послушайте, мистер, если у меня будет желание пуститься в сексуальные приключения, я охотно обращусь к вам. Временно я не проявляю ни малейшего интереса к женщинам. И думаю, что в ближайшее время мое настроение не изменится.

Он допил кофе, бросил монету на круглый стол и собрался уйти.

– Простите меня, дорогой друг! – Толстяк услужливо поклонился Камински и усадил его на место. – Я не мог представить, что вы пожаловали сюда не за эротическими приключениями. Я не хотел показаться навязчивым, отнюдь.

Камински постепенно закипал.

– Кто вам сказал, что я искал эротическое приключение, господин...

– Фостер. Очень просто. Фостер, – ответил толстяк. – Этого мог не заметить только слепой. Вы же сбежали от женщины. Ведь так?

Камински изумленно посмотрел на него.

– Именно так, – продолжал торгош. – И если позволите, господин Камински, я дам вам совет. Не возвращайтесь к ней. Ни одна женщина не стоит того, чтобы от нее убежали, а потом, раскаиваясь, возвращались. Ни одна! Оглянитесь вокруг! Аллах создал больше женщин, чем мужчин. Это значит, что вы можете их выбирать, как на верблюжьем рынке, который находится на востоке города. Но... Еще кофе для моего друга Камински!

Было трудно, практически невозможно вырваться из лап торгоша. Хотя втайне Камински был с ним согласен, по крайней мере при теперешнем положении вещей. Бывают ситуации в жизни мужчины, в которых женщина играет роль, которую ей играть не полагается. И она обретает власть над ним. Когда-то Камински читал, что это связано с химическими веществами, которые вызывают антипатию или влечение различных полов. Должно быть, именно они и влекли его к этой таинственной Гелле. Да, в мыслях он употреблял определение «таинственная», потому что не мог объяснить, что его в ней привлекает, словно это крылось в непознанной сущности Геллы, так отличавшей ее от других женщин, которых знал Камински раньше.

– Расскажите о своей работе в Абу-Симбел, – попросил Фостер, чтобы закрыть неприятную тему.

– Да почти нечего рассказывать, – ответил Камински. – После того как храм распилили и перевезли блоки в безопасное место, подальше от Нила, шумиха улеглась. Все идет своим чередом. По времени мы даже опережаем план.

– Я знаю, – ответил Фостер, – русские рвут и мечут. Они попытались саботировать вашу работу, но им не повезло. Хотя у них есть кукушка в вашем гнезде, и не одна, ха-ха!

– Кукушка?

– Ах, только не притворяйтесь. Не делайте вид, будто не знаете, о чем я говорю. Со мной это не пройдет! Фостер знает все. – Он посмотрел по сторонам, словно хотел убедиться, что их никто не подслушивает, наклонился к Камински и прошептал: – В Асуане вы и десяти шагов не сделаете, не наткнувшись на человека из КГБ.

Камински испугался. Он задался вопросом, была ли их встреча действительно случайной, как думал до этого, и коротко сказал:

– Я не знаю, о чем вы говорите.

Фостер усмехнулся: Камински не умел притворяться.

– Видите ли, мистер Камински, Египет – страна маленькая и очень незначительная, но стратегическое положение, прежде всего Суэцкий канал, ставит ее по важности на первое место среди стран этого континента. Последствия: Восток и Запад попытались навязать себя нашей стране и засыпали нас подарками. Для Союза Египет стал прежде всего вопросом престижа. До свержения короля Фаруха страна Египет была прозападной страной. С тех пор как началось строительство плотины, русские рассматривают Египет как сферу своего влияния. Ни в одной стране мира не живет столько русских, сколько в Египте. И они чувствуют себя здесь комфортно, хотя египтяне их не любят. С тех пор как русские появились здесь, страна наполнилась шпиками, стукачами и агентами. Кто может точно сказать, что мы тоже не работаем на КГБ?

Камински пожал плечами, но Фостер не дал ему вставить и слова.

– Вам не нужно оправдываться, мистер Камински, и я тоже не буду этого делать.

Камински беспомощно смотрел на Фостера. Он не знал, за кого тот его принимает, и не понимал, как расценивать эту встречу.

Он уже сомневался, действительно ли Балое и Рая, которым он помог бежать в Судан, скрывались от КГБ, или за их побегом кроется что-то другое. Странной случайностью было то, что оба вдруг объявились ночью в его строительном бараке. И случайно ли барак был построен именно над входом в гробницу с мумией? Кто к этому приложил руку? Он взглянул на Фостера со стороны: «Что знает этот человек?» Камински хотелось сказать: «Забирайте свою мумию, делайте с ней что хотите, только оставьте меня в покое». Вместо этого он вдруг спросил:

– Скажите, мистер Фостер, вы имеете дело с антиквариатом?

Фостер, для которого весь предыдущий разговор не имел никакого значения, по крайней мере он вел себя именно так, вдруг оживился. Он вынул изо рта мундштук кальяна, постучал им о ладонь и спросил, не глядя на собеседника:

– Покупаете или продаете?

– Я не понял, что вы имеете в виду.

– Вы хотите что-то купить или продать?

Камински покраснел. Он чувствовал, что его загнали в угол, и неуверенно сказал:

– Собственно... Я только хотел узнать, занимаетесь ли вы торговлей антиквариатом.

Толстяк понимающе кивнул, полез в карман, вытащил черный потертый бумажник толщиной с Коран и начал копаться в нем, перебирая купюры, какие-то квитанции, чеки и газетные вырезки. При этом он постоянно слюнявил указательный палец правой руки и что-то невнятно бормотал.

– Вот! – вдруг громко сказал он, выудил мятый свернутый листок из бумажника и протянул собеседнику.

Камински развернул его. Это была страница из журнала «*Time*» с рекламой статуи Рамсеса, приобретенной нью-йоркским музеем «Метрополитен».

– Я доверяю вам, – прошептал Фостер, – я доверяю вам потому, что вы доверяете мне. Ну, вы понимаете... – И после продолжительной паузы ткнул большим пальцем себя в грудь: – Полмиллиона... долларов!

Камински не сразу понял. Только постепенно он осознал, о чем говорит Фостер: толстяк провернул эту сделку и заработал полмиллиона долларов. Камински уважительно кивнул и вернул вырезку.

– Конечно же, нелегально, – тихо сказал Фостер. – Я, правда, не знаю, что вы об этом думаете, мистер Камински. Но если бы не я провернул эту сделку, ее бы провел кто-нибудь другой. И, в общем-то, музей «Метрополитен» не самый плохой клиент. Можно сказать, отдал в хорошие руки. Вы видели, как содержатся экспонаты в Египетском музее в Каире? Просто позор!

Камински интересовала не столько моральная сторона дела (у него у самого рыльце было в пушку), сколько откровенность, с которой Фостер рассказывал ему такие вещи. Возможно, Фостер своим деловым чутьем понял, что Камински не из тех, кто будет доносить. Кроме того, у этого человека в городе на-

верняка были большие связи. Да и кто здесь поверит ему, Камински?

– Вы так мне доверяете, – сказал Камински, – а ведь мы едва знаем друг друга.

Фостер пожал плечами:

– Понимаете, есть люди, которым доверяешь сразу, хотя до этого ни разу их не видел. А есть люди, с которыми годами поддерживаешь дружеские отношения и все равно не доверишь им никакой тайны. Вы, сами видите, относитесь к первой категории.

Эти снова льстили Камински, а Фостер произнес их с определенным умыслом. Он знал, как обходиться с людьми, подобными Камински, и понимал, что от них можно получить все, что захочешь, если только за это правильно взяться. Поэтому Фостер замолчал, наблюдая за прохожими на улице.

Ему не пришлось долго ждать, пока Камински заговорит. Его слова звучали как исповедь:

– Я нашел мумию. Это звучит невероятно, но она преследует меня день и ночь. Я бежал сюда от мумии и теперь хотел бы от нее избавиться.

Фостер не особенно удивился.

– В мумиях нет ничего такого, – сказал он. – Их здесь тысячи. Это меня не интересует.

– Но речь идет об особенной мумии, она лежит целая в саркофаге. Речь идет о Бент-Анат, дочери и супруге Рамсеса!

– Что вы сказали?!

– О дочери и супруге Рамсеса, который построил Абу-Симбел.

– Ну, вы шутник, Камински!

– Я не шучу, мистер Фостер. Я бы ни слова не сказал, если бы это чудовище не разрушило самый захватывающий роман в моей жизни. Теперь я хочу избавиться от мумии!

Фостер вдруг словно наэлектризовался. Он заерзал на своем деревянном стуле.

– И где же находится гробница? Много ли сообщников? У вас есть доказательства?

– Доказательства? Археологи сразу узнали иероглифы с крышки саркофага и сказали, что это имя царицы. Есть только один сообщник – женщина, о которой я уже говорил и которая для меня много значит. А что касается места, то оно в Абу-Симбел.

– Поклянитесь бородой пророка! – Фостер все еще не мог поверить.

Он недоверчиво посмотрел на Камински, покачал головой и взглянул на пустую чашку. Наконец сказал так тихо, чтобы никто не услышал:

– Если ваши слова подтвердятся, мистер Камински, я готов заплатить любые деньги, *почти* любые.

Рассудок Камински вдруг словно помутился. Только что он любыми путями хотел избавиться от мумии, а теперь появился этот Фостер и предлагает ему целое состояние. Этих денег будет достаточно, чтобы начать новую жизнь.

– Сколько? – решительно спросил Камински.

– Вначале я должен лично осмотреть объект, – ответил Чарльз Д. Фостер как истинно деловой человек. – Но примерная цена будет, скажем, полмиллиона.

– Долларов?

– Дорогой друг, здесь можно говорить только о долларах. Теперь важно, чтобы никто не узнал о нашей сделке. Ну, вы понимаете... Чем меньше людей об этом знают, тем выше цена.

31

Начало смеркаться. Перед магазинчиками и в маленьких вычурных витринах зажглись тысячи разноцветных ламп. Ароматы восточных яств доносились из дверей ресторанчиков, смешиваясь с густым запахом кебаба, продавцы которого, выставив свои мангалы вдоль узких переулков, переворачивали мясо длинными щипцами, чтобы оно равномерно поджаривалось на углях. Каждый громко выкрикивал слова, которые Камински не понимал, но о смысле которых можно было легко догадаться: именно его мясо, и только его мясо, – самое вкусное в мире. Камински проголодался. Могу я вас угостить, мистер Камински? – Похоже, Фостер заметил его голодный взгляд. – Буквально в двух шагах отсюда. Там не так шумно. Я знаю отличное заведение. Одно из немногих, в котором готовят настоящие египетские блюда. Называется оно «Алья», и не без причины. Фостер бросил на стол пару купюр и хлопнул в ладоши. Из кафе вышел официант, взял деньги и выслушал несколько распоряжений.

– Пойдемте, – сказал толстяк Камински и поднялся.

Теперь Камински понял, для чего Фостер позвал официанта: громко крича и расталкивая толпу, официант шел впереди, прокладывая сквозь толпу дорогу к ресторанчику. Дойдя до места, он молча поклонился обоим и исчез.

– Вы, конечно, хотите знать, что означает «Алья», – сказал Фостер, когда они входили в ресторан через узкий стрельчатый свод с жемчужными занавесками.

Между колоннами стояли маленькие, накрытые белыми скатертями столы. По залу растекалось странное зеленое освещение, словно вода у острова Элефантина. Несколько столиков были заняты, за ними сидели только мужчины. По виду публика была здесь сплошь состоятельная. Метрдотель в черном костюме и красной феске проводил их к столику. После того как они уселись на неудобные складные стулья, Фостер продолжил:

– Алья – это вытопленный жир из бараньих хвостов. Евреи готовят на оливковом масле, копты – на кунжутном, а настоящие египтяне – на жире из бараньих хвостов. Поэтому все древние египетские рецепты начинаются словами: «Во имя Аллаха всемогущего выжарьте один хвост...»

Камински сглотнул. Он бы с большим удовольствием съел на улице пару кусочков ароматного, приправленного множеством специй блюда, но Фостер уже обсуждал с юрким темнокожим официантом в длинном белом фартуке крестец барашка под сладковатым соусом, из-за которого Камински чуть было не отказался есть.

Наконец Фостер заметил смущение гостя и деликатно спросил:

– Вам это не по вкусу, мистер Камински?

Тот, не желая показаться невежливым, заверил, что блюдо исключительно изысканное, просто немного непривычное для европейцев из-за сладкого соуса.

Фостер рассказал, что это древняя египетская традиция – подавать барашка в сладком соусе. И поведал легенду времен мамлюков:

– Однажды правил царь Валух большим народом мяса, который питался только солью и травами. У царя Валуха был соперник – царь Мед, правитель фруктов, овощей и всяких лакомств. Этому завидовал царь Валух, и он отпра-

вил своего посла, бараний хвост по имени Алья, к царю Меду с предложением сдать. Но тот отказался. Алье удалось склонить на свою сторону важнейших людей из племени Меда, Сахар и Сироп, с тех пор кострец барашка всегда имеет сладковатый вкус.

Камински слушал вполуха. Его мысли кружили вокруг того, как незаметно забрать мумию. И чем дольше он об этом думал, тем больше склонялся к мысли, что это невозможно. Камински нерешительно смотрел на нарезанный крестец барашка и, превозмогая себя, пытался съесть кусочек.

– Она на глубине шесть-восемь метров, – неожиданно сказал он. Прошло несколько секунд, прежде чем Фостер смог понять, о чем речь. – Дело усложняется еще тем, – продолжил инженер, – что проход может в любой момент обрушиться. К тому же в гробницу ведет вертикальная шахта, и я не знаю, насколько глубокая...

– Разве вы не говорили, что гробница находится поблизости от стройплощадки Абу-Симбел? – перебил его Фостер

– Да, я так сказал.

– Тогда в нашем распоряжении будут машины, экскаваторы и краны. Я уже думаю над более серьезными проблемами, мистер Камински. Не беспокойтесь об этом!

– Но я как раз беспокоюсь! Как все это незаметно провернуть?

Фостер неприятно ухмыльнулся.

– Ах, знаете ли, дорогой друг, арабская поговорка гласит: золото может заткнуть рот даже болтуну. Это значит, что с помощью денег можно заставить замолчать любого. Тем более египетского экскаваторщика. Но это уже не ваши проблемы, поверьте.

Камински задумался. Что знал Фостер о стройке в Абу-Симбел? В каких еще махинациях участвовал?

Фостер отодвинул тарелку, достал бумажник и вытащил газетную вырезку, которую уже показывал Камински.

– Я сказал вам только половину правды, – покашливая, смущенно произнес он и ткнул указательным пальцем в бумажку. – Статую Рамсеса, о которой здесь говорится, нашли в Абу-Симбел. Ее обнаружили двое мужчин из вашей команды. Вы изумитесь, если я назову их имена. Это археологи Хассан Мухтар и инженер Альберт Мессланг.

– Мухтар и Мессланг! – Камински глубоко вздохнул. – Но...

Фостер пожал плечами, будто хотел сказать: «Вы удивлены, но это так!», но промолчал, глядя на газетную вырезку.

Камински с самого начала не доверял Мухтару. Он не мог объяснить почему, но археолог ему с первого взгляда не понравился. Поэтому он избегал встреч с ним, насколько это было возможно. Но то, что он продал археологическую находку в Америку...

– А Мессланг? – вслух подумал Камински. – Как только я пытаюсь что-нибудь узнать об этом человеке, как натыкаюсь на стену молчания. Никто не может или не хочет говорить о нем.

– Это меня не удивляет, – ответил Фостер. – Я же говорил: золото заткнет рот даже болтуну. Я скажу вам правду, мистер Камински. В конце концов, вы мой партнер.

Камински стало неприятно от этих слов. Ему захотелось встать из-за стола,

сказать: «Забудьте все, что я говорил» – и уйти. Но он вдруг осознал, что уже слишком много рассказал этому аферисту. Обратной дороги не было, он все разболтал Фостеру. К тому же тот предлагал большие деньги... И Гелла, которая не успокоится, пока мумия будет лежать под строительным баракком.

– Это была глупая история, – начал Фостер. – Статую Рамсеса должны были вывозить ночью на грузовом корабле. Они работали без света, и тогда это все и случилось. Мессланга, стоявшего на корабле, придавило статуей. Насмерть. Мне удалось все обставить как несчастный случай на работе. Мы оставили его лежать на стройплощадке. А что мы еще могли сделать?

Камински не проронил ни слова. Он залпом выпил содержимое чашки, стоявшей на столе. Белая жидкость, острая и сладковатая, была отвратительна на вкус, но он этого даже не почувствовал. От хладнокровия, с которым египтянин вел дела, мурашки бегали по спине. Было ясно, что Фостер использует его как средство для достижения цели. С этим человеком всегда нужно быть начеку!

Желание все забыть и отказаться от сделки было столь же велико, как и желание получить большие деньги. Камински боролся с собой, принимая решение. В конце концов он извинился и сказал, что ему нужно еще раз все хорошо обдумать.

32

Ночью в отеле «Эль-Саламек» было намного больше шума. Сонливость, которая царила здесь в течение дня, уступила место оживленной деловитости. В каменном холле, который скорее заслуживал названия зала ожидания, на корточках сидели потные мужчины, перебирая в пальцах желтые четки. Иногда по пыльному фойе пробегали девушки в парандже и, поднявшись по каменной лестнице, исчезали наверху. При этом мужчины восторженно подкатывали глаза, словно стоя у черного метеорита Каабы в Мекке.

Ночной портье за деревянной стойкой, украшенной медной окантовкой и красными и синими стеклянными камешками, низко поклонился европейскому гостю и приветствовал его тремя из десяти слов, которые знал по-английски:

– Good evening, mister!

Камински поднялся по широким ступеням и открыл дверь в свою комнату, которая, как в большинстве дешевых отелей, не запиралась.

Хотя в комнате было темно, он сразу почувствовал, что здесь кто-то есть. Камински нажал на выключатель, вспыхнул свет.

– Гелла, ты? – вырвалось у него.

На железной кровати, полностью одетая, положив руки под голову и щурясь на лампочку, болтавшуюся на проводе, лежала Гелла Хорнштайн.

– Ты ждал кого-то другого? – вызывающе спросила она. – Если тебе неприятно, я могу уйти.

– Нет, нет, – смущенно ответил Камински. – Я просто не ожидал тебя здесь увидеть. Я хочу сказать: как ты вообще меня нашла?

– Я предположила, что ты сбежал в Асуан, а Курош это подтвердил. Вот я и прилетела. У меня все равно были здесь дела. Я думала найти тебя в отеле «Катаракт», а не в этом притоне.

– Что значит «притоне»? – с вызовом спросил Камински.

– Притон значит притон, – раздраженно сказала Гелла. – Или ты думаешь, что девицы в парандже, шныряющие по коридорам, – это жильцы гостиницы?

– Я хотел отдохнуть и по возможности не встречаться с людьми, с которыми пришлось бы вступать в беседу.

– И что? Тебе это удалось? – заметила Гелла почти презрительно.

Не оставалось сомнений, что после того странного случая в ее квартире их отношения испортились. И Гелла, казалось, это чувствовала. Она больше не смотрела на него, а не мигая уставилась перед собой. Камински хотелось узнать, что она здесь делает.

Какая причина заставила Геллу поехать вслед за ним, если не желание помириться? «Она просто не может подобрать нужные слова, чтобы объяснить свое намерение», – решил Камински.

– У меня нервы пошаливают, – извиняясь, объяснил Артур. – Может, мне просто нужен отпуск. А все началось с мумии. Я уже не раз казнил себя за то, что решил сорвать пол в своем бараке. Лучше бы я этого не делал! – Он подошел к Гелле вплотную и сказал: – Кстати, я знаю, кто на самом деле нашел гробницу...

Гелла приподнялась на локте.

– Ну и...

– Это, собственно, лежало на поверхности, мне просто не хватало доказательств.

– И кто же это был?

– Мессланг.

Когда Камински назвал это имя, Геллу словно током ударило. Она снова упала на кровать и замерла в той же позе, в какой была, когда Камински вошел в комнату.

– Мессланг приказал построить барак прямо над входом в гробницу. Насчет этой мумии у него были большие планы. Но прежде чем их удалось осуществить, с ним случилось несчастье.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я встретил здесь одного человека, который имел дело с Месслангом...

– Фостер?

– Ты его знаешь?

Гелла махнула рукой.

Камински смотрел на Геллу, ожидая ответа.

– Я слышала о нем. Сказать «знаю» было бы слишком, – ответила Гелла.

Она лгала. Конечно, она лгала. Насчет этого у Камински не было сомнений. Он ненавидел ее за это. Но, несмотря на это, понимал, что любит. Не было другой женщины, которую бы он так страстно любил и которой так самозабвенно отдавался.

«Может быть, – думал он, – именно это сводит меня с ума». Настоящему инженеру ближе цифры, чем чувства и нежность. Может быть, страсть способна менять личность и даже довести до того, что человек видит то, чего нет. Камински чувствовал, что страсть овладела им, и у него не было сил ей сопротивляться.

Именно страсть бездумно толкнула его к ней в постель, хотя он должен был бы предположить, что Гелла оттолкнет его или уйдет. Но ни того, ни другого не произошло. Гелла только освободила немного места, поджав ноги и отодвинувшись, так что железная кровать заскрипела, как старый ржавый велосипед.

Так они лежали, не касаясь друг друга, и глядели на голую лампочку под темным потолком. Ни один из них не шевелился, и ни один не знал, о чем думает другой.

Камински чувствовал, что ему нужно что-то сказать и извиниться. Но у него словно язык отнялся, а горло безжалостно сжали невидимые руки... Ему не хватало воздуха.

Два-три раза он глубоко вздохнул, и тут проснулось обоняние. Камински почувствовал затхлый запах прогорклого бараньего жира на своей одежде и как будто издали уловил аромат, исходивший от Геллы, – такой же, как прежде, когда он с ней спал. Эти запахи напомнили ему кое-что, о чем он не хотел вспоминать. Артуру хотелось зажать нос, но этим он выставил бы себя на посмешище.

«Мы должны прекратить наказывать друг друга молчанием», – хотел сказать Камински, но удержался. В то время как он лежал в нерешительности, левая рука Геллы, словно змея, осторожно подползла к ремню на его брюках.

Артур решил, что ему это снится, когда почувствовал ее трепещущие пальцы у себя между ног. Он хотел застонать, но не осмеливался, боясь спугнуть

Геллу, и лишь бездумно наслаждался ее прикосновениями, не вспоминая о том, чем только что мучился. Он боялся быть отвергнутым.

Это была та Гелла, которую он знал, в которой холодность сменялась пылкой страстью, которая сбрасывала сдержанность, будто кокон. И в одно мгновение куколка превращалась в бабочку.

Секунду Камински еще раздумывал, не защититься ли ему от этих бесстыдных ласк. Но он понимал, что она в мгновение ока сломит его сопротивление, что у него нет шансов. Ее рука превращала его в безвольное существо. Он улыбнулся, когда представил, что может противостоять этой женщине и очарованию, исходившему от нее. Для этого он был слишком слаб, он *хотел* быть слабым. А Гелла *должна* была иметь над ним власть. Разве это не волнующее чувство?

– Я тебя люблю! – сказал Камински, по-прежнему пристально глядя в потолок.

Он должен был это сказать, хотя еще минуту назад ненавидел ее. Но от любви до ненависти один шаг.

– Я тебя люблю, – повторил он.

Гелла без слов отреагировала на его признание. Она легла на левый бок, приподняла ногу и положила ее на бедро Камински. Он застонал, выгнул спину дугой, чтобы сильнее ощутить прикосновение внутренней стороны ее бедра, и снова опустился на скрипучую кровать.

Это повторялось множество раз с нарастающей интенсивностью. Камински оказался в ситуации, в которой мужчины редко оказываются в жизни, но о которой тем не менее мечтают: возбуждение его достигло таких масштабов, что если бы рядом выстрелило ружье, он бы этого не заметил; если бы за ними наблюдала толпа откуда ни возьмись появившегося народу, он бы этого тоже не увидел.

И прежде чем он успел хоть что-нибудь сказать, Гелла ловким движением взобралась на него и уселась, словно амазонка. Ее юбка задралась, обтянув бедра и живот, и Артур увидел, что под ней ничего не было. Лево́й рукой она вцепилась в его рубашку, а правой расстегнула брюки, схватила его упругий член и одним сильным движением ввела в себя. Это случилось так быстро, что Камински едва ли понял, что произошло.

– Ты... хотел... меня... бросить, – прошипела Гелла, сопровождая каждое слово энергичным движением. – А теперь ты надумал меня продать! – добавила она.

Камински не понял, о чем речь. И когда взглянул ей в лицо, то не заметил и следа страсти. Скорее, от нее исходила дикая ненависть, какой Артур не встречал ни у одной другой женщины. По крайней мере, не в такой ситуации. И именно это его завораживало.

Ее глаза горели решимостью, насколько он мог рассмотреть в скудном свете лампочки. А когда Артур попытался расстегнуть пуговицы ее блузки, она схватила его руку и отвела в сторону – не потому, что она этого не хотела, а потому, что хотела сделать это сама.

Обнаженная, она возвышалась над ним, будто богиня. В ее сильных резких движениях было что-то животное. И Артуру нравилось это...

– Ты что, онемел? – Гелла остановилась.

Камински помотал головой. Он хотел, чтобы она продолжала, и быстро от-

ветил:

– Я боюсь потерять рассудок...

На лице Геллы промелькнула улыбка, в которой читалось скорее сочувствие, чем симпатия. Она с любопытством спросила:

– Из-за меня?

Странно, хотя он и испытывал наслаждение, но в то же время чувствовал себя униженным. У него было чувство, и уже не в первый раз, что она с ним играет, иногда даже смеется над ним, использует его. Он понял, что в своей страсти к этой женщине теряет себя.

Должен ли он признаться, что пережил? Должен ли рассказать, какие страшные видения его преследуют, как она в моменты высочайшего наслаждения превращается в призрак? Конечно же, она ему не поверит. Она только посмеется над ним. И, если честно, он не мог за это на нее обижаться.

– Ты такая разная... – сказал Камински, потому что Гелла по-прежнему неподвижно сидела, словно ожидая ответа.

Это только еще больше разозлило ее, и акт любви грозил вылиться в ссору – в общем-то, действие, от которого Камински не отказался бы, потому что секс – это все-таки борьба, но Гелла отомстила коварным образом. Она поднялась и уселась ему на грудь.

– Что значит «такая разная»? – спросила она, грозно глядя на него сверху вниз.

Камински не знал, как поступить. Он чувствовал, что из него делают пошмище, и попытался сменить позу, но Гелла удержала его.

Он понял, что сможет справиться с ней только словами. Если вообще сможет.

– Эта проклятая мумия, – простонал он. – В том, что наши отношения испортились, виновата эта проклятая мумия.

Гелла наморщила лоб, словно эти слова были ей неприятны, но ничего не ответила. Она смотрела на Артура, ожидая объяснений.

Камински отвернулся от нее:

– Поэтому я хочу продать мумию Бент-Анат!

Гелла вздрогнула. Артур почувствовал, как по ее телу волной пробежала дрожь, и она постепенно ослабила хватку.

«Я на правильном пути, – думал Камински, – теперь только не ошибиться...»

– Фостер предлагает полмиллиона долларов за эту мумию.

Гелла, опершись руками о грудь, наклонилась к его лицу.

– И ты все рассказал ему, этому Фостеру? – спросила она прерывающимся голосом.

– Да, – ответил Артур. – Все, что он хотел знать.

Гелла изменилась в одно мгновение. Ее высокомерие, которое только что его так унижало, вдруг сменилось нерешительностью, чего он никак не ожидал.

– Ты не сможешь до конца жизни вести разговоры с глазу на глаз с Бент-Анат, – сказал Камински. – А денег хватит, чтобы начать где-нибудь новую жизнь. Только не здесь.

– Разве ты не понимаешь, что для меня значит Бент-Анат? – умоляюще произнесла Гелла.

– Что здесь понимать? Это мумия женщины, умершей три тысячи лет назад. Я действительно не знаю, что тебя в ней так привлекает.

– Ты ненавидишь Бент-Анат! – разъяренно крикнула Гелла и ударила его кулаком в грудь.

– Чепуха! – возразил Камински. – Как я могу ненавидеть женщину, которую не знаю и которая умерла три тысячи лет назад? Впрочем, абсолютно все равно, что я думаю об этой ужасной мумии! Я не хочу ее больше видеть. Я хочу, чтобы она исчезла из твоей и моей жизни. И чем быстрее, тем лучше.

– Ты ненавидишь Бент-Анат и ненавидишь меня! – повторила Гелла и потерлась об него широко разведенными ногами.

Камински позволял это с удовольствием. Ее движения снова возбудили его. Он закрыл глаза, наслаждаясь прикосновениями ее тела.

Он не видел, как Гелла, ящерицей извиваясь у него на животе, сунула правую руку под кровать, где стояла ее дорожная сумка, и вытащила оттуда нечто блестящее, с чем явно привыкла обращаться. Камински не видел, как она яростно размахнулась, прицелившись ему в бедро. Камински почувствовал только едва ощутимый укол иглой, но через мгновение боль сменилась удовольствием.

Артур заметил, что Гелла вдруг прекратила свои похотливые движения. Он хотел крикнуть: «Дальше, дальше, дальше!», но когда открыл глаза – что стоило ему невероятных усилий, – то увидел над собой Геллу со шприцом в правой руке. Она держала его как трофей. В ее осанке, в судорожной нарочитой улыбке читалось ликование.

Но прежде чем он понял причину этой улыбки, прежде чем ему стало ясно, что сделала Гелла, на него опустилось свинцовое облако. Он попытался схватить ее, но руки его не слушались. Лицо женщины, стоящей над ним, пошло рябью, начало расплываться и таять, как весенний снег. Он хотел набрать в легкие воздуха, глубоко вдохнуть, но не смог. Несколько секунд ему казалось, что он задыхается. Но прежде чем он смог додумать эту мысль до конца, еще до того как осознал, что с ним случилось, сознание покинуло его.

33

На следующий день примерно около полудня портье, убравший номера, обнаружил на кровати тяжело дышавшего Артура Камински. Тот был раздет, а в комнате все еще горел свет. Слуга решил, что европейский гость хватил лишку и ему нужно проспаться, поэтому удалился, заперев дверь.

Камински проспал целый день и всю следующую ночь. Рано утром у его кровати стояли двое полицейских в белой форме. Они потребовали, чтобы он срочно оделся и последовал за ними.

Камински просто выворачивало наизнанку. Ему потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Он не мог сказать, сколько времени был без сознания. С трудом он вспомнил о разговоре с Фостером, о цене, которую тот предлагал за мумию. Приключение с Геллой он помнил только частично. Он не мог с уверенностью сказать, переспал ли с ней или все закончилось ссорой.

На его вопрос о причинах ареста блюстители порядка лишь пожалы плечами. Камински показалось разумным пойти с ними и прояснить дело.

Он все меньше помнил, о чем они говорили с Фостером. Насколько ему казалось, египтянин предлагал бешеные деньги, даже не осмотрев объект сделки. Он доверил ему такие вещи, какие даже египтянин, у которого что на уме, то и на языке, никогда не расскажет другому. При этом они едва знали друг друга.

Может, торговец обвел его вокруг пальца? Вел ли он двойную игру, чтобы напасть на след мумии?

Камински уже оделся и как раз собирался завязать шнурки на ботинках, когда заметил пустую ампулу под кроватью. Он взял ее и прочитал надпись: KUP EMD 0,25 TDM 0,1.

Что бы это значило?

Полицейские торопили, и Камински засунул пустую ампулу в карман куртки. «Гелла! – билась в его голове мысль. – Что она натворила?»

Когда он проходил мимо зеркала на входной двери и увидел свое отражение, то испугался сам себя. Его лицо было красным, как мякоть арбуза, остекленевшие глаза косили. Ему было тяжело держаться на ногах.

Когда он выходил из «Эль-Саламека», это не осталось незамеченным. Перед отелем стоял советский «уазик», в котором сидел третий страж порядка. Камински сел на заднее сиденье и положил голову на скрещенные на коленях руки. Его повезут как преступника!

Его ужасно затошнило, когда машина поехала, руки и ноги словно налились свинцом. При этом он ничего не пил.

Пока автомобиль, сигналив, мчался по пыльным улицам, Камински пришла в голову мысль, что Гелла могла вколоть ему какое-то анестезирующее средство. Он полез в карман куртки и достал ампулу. Какую же цель преследовала Гелла?

Перед входом в новый госпиталь машина остановилась. Их уже ожидал хорошо одетый египтянин. Он представился. Его звали Хассан Наги, он расследовал дело.

– Какое дело? – спросил Камински, но египтянин не ответил.

Он понимающе улыбнулся и жестом велел Камински следовать за собой. Оба полицейских держались сзади.

Их шаги эхом разносились по длинному коридору. Справа была лестница наверх. Такой же коридор вел в противоположную сторону.

Камински не понимал, что с ним случилось. Его все еще тошнило, а неопределенность делала состояние невыносимым. Они остановились перед двустворчатой дверью с молочно-белыми стеклами. Наги постучал. Темнокожий врач в белом резиновом фартуке и шапочке на голове открыл дверь.

Не говоря ни слова, Наги толкнул Камински вперед. Оба полицейских остались ждать за дверью. Врач прошел вперед и пересек комнату, в центре которой на тяжелом мраморном столе стояла гигантская лампа. Нетрудно было догадаться, где оказался Камински. Анатомическая. «Бог мой, что же произошло?»

Вращающаяся дверь вела в прямоугольную вытянутую комнату с бесконечным рядом маленьких дверей с левой стороны. У одной из этих дверей врач остановился, открыл ее и вытащил наружу носилки. Под некогда белой простыней просматривались очертания тела.

Из-за странного запаха в комнате, тревожной атмосферы, которая здесь царила, и неопределенности Камински прошиб пот. Он с трудом подавлял позывы рвоты и боялся, что его стошнит прямо здесь. Камински вздрогнул, когда врач убрал простыню.

– Что вы на это скажете? – жестко спросил Наги.

Камински отвернулся: Фостер.

– Что вы на это скажете? – повторил Наги.

– Это Чарльз Д. Фостер, – едва слышно ответил Камински. – Я с ним познакомился вчера.

Наги подошел к Камински ближе.

– Вчера Фостер был уже мертв, – констатировал он и грозно посмотрел на Артура. – Он умер от передозировки морфия.

Наги поднял руку покойного и указал на многочисленные синяки от инъекций.

«Ампула», – вспомнил Камински. Он полез в карман и вытащил пустую стекляшку.

– Что это? – спросил Наги.

Камински молча протянул ампулу комиссару.

– Интересно, – произнес Наги и взял ампулу в руки. – Значит, вы признаетесь, что убили Фостера этой инъекцией?

– Вы с ума сошли! – нервно закричал Камински. Он наконец понял, о чем идет речь. – Я, похоже, сам стал жертвой покушения на убийство. Ампула лежала у меня под кроватью в отеле. И я могу сказать, откуда эта ампула!

– Ах вот как... – с иронией заметил Наги. – Неужели это ампула таинственного незнакомца?

– Послушайте... – Камински разозлился. Он понял, что оказался в сложной ситуации. – Послушайте, когда я вчера вернулся в отель после обеда с Фостером, то обнаружил в своей комнате доктора из госпиталя Абу-Симбел...

Наги недоверчиво смотрел на него.

– Я должен все объяснить, – продолжал Камински. – У меня роман... – Он поправился: – У меня был роман с доктором Геллой Хорнштайн, но чем дольше он продолжался, тем больше у нас было проблем. У меня есть подозрения, что

она хотела меня убить.

– Убить вас?

Камински пожал плечами. Он заметил, что Наги не верит ни единому его слову. Но как иначе ему было защищаться?

Наги подал доктору знак. Тот накрыл труп Фостера и задвинул носилки обратно.

Потом Наги серьезно сказал:

– Мистер Камински, я арестовываю вас. Вы убили Чарльза Д. Фостера.

Камински был не в состоянии что-либо возразить и только хватал ртом воздух. В голове билась одна мысль: «Прочь из этой комнаты!»

У входа в госпиталь ждали полицейские. Они взяли его под руки и повели к машине. Камински больше не воспринимал реальность. Очевидно, Гелла подставила его. Но действительно ли она так его ненавидела, что была готова даже совершить убийство? Почему она хотела свалить вину на него? В этом не было никакого смысла!

По пути в отделение полиции Камински неотрывно смотрел перед собой, покачивая головой и горько улыбаясь. Встреча с Геллой с самого начала не вписывалась в реальность. Если бы он не любил эту женщину, обожевляя ее, ему было бы стыдно перед самим собой, потому что он пресмыкался перед ней, как собака под плетью хозяина. Каким же жалким созданием он был!

Напрасно он искал хоть какое-то объяснение этой ситуации. Чем дальше он думал об этом, тем больше сомневался – особенно в свете событий последних недель, – что он хозяин своего рассудка. Не сыграли ли с ним злую шутку фантазия и память? И все из-за этой женщины! Конечно, при одном воспоминании о ней в нем просыпалось смутное желание, но от мысли, что он спал с убийцей, по спине бежали мурашки.

Когда машина остановилась в пыльном дворе полицейского участка в Асуане и Камински увидел маленькие квадратные окна с тыльной стороны здания, то понял, что есть только один способ выбраться из этой ситуации: он должен говорить правду, он должен рассказать о мумии. «Только это, – думал Камински, – только это может снять с меня страшные подозрения. Какой был смысл убивать человека, который предлагает целое состояние?»

Допрос в пустой комнате на первом этаже продолжался больше двух часов. Кроме Камински и Наги, в нем принимали участие помощник комиссара, протоколист и переводчик. Он переводил слова Камински с английского на арабский, и это занимало больше времени, чем само высказывание, Камински сомневался, правильно ли переводчик передает смысл его слов. Ему казалось, что переводчик позволяет себе еще и комментарии к его ответам.

Камински вынужден был сознаться, что его история звучит неправдоподобно. Особенно многочисленные моменты, которых он не мог вспомнить. Казалось, в его памяти образовались черные дыры, и это тоже было не в его пользу.

Наги взялся за дело серьезно. В конце концов, речь шла об убийстве влиятельной особы. Он неоднократно упоминал во время допроса, что в Египте за убийство полагается смертная казнь. Этот закон действует также и для иностранцев, которые совершили преступление на египетской территории.

Камински во время допроса рассказал не только о месте, где находится гробница, но еще и приплел Геллу Хорнштайн с ее чрезмерным интересом к

мумии. Казалось, эта информация несколько не удивила Наги.

Примерно через час после того как Камински дюжину раз извинился за провалы в памяти, Наги велел привести человека, которого Камински уже где-то видел. Он только не помнил, где и когда.

– Это тот человек? – спросил Наги незнакомца и кивком головы указал на Камински.

Мужчина уверенно кивнул.

– Да, с этим человеком мистер Фостер обедал в «Алье».

Он также сказал, что хорошо их запомнил, поскольку сам обслуживал, после чего они, этот человек и Фостер, вместе покинули заведение.

– Следовательно, – произнес Наги, обращаясь к Камински, – вы последний, кто видел Фостера живым. Что вы на это скажете?

Камински смотрел в пол. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным. Его одолевала усталость, было трудно ровно сидеть на стуле. Камински решил не защищаться. Те моменты, которые всплывали у него в памяти, были больше похожи на фарс – невероятный, абсурдный. Поэтому он ничего не ответил на вопрос Наги, только покачал головой.

Дальнейший ход допроса поверг Камински в ступор. Наги все чаще задавал провокационные вопросы и употреблял слово «убийство». Он так долго говорил с Камински, что тот сознался в вещах, о которых ничего слыхом не слыхивал. Он хотел только, чтобы этот безжалостный допрос поскорее прекратился.

«Я этого не делал, – сказал он себе. – И когда-нибудь правда откроется».

34

Камински пришел в себя только около полуночи в камере следственного изолятора. Он испугался, когда, насколько мог позволить скудный лунный свет, пробивавшийся сквозь зарешеченное окно, разглядел над собой чужое лицо.

– Эй, мистер! – произнес юноша, почти подросток, и дружелюбно улыбнулся.

Камински настолько устал, что прежде не заметил человека в камере и не понял, когда его успели привести. Может быть, когда Артур уже провалился в глубокий сон? Незнакомец не казался опасным, и Камински сильным движением оттолкнул его в сторону.

Новичок говорил без умолку, и Камински едва его понимал. Парня звали Али. По характерному движению рукой, которое он часто повторял, Камински понял, что Али посадили за кражу. В конце концов он устал и замолчал.

Камински, которого днем сковывала свинцовая усталость, теперь мог мыслить яснее, хотя сердце его бешено стучало, кровь прилиwała к лицу, а голова грозила развалиться на части. Все это было следствием действия препарата, который все еще оставался в организме. Камински глубоко дышал, но легким было недостаточно зловонного воздуха камеры, и ему казалось, что он сейчас задохнется. Он вскочил, подбежал к окну и потянул за рычаг, открывавший зарешеченное отверстие в потолке, но рычаг заржавел и не поддавался. Артуру показалось, что он вот-вот потеряет сознание.

Открыв глаза, он увидел цинковое ведро с водой, стоявшее в углу рядом с отхожим местом. Камински, шатаясь, подошел и вылил содержимое ведра себе на голову. Шум разбудил Али. Он не понял, что произошло, расшумелся и кричал до тех пор, пока Камински не заткнул ему рот.

Камински после «душа» полегчало. Тягостное чувство исчезло, и он снова попытался заснуть. Но это ему не удалось, как ни старался. Мысли в голове водили хоровод, а в центре этого хоровода стояла Гелла. Чем дольше Камински думал о событиях последних дней, тем отчетливее понимал, что Гелла отдавалась ему не из симпатии или любви, а сделала это по расчету. Бесспорно, быть рядом с мумией для нее важнее близости с ним.

Но больше всего его волновало собственное поведение. Он начинал бояться самого себя, своей слабости и непредсказуемости. Разве он не приехал в Абу-Симбел с твердым намерением здесь, в пустыне, не иметь дела с женщинами? Какую же власть имела над ним эта женщина, что он забыл все клятвы и вел себя, как животное во время течки?

При ближайшем рассмотрении Гелла Хорнштайн и их отношения были сплошным безумием, страстным сумасшествием, игрой, правила в которой устанавливала она, а не он. Ни разу не было у них такой интимной близости, при которой человек показывает настоящие чувства, не было обоюдных ласк, длившихся полдня, полночи. Нет, они любили друг друга в самых неожиданных и немислимых местах: на письменном столе в строительном бараке, на полу в ее квартире, в тени каменного блока или где-нибудь на песке. Но чаще всего они предавались страсти после ссоры, а их в последнее время было так много, словно песчаных бурь в августе. А теперь еще и это!

Почему она, если у нее действительно было такое намерение, выбрала

столь необычный способ, чтобы избавиться от него? Или Гелла Хорнштайн вообще не хотела его убивать? Может быть, она просто хотела выиграть время для более вероломного поступка? Вопросы и еще раз вопросы. Камински напрасно искал ответ.

Чтобы скорее заснуть, он вытянул ноги и скрестил руки на груди. И сам испугался: сейчас он был похож на мумию. Будто ужаленный, Артур вернулся в прежнее положение.

«Я с ума сошел, – сказал он себе тихо, – я больше не владею своим сознанием». Он приподнялся на постели. В темноте похрапывал вор Али. А если он, Камински, – убийца?

Он где-то читал, что якобы люди могут в трансе или в бреду против своей воли делать вещи, о которых потом и не вспомнят. Был ли он способен на убийство? Он не считал себя настолько способным поддаться чужой воле. Нет, он просто не мог себе представить, чтобы при любых обстоятельствах был способен убить Фостера.

Для полиции обвинить его было проще всего, потому что он последний видел Фостера. Он не мог сказать, каким образом, но был твердо уверен, что так же быстро выпутается из этой истории, как и попал в нее.

Больше всего его занимала Гелла и ее предательский поступок, какому он не находил объяснения. Его чувства в отношении ее менялись каждое мгновение. Поначалу его переполняла ненависть, доводившая до сумасшествия.

Конечно, он должен был бы серьезно обдумать свое положение. Несомненно, он должен был быть крайне обеспокоен неожиданной смертью Фостера. Но Камински думал – по крайней мере, делал вид, что думает, – только о реальности. При этом все, что с ним случилось за последние дни и недели, никак в нее не вписывалось. Грязная темная вонючая камера с храпящим вором – вот реальность.

По закону на следующий день Камински должен был предстать перед судьей, занимавшимся проверкой законности содержания под стражей. Так ему сказал Хассан Наги. Но утром ничего не произошло.

Камински отказался от безвкусного серого риса под коричневым соусом и потребовал встречи с Наги, сопровождая свою просьбу красноречивыми жестами. Надзиратель, которому Камински дважды излагал свои требования, два раза возвращался ни с чем, объясняя, что комиссара сейчас нет в Асуане.

К тому же его нервировал вор Али, часами рассказывавший свою биографию. Али говорил, не обращая внимания на то, что Камински не понимает ни слова. Артур в это время метался по камере как дикий зверь и пытался остановить Али, обращаясь к нему на немецком, английском, сопровождая все это выразительной жестикуляцией, но так и не смог прекратить этот поток сознания.

В результате сильного нервного перевозбуждения Камински крепко заснул и проспал беспробудно всю ночь. На рассвете надзиратель без церемоний растолкал его и дал понять, что комиссар готов его выслушать.

Камински спросонья ответил, что больше не хочет видеть комиссара, – ему нужен судья, занимающийся проверкой законности содержания под стражей. Но потом сообразил, что надзиратель все равно его не поймет, поднялся и пошел с ним.

Путь пролегал от тюрьмы до полицейского участка, где на первом этаже их

ожидал Наги.

– Чаю? – любезно спросил Наги и, не дожидаясь ответа, налил ароматную жидкость в стаканчик для зубных щеток.

Он долго насыпал в чай коричневый сахар, аккуратно его размешивал, откашливался, заполняя паузу перед неудобным высказыванием, и наконец произнес:

– Вы свободны, мистер Камински. Можете идти. И лучше прямо сейчас.

Камински ожидал всякого, но столь обходительное требование покинуть тюрьму застало его врасплох. Он выпустил из рук стакан, который поднес было ко рту, и тот, упав на пол, разлетелся вдребезги. Его правая рука повисла в воздухе, словно все еще сжимая стакан.

– Свободен? Почему? – ошарашенно спросил Камински.

Наги поднялся из-за стола, встал за своим стулом, опершись о спинку, и принялся объяснять:

– Мистер Камински, я с самого начала не был уверен, что передо мной убийца Фостера. Конечно, есть свидетельские показания, да и ампула в вашем кармане сослужила вам недобрую службу. Но когда мы проверили обе ампулы, то установили, что в той ампуле был морфий, а в вашей – нервно-паралитический яд слабой концентрации. И прежде всего, происхождение ампул разное. Ампула Фостера – немецкая. Ампула, которую нашли вы, – русская. К тому же история, которую вы мне рассказали, звучала довольно неправдоподобно, а опыт показывает, что в выдуманных алиби намного больше логики, чем в настоящих. История с мумией, которую вы обнаружили и предложили купить Фостеру, показалась мне невероятной, поэтому я решил все проверить. Я полетел в Абу-Симбел, встретился с археологом Хассаном Мухтаром, и уже вечером мы начали поиски входа в гробницу. При этом произошла неожиданная встреча. В строительном бараке, который вы описали, мы увидели...

– Я знаю, – перебил Камински, до сих пор сидевший молча, – в строительном бараке вы встретили доктора Геллу Хорнштайн.

– Вовсе нет! – возразил Наги. – Мы встретили старого знакомого – Камалю Седри. Седри – глава банды спекулянтов, которая перепродает антиквариат за границу. Я его неоднократно арестовывал, но ничего не мог доказать. Сопровождал Седри человек, которого вы, мистер Камински, знаете. Это официант из ресторана «Эль Саламек», в котором вы обедали с Фостером...

Камински опустил на стул, который ему предложил Наги. Этого он никак не ожидал. Он зажал ладони между коленями и беспомощно спросил:

– А Гелла Хорнштайн? Что с доктором Хорнштайн?

– Не имею понятия, – коротко ответил Наги и, прищурившись, добавил: – Об этой даме вы уж как-нибудь сами позаботьтесь.

Жак Балое и Рая Курянова были в пути уже двадцать дней. Вопреки обещанию Курош доставил их не в Хартум, потому что, как он заверял, это было слишком рискованно. Курош приземлился на песчаной полосе в пустыне, неподалеку от Вади-Хальфы, и посоветовал обратиться к человеку по имени Хамман. Он был начальником местного полицейского участка и за вознаграждение мог бы им помочь.

Вади-Хальфа раскинулась у Нила. Днем она превращалась в город призраков: солнце здесь палило немилосердно. И днем каждый человек на улице бросался в глаза, тем более двое европейцев. Этот город не мог похвастаться ничем, кроме вокзала. Собственно, и «вокзал» было условное название, всего лишь конечная станция ветки из Хартума, откуда два раза в день отправлялся поезд.

Водитель такси, которого они спросили о мистере Хаммане, заявил, что не знает человека с таким именем, тем более в полиции. Начальник полицейского участка в Вади-Хальфе – его дальний родственник по фамилии Мехаллет. Тогда Рая и Жак решили отправиться на вокзал и сесть в первый поезд, отправляющийся на юг.

Хоть они и забронировали места первого класса (на суданской железной дороге есть только четыре класса билетов), поездка оказалась крайне утомительной. Колесные пары и колея, казалось, не совпадали по размерам, и если поезд ехал со скоростью больше пятидесяти километров в час, то создавалось впечатление, что вагон вот-вот сойдет с рельсов. К тому же поезд останавливался у каждого столба, а бывало, что и посреди чистого поля, если у дороги показывалась группа людей с мелким домашним скотом. Насколько можно было увидеть через полуопущенные жалюзи на окнах, в четвертый класс пассажиры садились вместе с козами, овцами и телятами.

Через двенадцать часов они наконец достигли города Абу-Хамед. Здесь Нил, словно передумав, резко менял направление, широкой дугой в сотню километров снова тек на юг, пока вновь не оказывался в Ливийской пустыне.

Проводник, получивший зеленую банкноту, забыл все свои остальные обязанности и обслуживал только пассажиров-европейцев. Он посоветовал им поужинать в придорожном ресторанчике во время часовой остановки. Поезд, как он заверил, не отправится, пока они не займут свои места.

Когда Жак и Рая вернулись, в их купе уже расположился темнокожий, одетый во все белое суданец. Он немного говорил по-французски, что было редкостью в англо-египетском кондоминиуме. Мужчина оказался необычайно вежлив, представился каким-то непроизносимым именем и добавил, понимая трудность его для европейцев, что его можно называть просто Абд-эль-Халик.

Абд-эль-Халик говорил бегло, переходя на различные языки, и не проехали они и трех остановок, как Рая и Жак знали всю биографию суданца. Они узнали, что Абд-эль-Халик был капитаном грузового судна и следовал в Порт-Судан, чтобы перевезти в Суэц тысячу тонн фосфата.

Около четырех часов утра они проехали город Бербер. К тому времени они настолько подружились, что Балое решил рассказать суданцу, что они совершили побег и у них с Раей нет паспортов, и спросить, не сможет ли он доставить их в Суэц на своем судне.

Абд-эль-Халик выслушал его с интересом, потом задумался и в конце концов сказал, что не советовал бы нелегальным пассажирам выходить в Суэце, потому что там самые суровые чиновники в мире. Но на полпути в Суэц он будет делать остановку в египетской Сафаге, там проще сойти на берег незамеченными. Если он чем-нибудь сможет им помочь...

Балое предложил капитану двести долларов за неудобства, но Абд-эль-Халик отказался. В конце концов, они были, по его словам, друзьями, а у друзей денег не берут. Но, поддавшись настойчивым просьбам Балое, он все же принял вознаграждение и заверил, что они будут довольны.

Все трое сошли в Атбаре, через два часа после Бербера, и пересели в поезд, следовавший в Порт-Судан. Когда они приехали туда, была ночь. Перед вокзалом в здании с плоской крышей и высокими окнами шумели торговцы. Носильщики предлагали свои услуги, а таксисты уговаривали приезжающих прокатиться на допотопных английских автомобилях.

Абд-эль-Халик предложил гостям расположиться в каюте на корме: комфорта немного, зато никаких проверок. Жаку и Рае это место показалось подходящим. Капитан пообещал что, как только судно выйдет в море, они получат каюту получше.

В эту ночь о сне думать не приходилось. Единственный иллюминатор не открывался. Гул моторов, сухая, пахнущая кислотой пыль и температура за сорок превращали часы в пытку. Жак и Рая лежали раздетые на двухъярусной койке и говорили только о том, можно ли доверять Абд-эль-Халику.

Конечно, полагаться на незнакомого человека было рискованно. Что они о нем знали? Только его биографию, жизнь расторопного суданца, который без недоверия встретил двух незнакомых людей. Но все арабы большие мастаки рассказывать сказки. И ни от чего так не страдают, как от отсутствия собеседника.

Утром, около шести, в каюту постучали. Балое слез с койки и отодвинул задвижку, на которую запиралась дверь без ручки. Матрос в сером свитере принес чай в тусклом жестяном чайнике и эмалированную миску с дочерна зажаренными тостами. Он был крайне обходителен и пригласил их позавтракать с капитаном на мостике.

В поисках возможности помыться в конце длинного коридора Балое обнаружил туалет и ванную, расположенные в одном помещении. Два унитаза по бокам, а в центре – цинковая ванна, над которой нависла дюжина кранов. Ржавый пол был залит водой, но, стоя на деревянной решетке, можно было не замочить ног.

Рая сначала не решалась заходить в ванную, но Балое объяснил, что другого места для утреннего туалета на корабле нет. В конце концов Жак встал возле двери ванной, чтобы никто не застал Раю врасплох.

Чай и пережаренные тосты оказались в одинаковой степени несъедобными. «Но, – подумал Балое, – мы все же не в круизе, и если благополучно доберемся до Сафаги, то все невзгоды останутся позади».

На мостике они радостно приветствовали Абд-эль-Халика. Над Красным морем простиралось безоблачное голубое небо. Рая тщетно высматривала кромку земли на горизонте.

– Завтра, когда мы обогнем мыс Рас Банас, – произнес, улыбаясь, Абд-эль-Халик, – земля вообще скроется из виду. Вам хорошо спалось?

Рая предпочла сказать правду: они целую ночь не сомкнули глаз, но, возможно, это всего лишь от волнения. Балое ей поддакнул.

Абд-эль-Халик многословно ответил, одним глазом наблюдая за штурманом, что следующую ночь они будут спать как У Аллаха за пазухой, потому что отныне в их распоряжении каюта для гостей прямо за мостиком. Он извинился за плохие условия для ночлега и объяснил, что просто хотел избежать риска. Теперь ничего не должно было произойти.

Каюта для гостей была в запущенном состоянии, но, безусловно, комфортабельнее, с двумя широкими, довольно неопрятного вида кроватями по обеим сторонам. Днем они поднимались кверху, чтобы было больше места. Кроме того, в каюте стоял квадратный стол, два кресла и стенной шкаф с узкими дверцами. В угловом шкафу открывалась, если потянуть за круглую медную ручку, полукруглая раковина с медным краном, похожим на пивной.

В этой каюте Рая и Жак коротали дни и ночи по пути в Сафагу. На палубе они появлялись редко, разве что посмотреть, как нос корабля мерно разрезает волны. Судно называлось «Бабануса» в честь одноименного города южнее Хартума.

На четвертый день показался берег – высокие карстовые горы и вытянутый остров. Абд-эль-Халик сердечно распрощался со своими пассажирами. Не было никакого паспортного контроля, только батрак, тянувший арбу за длинные оглобли, согласился за один египетский фунт проводить их до автобусной остановки. Оттуда три раза в неделю ходил автобус в Кену. Следующий должен был идти послезавтра.

Ступив на египетскую землю, Балое вновь поддался паническому страху. Он знал, как далеко в этой стране простираются щупальца КГБ. Он спросил батрака, как побыстрее добраться до Кены. Кена находилась около Нила, в ста семидесяти пяти километрах от железной дороги из Луксора в Каир, поэтому какой-то транспорт можно было искать только на этой плохо асфальтированной пустынной дороге.

– Нужно найти водителя грузовика, – наивно, как ребенок, ответил батрак, – водителя, который ехал бы в Кену. – Он протянул ладонь и радостно улыбнулся Балое.

Его сообразительность оживила однофунтовая банкнота, и он сразу вспомнил имя водителя, который как раз сегодня должен отправиться в Кену. Наверняка в его кабине найдется место еще для двоих.

Водитель, молодой человек двадцати лет, воодушевился, узнав, что ему предстоит проделать четырехчасовой путь в Кену в компании двух попутчиков. По крайней мере, у него было замечательное настроение, что заметно сказалось на стиле вождения. Он ехал так, что Балое от страха прошибал пот. Водителя звали Нагиб. Он гнал машину по крутой горной дороге, виртуозно вписываясь в узкие повороты в полной уверенности, что навстречу не выедет другой автомобиль. И чудом оказывался прав!

Они приехали в Кену под вечер, как раз к отправлению ночного поезда в Каир. Балое и Рая решили ехать третьим классом, хотя это было просто пыткой, но вероятность встретить человека из КГБ в третьем классе была меньше. Уже в Судане оба переоделись в арабскую одежду, которую носят все путешествующие автостопом. Вид у них был неухоженный, в любом случае их внешность сильно изменилась. Они уже могли не бояться, что их узнают.

Они сидели на твердых лавках среди бродячих торговцев, перевозивших на базар клетки с домашней птицей, продавцов орешков с лотками, женщин, тащивших свои пожитки в больших матерчатых тюках, и нарядных феллахов, большинство из которых ехали в далекую столицу впервые.

В толкотне и суете беглецы едва ли были заметны. Жак сжимал руку Раи и говорил, что если они достигнут Каира, то все будет хорошо. В миллионном городе затеряться намного проще. Доносили меньше, поэтому никто не мог точно сказать, сколько человек проживает в Каире. В Каире они наверняка смогут найти кого-нибудь, кто сделает им паспорт.

Даже Рая поверила, что после многодневной одиссеи им удастся замести следы. Апатия, от которой она не могла избавиться с тех пор, как сбежала из Асуана, прошла. У нее словно открылось второе дыхание, и под монотонный стук колес поезда она думала о новой жизни с Балое где-нибудь во Франки, именно во Франции, не опасаясь преследований.

Проводник проверил билеты после станции Наг Хаммади, где железная дорога пересекает Нил. Он сначала чуть ли не выпроводил европейцев из купе третьего класса. Он удивился, увидев их билеты, и сказал, что они, наверное, по ошибке выбрали третий класс и за бакшиш спокойно могут разместиться в первом, по крайней мере до Асьюта, где он сменяется. Но он может замолвить за них словечко своему коллеге. Балое поблагодарил и заверил, что они достаточно удобно чувствуют себя и в этом купе. Проводник рассердился. Покачав головой, он отошел метров на десять и еще раз посмотрел на странную парочку пассажиров, потом перешел в другой вагон.

У Бени-Суэйф, где необозримая нильская долина простиралась на запад, неся в пустыню плодородие, а железнодорожное полотно свечой устремлялось на север, зародился новый день, серо-желтый и туманный.

Холмы на востоке отбрасывали темные тени, а у шоссе, слева от железной дороги, просыпалась жизнь. Разбитые грузовики, нагруженные овощами, дынями и фруктами, громыхали на север, в большой город. Феллахи гнали повозки, запряженные мулами, на рынок или везли домой на ослах вязанки свеже-нарезанного тростника.

Каир начался с грязных предместий и извилистых рукавов Нила. Поезд протискивался к центру города вдоль каналов, проходил вплотную к жилым домам, пока через час скитаний наконец не остановился на конечной станции.

36

В помещении вокзала от дыма было не продохнуть. Уличные торговцы жарили над раскаленными углями початки кукурузы, другие пекли булочки с кунжутным семенем или готовили мясо, громко расхваливая его на все лады. Мальчики, разносчики газет, протискивались сквозь толпу. Подростки предлагали услуги носильщиков, старики мечтали быть экскурсоводами: «Всего *one round*, мистер».

Балое и Рая избежали столпотворения, пройдя через боковой проход, где выстроились, ожидая клиентов, старомодные таксомоторы с белыми грязезащитными крыльями.

Через таксистов проходят все новости, они знают все и в курсе всех дел в городе. Это особенно характерно для египетских таксистов – они расскажут все, если пассажир, конечно, будет щедрым.

В то время как Рая осматривала величественную статую Рамсеса на площади Мидан-Бад-эль-Хадид и любовалась фонтанами, к Балое подошел водитель такси, присмотревший себе клиентов. На жуткой смеси языков он спросил, не может ли быть чем-нибудь им полезен, не ищут ли путешественники дешевый отель (наверное, его смутил внешний вид обоих), не хотят ли проехаться в Гизу осмотреть пирамиды – всего за пять фунтов, но, конечно, можно еще поторговаться.

Балое знал о традиции доносов в этом городе и все же отважился обратиться к дружелюбному таксисту с вопросом, не знает ли он отель, где не надо предъявлять паспорт.

Признание иностранца, что у него нет паспорта, потрясло таксиста, прямо как захудалого погонщика верблюдов или ослов. Без паспорта получить номер в отеле было невозможно: при въезде в гостиницу полицейские чиновники изымали паспорта у всех без исключения гостей, а при выезде возвращали обратно.

Водитель был озадачен. Он покачал головой и ткнул себя пальцем в грудь, словно хотел сказать: «Мистер, я простой таксист и не вмешиваюсь в незаконные дела!» Он вел себя так, но в действительности ответ был противоположным, что ничуть не удивило Балое, знакомого с менталитетом и актерским талантом египтян. Он достал из кармана пятидолларовую банкноту и развернул у египтянина перед глазами, словно важный документ, на что водитель сухо заметил:

- Пять долларов для меня и пять для моего такси.
- Идет, – одобрительно кивнул Балое.

Когда они садились в такси, Рая обратила внимание на продавца газет, во весь голос расхваливавшего свежий номер «Аль-Акбар». Из его речи Рая уловила только два слова: Абу-Симбел. На первой странице она обнаружила фотографии каменного храма и мумии.

- Что бы это значило? – шепнула она Балое.

Балое испугался. Он дал монету разносчику газет и протянул номер водителю с просьбой рассказать, о чем статья.

Тот, закатив глаза, покачал головой и рассказал о невероятном происшествии.

- При строительных работах в Абу-Симбел, – если вы, конечно, вообще зна-

ете о существовании такого места, – инженер обнаружил мумию царицы, но утаил свою находку, чтобы потом продать ее известному торговцу антиквариатом из Асуана. Конкурент торговца узнал об этой сделке и захотел получить половину суммы. Торговец отказался делиться, за что завистливый конкурент его убил. Разве вы не слышали? Об этом говорят на каждом углу.

– Нет, – ответил Балое, – мы об этом ничего не знаем.

– Убийство, – продолжал таксист, – было тщательно спланировано. Торговец антиквариатом, известнейший в Асуане бизнесмен, убит конкурентами при помощи смертельной дозы морфия.

– А как же мумия царицы?

– Ее откопали в последний момент, незадолго до того, как поднимающиеся грунтовые воды затопили гробницу.

Жак и Рая переглянулись, и Балое сказал водителю:

– Ну, мы поедем когда-нибудь?

Мотор старого «шевроле» взревел, и таксист погнал машину по площади Мидан-Бад-эль-Хадид на юг.

Египетские таксисты, и особенно таксисты Каира, страдают от неизлечимой болезни типа агорафобии. Они от светофора к светофору втискивают свои машины в совершенно невозможные пространства между автомобилями, царапая дверцы и бамперы участников движения.

Тем временем Хассан, так звали водителя, рассказывал им о себе. Балое запомнил только, что Хассан был седьмым из тринадцати детей в семье. У сада Эсбекийя он повернул к старому городу, пронесся по улице Шариа-эль-Ашар на головокружительной скорости, притормозил, визжа шинами, у одноименной мечети и, громко сигналив и ругая кого-то из окна, свернул на боковую улицу, идущую в южном направлении. Высокая арка ворот стояла на входе в базар. Хотя особого столпотворения здесь не было, Хассан прижал прохожих к обочине, зацепил повозку и наконец остановился у лавки, перед которой грудой лежали свернутые и связанные ковры.

Хассан вышел из машины и сделал им знак подождать. у Балое появилось дурное предчувствие, Рая уцепилась за его руку. Двое подростков и пара пожилых женщин глядели из окон. Жак уже готов распахнуть дверцу машины и убежать вместе с Раей. Но пока он под недружелюбными взглядами зевая размышлял, о чем Хассан мог договариваться с продавцом из ковровой лавки, тот вернулся быстрее, чем ожидалось, и пригласил путешественников войти.

Жак и Рая подхватили свой нехитрый багаж и пошли за таксистом. Пройдя через лавку, они оказались в живописном внутреннем дворике с многоуровневыми аркадами и цветущими клумбами. Три стрельчатых окна образовывали ансамбль. Окна с теневой стороны были закрыты ажурными решетками, а выходящие на солнечную сторону, – ставнями. На самом верхнем этаже виднелись опрятные балконы, подпертые красно-коричневыми балками и украшенные маркизами для защиты от солнца. Этот двор был просто оазисом спокойствия посреди бурлящего старого города. Жак и Рая не могли насмотреться на сказочную архитектуру, и их взоры были постоянно устремлены вверх.

– Пойдемте! – позвал Хассан.

Под стрельчатой аркой была двустворчатая дверь, обитая латунью, с орнаментом из красных и синих витражных стеклышек – комната освещалась только разноцветным светом, проходящим сквозь них. Под высоким потол-

ком висел тяжелый латунный канделябр с желтыми стеклянными плафонами. У противоположной от двери стены, увешанной картинами, стояло древнее потертое кресло с круглой широкой спинкой. В нем сидел полный мужчина с черной эспаньолкой. Он был в длинной белой одежде и поприветствовал вошедших, протянув им навстречу руки, даже не вставая с места, словно они были старыми друзьями. Его круглое лицо блестело, а маленькие глаза горели, как у ребенка.

Источающий дружелюбие хозяин хотел знать, откуда прибыли гости, какой они национальности и есть ли в их карманах хоть немного денег. А как только узнал, что они французы, сразу же начал болтать на хорошем французском. Балое был удивлен.

Его звали Абдель Азиз Зухейми, объяснил странный человек и поклонился, положив правую руку поперек груди.

По профессии он был художником, но поскольку ни один человек не может прокормить себя рисованием, так как Аллах наполнил красками землю в изобилии, ему приходится сдавать свой дом гостям. Это против закона государственного, но не против воли Аллаха всемогущего, который хотя и запрещает ростовщичество, но позволяет человеку искусства этим заниматься для пропитания. Он все это рассказывал гостям, спрятав руки в рукава своего белого одеяния, как будто что-то скрывал, и тихо хихикал, как джинн из сказок «Тысячи и одной ночи».

Хассан сказал что-то художнику по-арабски. Жак и Рая не поняли, но сообщили: таксист сообщил, что у них, несмотря на потрепанный вид, есть деньги. В конце концов он отрекомендовал их Зухейми-бею и сказал, что о цене они уже договорились.

Как и было условлено, Балое заплатил водителю десять долларов, и Хассан, артистично кланяясь, удалился.

Когда Абдель Азиз увидел доллары, которые Жак вытащил из кармана, то вскочил (теперь стало видно, что он невысокого роста), хлопнул в ладоши, и из боковой двери появился старый тощий слуга. По энергичному кивку своего хозяина он вынес гостям два черных стула с плетеными сиденьями и спинками и сделал знак, что они могут присесть. Затем слуга удалился, но вскоре подал чай в маленьких стаканчиках.

Тем временем Зухейми-бей со всем восточным многословием, ссылаясь на убогую жизнь одаренного художника, правило гостеприимства и просто доброе сердце, назвал цену, за которую они могут здесь жить, пока им не надоест, – сто долларов в неделю. Он улыбнулся и поднял плечи, так что его и без того маленькая шея исчезла. Теперь голову от туловища, похоже, отделял только вздувшийся двойной подбородок. Сотня долларов была приемлемой для Балое ценой, но он знал, как нужно обращаться с людьми, подобными Абделю Азизу. Он отставил в сторону стаканчик с чаем, молча взял свою дорожную сумку, схватил Раю за руку и сделал вид, что собирается уходить. Тогда Абдель Азиз быстро поднялся и направился к ним с распростертыми руками, загоразживая выход:

– Если указанная сумма слишком высока для вас, назовите, сколько вы готовы заплатить.

– Половину, – сухо сказал Балое.

Толстяк воздел руки к небу и начал сетовать, что ему, Абделю Азизу Зухей-

ми, талантливейшему художнику со времен Эль Греко, приходится сдавать унаследованное имущество за паршивые доллары. Потом он протянул Балое руку и сказал, улыбаясь:

– Договорились, мосье, пятьдесят долларов в неделю. Только вы платите вперед.

Балое заплатил толстяку пятьдесят долларов, и Зухейми сунул банкноту в карман. Впоследствии Балое жалел, что не запросил меньше. Он был уверен, что Абдель Азиз согласился бы и на четверть предложенной суммы. Потеря лодки, перелет в Вади-Хальфу и круиз из Порт-Судана в Сафагу урезали их финансовые возможности до тысячи долларов, а на изготовление фальшивых документов наверняка уйдет остаток суммы. Чем же заплатить за авиабилеты? Положение их было не из лучших.

Абдель Азиз Зухейми проводил своих гостей через боковую дверь по узкому коридору без окон к лестнице с широкими низкими ступенями. Толстяк так быстро побежал вверх, что Рая и Жак едва за ним поспевали.

На четвертом этаже Зухейми перевел дыхание и объяснил, что хотя он не знает имен своих гостей, его это и не интересует. Он обычно дает приют иностранцам, все очень знатные люди – «на должном уровне», как он выразился.

Коридор слева от лестницы упирался в стрельчатое окно. Абдель Азиз открыл перед беглецами дверь в комнату (ванная, по словам хозяина, находилась в противоположном крыле). Потом он пожелал им благословения Аллаха, поклонился, скрестив руки на груди, и исчез. Рая обняла Жака. Наконец они чувствовали себя в безопасности после недели скитаний. Никто, даже Зухейми, не знал, кто они такие. И они как-нибудь уж разыщут человека, который сможет сделать им документы. Каир – это горнило возможностей.

Закрыв глаза, Рая вспоминала, как одна-одинешенька бежала в Абу-Симбел в надежде скрыться от КГБ. Казалось, сама судьба свела ее на корабле с Балое, которого она поначалу невлюбила. Но без него она не смогла бы преодолеть все эти трудности.

Не открывая глаз, она почувствовала взгляд и улыбнулась.

– О чем ты думаешь? – спросил Жак.

– Вспоминаю, как все началось.

Он не мог не улыбнуться:

– И к какому же событию тебя увели воспоминания?

Рая открыла глаза и твердо посмотрела на него.

Я знаю, без тебя ничего бы не получилось. Без тебя меня уже давно сцапали бы.

– Мы еще не победили, – задумчиво сказал Балое и опустился в старое плюшевое кресло, стоявшее в углу напротив высокой кровати. – И если честно, я не имею ни малейшего понятия, как мы сможем разыскать человека, который подготовит документы для выезда. А с каждым днем денег у нас будет все меньше и меньше.

Рая присела на подлокотник кресла и погладила Жака по голове.

– До сегодняшнего дня ты меня выручал. Почему ты вдруг упал духом?

Очевидно, у Балое сдали нервы. Рая знала, что он не отдался особым мужеством, но ради нее он преодолел столько препятствий и согласился бежать в Судан. Одному ему было бы легче пробиться. У Жака был паспорт, хоть его и опасно использовать. Но теперь заметно было, что Балое на пределе.

– Ты прав, – ответила Рая. – Мы еще не победили, но уже добились первых успехов. Мы оторвались от КГБ.

Балое сжал ее руку. Он устал, у Раи тоже слипались глаза. Тишина в доме действовала усыпляюще.

– У меня сейчас только одно желание, – сказала Рая, – холодный душ.

Ванная в другом конце коридора не отвечала европейским стандартам, но по каирским меркам была довольно презентабельной. К примеру, дверь ее заперлась, а в выложенный кафелем бассейн глубиной в пятьдесят сантиметров из медного душа стекала еле теплая вода.

Рая наслаждалась упругими жемчужными струями, хотя вода и пахла серой или хлором и еще какими-то примесями. После трех недель в пыли и грязи ее все устраивало. Она тщательно вымылась с головы до пят, затем повторила всю процедуру еще раз. Она помылась бы еще, но в дверь громко постучали, поторапливая ее. Было утро, а значит, придется делиться ванной как минимум с доброй дюжиной соседей по этажу.

– Секундочку, – крикнула Рая так, чтобы ее услышали снаружи, и начала вытираться. – Один момент, – повторила Рая по-французски. С тех пор как бежала из Асуана, она говорила только на этом языке. Потом она набросила одежду и открыла дверь.

Она хотела пожелать мужчине в купальном халате с красным полотенцем на плече, ждавшему за дверью, доброго утра. Но слова встали комом у нее в горле.

Мужчине было около шестидесяти лет, он был абсолютно седым, но с кустистыми черными бровями. Это был полковник Смоличев.

Смоличев! На секунду Рая застыла, а затем испустила короткий громкий крик, пронзительно разнесшийся по коридору.

Смоличев, казалось, был меньше удивлен, чем Рая Курянова. Он не сказал ни слова. Когда она закричала, старый полковник КГБ вытащил из кармана халата платок и заткнул Рае рот.

– Послушайте, товарищ, – зашипел он, – я могу все объяснить!

Рая отбивалась как могла, извивалась и билась, как в припадке. Тем временем из комнаты выбежал Балое. Он не понял, с кем Рая столкнулась, он видел только, что она в опасности. Он подскочил к незнакомцу сзади и схватил его за горло.

Балое никогда бы не подумал, что у него столько силы. Мужчина был не слабого телосложения, но сразу обмяк, его руки повисли, а голова запрокинулась назад. Он напоминал сейчас марионетку с обрезанными нитями.

– Смоличев! – закричала Рая, задыхаясь. – Это Смоличев!

Смоличев? Балое потребовалось мгновение, чтобы сообразить, что это бесформенное тело на полу и есть тот человек, которого боится вся Восточная Африка. А поняв, он ухватил его за воротник и затащил в свою комнату.

Полковник тихо постанывал и пытался открыть глаза.

– Что ты собираешься делать? – испуганно прошептала Рая.

Балое запер дверь и осмотрелся. На деревянном туалетном столике стояла большая белая фарфоровая кружка. Он вылил воду в миску и схватил кружку обеими руками.

– Я его убью, – сказал он твердо. – Я его прикончу.

37

Когда обнаружили мумию и оказалось, что в этом замешаны европейцы, лагерь разделился на две части. Хотя все говорили о серьезном скандале, образовалось две группы. Одни, преимущественно европейцы, говорили, что вначале нужно выслушать Артура Камински и Геллу Хорнштайн, а потом уже судить. В конце концов, обвинения в убийстве, предъявленные Артуру и Гелле, оказались ложными. Приверженцы второй группы, преимущественно египтяне во главе с доктором Хассаном Мухтаром, предлагали выгнать Камински и Хорнштайн безо всяких объяснений, потому что они обманули страну и народ, использовав величайшую находку в корыстных целях. И так думало большинство.

Мухтар, возглавивший раскопки и использовавший, кстати, технику Чарльза Д. Фостера, снял осыпавшийся грунт и был признан героем, нашедшим мумию. Во всех газетах значилось его имя.

Когда Артура Камински выпустили из изолятора, он направился напрямик к профессору Карлу Теодору Якоби, директору совместного предприятия в Абу-Симбел.

Первый вопрос Якоби касался Геллы Хорнштайн, которая исчезла бесследно. Но Камински ничем не мог помочь. Он надеялся, что Гелла вернулась в Абу-Симбел, но напрасно.

Хотя профессор говорил крайне обходительно, в его словах слышалась холодность, с которой он, впрочем, встретил Камински.

– Вы влипли в паскудное дело, Камински. Как все это могло произойти?

Камински только пожал плечами и ничего не ответил. Он никак не мог отделаться от ощущения, что Якоби, корректность которого Артур всегда ценил, давно уже «приговорил» его и теперь искал подходящие слова.

Он сидел за письменным столом напротив директора стройки и смотрел в окно на гигантскую бетонную полусферу, которую оставлял после себя танк. Эти полусферы должны были укрепить каменный храм. Камински хотелось завывать, в нем кипела ненависть – ненависть к самому себе за то, что вляпался в такое дело, не подумав о последствиях. Теперь он не знал, как себя вести, но, несмотря на неуверенность, у него было отчаянное желание объяснить все Якоби.

Но поймет ли его Якоби – образец серьезности и твердости характера? Почувствует ли он, что за странными, непонятными поступками Камински стоит женщина, в чьих сетях он безнадежно запутался? Женщина, которая пыталась его убить, женщина, к которой он испытывает сильнейшие чувства, на какие только способен человек, – любовь и ненависть. Любовь до экстаза и ненависть до убийства.

Якоби вернул Камински к реальности, снова заговорив с ним:

– Как вы чувствуете себя, Камински? С вами все хорошо? Что вы скажете об отпуске в Германии? За все годы работы вы ни разу не брали отпуск...

Камински наконец понял. Директор стройки хочет избавиться от него, а расчет отправит по почте. Конечно, все уже давно решено, и любые объяснения бессмысленны. Взгляд Камински упал на чертежи фасада, прикрепленные к стене у окна. Он помнил их наизусть, до мельчайших деталей. В этих чертежах была его душа, они стали частью его жизни. И теперь ему придется

сломя голову бежать из Абу-Симбел?

Пока Артур Камински думал, отказаться или все-таки принять предложение Якоби, в дверь постучали. На пороге стояли Мухтар и доктор Хекман.

Оба молча пожали ему руку, что Камински воспринял скорее как жест вежливости. Они сели с другой стороны письменного стола, возле Якоби. Артур чувствовал себя как на суде святой инквизиции.

– Мы посоветовались по поводу вашего дела, – объяснил Якоби странную ситуацию.

– Ах вот оно что... – скептически заметил Камински. Но он был слишком взволнован и понял, что не способен иронизировать. – И к какому же решению вы пришли?

– Мистер Камински! – взял слово Хассан Мухтар. – Всем присутствующим крайне неловко разбираться в этом деле. Но инцидент все же был и вызвал большую шумиху. Газеты всего мира сообщают об этом случае, а репортеры задают неудобный вопрос, как вообще могло произойти, что столь значимое археологическое открытие так долго держалось в секрете...

– И конечно, – перебил Камински египтянина, – вы же сами ответили: можно не сомневаться, что в команде есть криминальные элементы. Но они получают заслуженное наказание. Вы ведь так ответили, мистер Мухтар? Я не ошибаюсь?

Якоби попытался примирить обоих:

– Прошу вас, господа, давайте без нападок. Наше положение и без того достаточно щекотливое. В конце концов, все мы в одной лодке.

Мухтар негодуяюще продолжил:

– Я не говорю о юридической или уголовной стороне дела. Мне нужно найти убедительный ответ на вопрос, как случилось, что гробницу скрывали от тысяч людей на стройплощадке. История столь невероятная, что некоторые подозревают сговор с археологами с целью продать мумию царицы за баснословные деньги за границу.

Доктор Хекман молча наблюдал за происходящим. Теперь он заговорил:

– Вы чего-то не договариваете, Камински. Может быть, причина кроется в неожиданном разрыве отношений с докером Геллой Хорнштайн?

Камински равнодушно выслушал речь Мухтара, но высказывание Хекмана задело его за живое. Очевидно, в докторе еще жила обида на Геллу за то, что она отказала ему. И эта мысль пробудила в Камински чувство триумфа над неудачливым соперником, который до сих пор переживает свое поражение.

Камински не пришло в голову ничего лучшего, чем иронично, бесстыдно ухмыльнуться и нарочито хладнокровно сказать:

– А кто вам сказал, доктор, что мы разорвали отношения?

Мухтар удивленно взглянул на него, а Хекман поджал губы. Никто не проронил ни слова.

Наконец Якоби прервал мучительное молчание, задав Камински вопрос:

– Вы знаете, где сейчас находится доктор Хорнштайн?

– Я подозревал, что она вернулась обратно, – ответил Камински.

Якоби покачал головой.

– Я даже сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим ее снова в Абу-Симбел...

– Что это значит?

Хекман, на лице которого отчетливо читалась ненависть, перебил Якоби:

– Мы, собственно, все придерживаемся мнения, что Гелла Хорнштайн больше не вернется. И это вряд ли как-то связано с вами, Камински. Скорее, с психическим здоровьем Геллы.

– Я не понимаю, о чем вы.

Хекман злорадствовал:

– Я не советовал бы вам приближаться к Гелле, потому что у нее... Я хотел сказать, госпожа Хорнштайн профнепригодна. В последнее время у нее проявлялись отчетливые симптомы шизофрении. Вы, наверное, этого не замечали. Но я наблюдаю за ней уже давно, и последние события лишь укрепили мое подозрение.

Камински бросился к Хекману и, если бы Мухтар не встал между ними, ударил бы доктора по лицу. Но уже одного этого было достаточно, чтобы Хекман понял, что попал «в яблочко». В восторге от самого себя он продолжил:

– Я понимаю вашу досаду, я на вашем месте чувствовал бы себя не лучше. Но вы должны смириться с мыслью, что у доктора Хорнштайн пернициозная кататония, вызвавшая параноидальную шизофрению.

– Вы не могли бы сказать яснее? – вмешался Якоби.

– Это означает нарушение моторных функций организма, необоснованное беспокойство и волнение. Часто повышение температуры ведет к галлюцинациям, вплоть до раздвоения личности.

Камински насторожился.

– И все это проявлялось в поведении Геллы Хорнштайн? Я хочу знать, когда и при каких обстоятельствах вы все это наблюдали!

От самой мысли, что Хекман шпионил за Геллой, у Камински по спине побежали мурашки. А чего еще можно было ожидать от такого человека, как Хекман? Врач, который добровольно согласился работать в госпитале в пустыне, не может быть нормальным человеком.

И сразу же Камински испугался своих мыслей: «А разве я не добровольно пошел работать в пустыню?»

– Думаю, Камински, вы меня недооценивали, – ответил Хекман. – Может быть, любовь вас ослепила. Я был иногда намного ближе к вам с Геллой, чем вы думаете. Например, тогда на складе, возле храмовых блоков, когда Гелла показывала это странное представление, когда она мастурбировала перед статуей фараона Рамсеса...

– Прекратите!

– Я тогда сидел в кабине крана. Я все ясно видел. Вы расцениваете такое поведение как нормальное?

– Вы, паскудный вуайерист! – Камински задохнулся от ненависти.

Он понял, как Хекман использует сложившуюся ситуацию. Доктор годами ждал этого момента, и нет ничего беспощаднее, чем месть отвергнутого любовника. Это была месть мужчины, у которого, насколько мог заметить Камински, три года не было женщины, не считая Наглы, пышногрудой хозяйки казино, которая за деньги спала со всеми.

Камински дошел уже до того, что Хекман стал нервировать его больше, чем причина самой дискуссии. И чем презрительнее Хекман говорил о Гелле, тем менее важным казалось Артуру покушение на его жизнь. Он уже не знал, состоялась ли их последняя встреча на самом деле или все это было просто галлюцинацией, фата-морганой, чарующим обманом рассудка. Пять лет в пусты-

не, пять лет жары и песка. Песок между пальцами ног, на зубах, в нижнем белье, в постели и в тарелке мог свести с ума любого здравомыслящего человека. Шизофрения – самое безобидное, что могло случиться.

Казалось, слова Камински не возымели действия.

– Вы должны серьезно воспринимать болезнь Геллы, – заговорил снова доктор. – Пока проявляется только симптоматика единичных случаев, шизофрения излечима. Прежде всего с помощью психотропных средств, психотерапии и шоковой терапии.

– Но для этого, – вмешался Якоби, – нам нужно узнать, где прячется доктор Хорнштайн. Вы действительно не знаете, где она? – обратился он к Камински.

– Нет, – запнувшись, ответил тот. – Не имею ни малейшего понятия.

Странно, но он стыдился этого ответа. Хотя Гелла посягала на его жизнь, он чувствовал себя виноватым, потому что не мог ответить, где она сейчас находится.

– Итак, вернемся к началу нашего разговора... – Якоби смущенно откашлялся. – Я действительно считаю, Камински, что для вас лучше всего было бы сейчас уйти в длительный отпуск. По крайней мере, пока все поутихнет.

Он говорил запинаясь, что так отличалось от его обычной манеры. Это было только из-за того, что Якоби – прямолинейный, честный человек – не умел притворствоваться. В действительности он хотел сказать совсем другое: «Камински, лучше всего, если бы вы добровольно уволились, просто расторгли трудовой договор. Меньше неприятностей и вам и мне».

Камински инстинктивно чувствовал, что хотел сказать Якоби, но его раздражало то, что у того не хватало смелости разобраться в этой истории.

Успокоившись, Камински махнул рукой и сказал:

– Хорошо, профессор, я вас понял. Не стоит мучиться из-за работника, ставшего, по вашему мнению, непригодным. Я уйду добровольно.

– Ну, если Камински сам решил... – выпалил доктор Хекман. Его антипатия выросла настолько, что он не смог скрыть, насколько будет сожалеть, если все-таки Камински передумает. – Должен заявить, благородное решение.

Камински поднялся. Он, будто желая произнести длинную речь, сплел кисти рук и сказал, повернувшись к Хекману:

– Знаете, доктор Хекман, в ваших комплиментах я абсолютно не нуждаюсь. – И обратился к Якоби: – Я вел себя не очень вежливо. Не буду объяснять сейчас, зачем и почему. Я даже выставил себя дураком. Мне очень жаль. Завтра я соберу свои вещи. Пожалуйста, подготовьте документы!

Не дожидаясь ответа Якоби и не прощаясь, Камински вышел из бюро.

По дороге домой он еще раз взглянул на пустыню, в которую многочисленными бухтами вгрызалось водохранилище. Это место стало для него вторым домом, с которым тяжело расставаться. Его охватила печаль.

Ему не доведется присутствовать при величайшем триумфе – завершении работ по возведению храма на новом месте. Но он был уверен: все, что будет потом, – рутина. А вот то, что сделал он, Артур Камински, – это настоящее инженерное искусство!

У барака его встретил Иштван Рогалла. Они никогда тесно не общались, но когда Рогалла узнал, что Камински уходит добровольно, то неожиданно протянул ему руку и сказал, словно прочитав мысли Артура: жаль, что они за эти годы так и не сблизились, а теперь уже слишком поздно. Археолог добавил,

что если Камински потребуется помощь, то он всегда может на него рассчитывать.

Когда вечером Камински пошел в казино поужинать, он чувствовал себя прокаженным. Люди его сторонились. Он сидел за столом один, а когда оглядывался по сторонам, то замечал, как окружающие перешептываются, глядя в его сторону. Даже Нагла игнорировала его в этот вечер.

Тогда Камински решил уйти. У барной стойки он прихватил с собой пару бутылок пива и выпил их залпом одну за другой – в тот вечер ему все было безразлично.

В итоге у Камински не осталось сил, чтобы собрать вещи. Мысли его путались, все шло кувырком, и он рухнул в постель как был. Немного погодя он заснул.

Камински относился к людям, которые редко видят сны или, по крайней мере, своих снов не помнят. В эту ночь все было по-другому. Наутро он отчетливо вспомнил свой сон. Ему снилось, что он проснулся среди ночи. Абу-Симбел был залит серебряным лунным светом, и он побежал к месту, где были оба храма. Нил уже затопил их, и вода была такая чистая, что можно было увидеть дно. И вдруг там, на дне, он увидел Геллу. Но нет, это была Бент-Анат. Или в этом теле сочетались два человека? Женщина была одета в длинное прозрачное одеяние, завязанное на одном плече. Казалось, она парит. Хотя и ступала мелкими шагами, она быстро двигалась вперед, вытянув руки перед собой, будто хотела что-то поймать. Перед ступенями храма она остановилась и замерла, словно превратившись в каменную статую. Теперь Камински понял причину: скрестив руки на груди, у входа в храм стоял великан в одной лишь набедренной повязке. На голове – искусно сделанный парик, который носили фараоны в древности. Камински ужаснулся, рассмотрев черты лица царя: Артур был похож на него. Фараон ударил ногой застывшую женщину. Она упала и, как каменная статуя, разлетелась вдребезги. Тут Камински проснулся.

Было уже поздно, и если он хотел успеть на девятичасовой корабль, то следовало поторапливаться. На корабле у него будет достаточно времени подумать над загадочным сном.

Все свои незамысловатые пожитки Камински разложил по двум чемоданам, с которыми приехал сюда четыре года назад. И он вдруг осознал, насколько жалкой и бессмысленной была вся его жизнь до теперешнего момента.

Но он поспешил выбросить эту мысль из головы. Разве не он, Артур Камински, после окончания учебы поклялся не делать всего того, к чему так стремились остальные? Разве не он так ненавидел все обыденное, к чему относил сорокачасовую рабочую неделю, дом, садик, отпуск или пенсионные сборы? У него всегда было желание посвятить себя чему-то большему, желание, которое и привело его в Абу-Симбел.

В комнате, которая четыре года служила ему домом, Камински больше не хотел оставаться ни секунды. В голове у него была только одна мысль: «Прочь отсюда как можно скорее и так, чтобы ни с кем не встретиться!»

Балбуш ждал его в желтом «фольксвагене» перед домом. Египтянин едва сдерживал слезы – он переживал расставание тяжелее, чем Камински.

– Мистер Камински – хороший человек! – твердил он, пока Артур уклады-

вал чемоданы на заднее сиденье.

– Ладно уж, Балбуш, ладно! – по-дружески успокаивал Камински.

Он вложил слуге в руку сотню долларов, которые Балбуш вначале не хотел брать, но после долгих уговоров благодарно сунул бумажку в карман. Потом он поцеловал Камински обе руки, и они двинулись в путь.

По дороге к причалу Камински неотрывно смотрел на дорогу. Он больше не хотел видеть место, которое так любил. Теперь он его ненавидел. Он ненавидел Абу-Симбел!

Людей в это утро на причале собралось немного. Но среди них был человек, которого Камински не ожидал увидеть, – Хассан Мухтар.

Балбуш занес чемоданы на корабль, и Камински последовал за ним. Он отвел глаза в сторону, когда проходил мимо Мухтара. Его он хотел видеть сейчас меньше всего.

Но Мухтар ждал его.

– Мистер Камински! – окликнул он Артура. – Я пришел сюда, чтобы проститься с вами. – И на его лице появилась самодовольная улыбка, которую так не любил Камински.

– До свидания, доктор Мухтар, – сухо ответил Камински, поднимаясь по сходням.

– Позвольте мне дать вам один совет, мистер Камински, – прокричал ему в спину Мухтар. – Вам не стоит искать Геллу Хорнштайн!

38

Ахмед Абд эль-Кадр, который уже три года был директором Египетского музея в Каире, не любил, когда мешали во время чтения почты. «Письма, – говорил он, повторяя слова одного исламского ученого, – правая рука знания». Поэтому Сулейман, секретарь директора, сидевший в приемной, всегда держал двери закрытыми, когда его босс просматривал почту. Так что помешать у постороннего не было шансов.

Дирекция, располагавшаяся справа, выглядела довольно запущенной. В длинных коридорах с потертыми каменными полами, в которых каждый шаг отдавался стократным эхом были расставлены стеллажи с книгами, фолиантами и ката ложными ящиками. Покрывавший их слой пыли предательски сообщал, что практически всеми материалами не пользовались более пятидесяти лет. Хроническая нехватка музейных помещений изгнала дирекцию в эти закоулки. Здесь даже в разгар лета было темно, а затхлым пыльным воздухом едва ли стоило дышать.

Только Ахмед Абд эль-Кадр, казалось, чувствовал себя здесь неплохо. Он редко покидал свой душный кабинет, да и то на короткое время. Его директорский пост был чем-то вроде правительственной службы, и это, конечно же, отражалось на социальном статусе. У Абд эль-Кадра были особые связи, не сравнимые с его познаниями в египтологии, знание которой он пытался получить в Оксфорде.

Когда Сулейман во время утреннего ритуала постучал в дверь директора, он и не ожидал, что Абд эль-Кадр обязательно ответит, ведь этот стук мог вызвать только негодование. У Сулеймана должны были быть веские причины для такого поведения, иначе он никогда не допустил бы подобной наглости. Эль-Кадр даже не потрудился поднять глаза от письменного стола.

– Сэр! – кашлянул секретарь. – Сэр, пришел груз из Абу-Симбел! – А когда директор не отреагировал, добавил: – Где его разместить, сэр? – И положил на стол сопроводительные документы.

– Абу-Симбел? – спросил в ответ Абд эль-Кадр.

Сулейман решительно кивнул и широко развел руки:

– Минимум два метра в длину.

Директор приказал оставить груз у черного хода музея, а затем отвезти в Археологический институт. Потом он бросился в приемную к телефону, набрал номер, но связи не было.

– Телефон поврежден, – извинился Сулейман.

Абд эль-Кадр нервно бросил трубку.

– Было бы чудом, если бы здесь что-нибудь вообще работало!

– Немецкая высококачественная работа! – заметил с усмешкой секретарь.

И директор с горечью ответил:

– Да, но тысяча девятьсот тридцать четвертого года... Нужно, чтобы сюда приехал профессор эль-Хадид из института.

Потом он пробормотал еще что-то про проклятых русских, пришедших на смену немцам. Краем глаза Абд эль-Кадр заметил в окне приемной женщину, но он был сейчас чересчур взволнован, чтобы обратить на это внимание. Поэтому и не заметил, когда шел через парк к институту, что женщина идет за ним на почтительном расстоянии.

Несмотря на свой высокий пост, Абд эль-Кадр относился ко все увеличивающейся группе оппозиционеров, которые видели в «арабском социализме» Насера скорее бич для Египта, чем решение экономической проблемы. Директор музея был не в восторге от русских, в роли советников занимавших ключевые посты в государстве. Египет виделся страной, ориентированной на Запад, – хотя бы потому, что тогда будет работать телефон. По крайней мере, он так считал.

Грузовик с надписью «Совместное предприятие Абу-Симбел» стоял перед институтом. Это здание, как и многие другие, находилось в плачевном состоянии. Со стороны фасада облупилась штукатурка. Разбитые витражные стекла входных дверей уже давно требовали замены, а железные перила лестниц за многие годы покрылись толстым слоем ржавчины. Четыре сотрудника музея в коричневатой униформе, похожей больше на пижамы, тащили по первому лестничному маршу ящик, сколоченный из неструганых досок.

Директор попросил их быть осторожными, но в ответ на свой призыв услышал смешки: предупреждать археологов об осторожности в работе с объектами излишне. В данном случае сотрудники и в самом деле действовали очень аккуратно.

Выкрашенный белой масляной краской коридор на первом этаже вел к двустворчатой двери с белыми стеклами и надписью «Лаборатория». Это было помещение в пятьдесят квадратных метров, посередине которого стоял длинный стол. На потолке крепился большой круглый прожектор, как в операционной.

Когда эль-Кадр вошел, профессор эль-Хадид, маленький упрямый человек, седой, с проплешиной на голове, как раз открывал стамеской деревянный ящик из Абу-Симбел. Сотрудник музея испустил дикий крик и убежал, увидев содержимое ящика. Там лежала высохшая, в коричневых повязках и лоскутах мумия со спутанными волосами средней длины. Остальные разбежались по углам, словно боялись, что странное законсервированное существо может подняться со своего ложа.

Эль-Хадид, профессор палеонтологической анатомии Каирского университета и один из ведущих в мире экспертов по мумиям, казалось, был взволнован больше всех. Осмотрев ящик с мумией, он вытер пот с шеи белым носовым платком. Видно было, как беспокойно бегают его глаза за коричневыми стеклами очков.

– А вы абсолютно уверены? – спросил он Абд эль-Кадра, не сводя глаз с мумии.

– Абсолютно! – заверил археолог. – Это Бент-Анат. Есть множество указаний на это имя.

Профессор покачал головой, словно не веря услышанному.

– Бент-Анат, – повторял он снова и снова, – Бент-Анат.

– Дочь богини Анат, – подтвердил археолог, – азиатская богиня любви и войны.

– Азиатка? – Эль-Хадид вопросительно посмотрел на директора.

– О да! – ответил тот. – Рамсес чтит азиатских богинь, Анат и Астарту особенно. Он возвел для каждой из них храмы. Позже он утверждал, что Анат – дочь египетского бога Пта. Поэтому и назвал свою дочь таким именем.

– Как дочь? Я считал, что Бент-Анат была его женой.

– И то и другое, уважаемый коллега. Бент-Анат была его дочерью и женой.

Профессор закатил глаза, словно хотел сказать: «Во имя Аллаха, что за человек был этот Рамсес!», но промолчал.

Вшестером – эль-Хадид, эль-Кадр и четыре сотрудника – они вынули мумию из ящика и осторожно положили на длинный белый стол.

– Это просто чудо! – воскликнул профессор.

Он сосредоточенно рассматривал мумию. За двадцать лет Работы он видел их множество, исследования мумий фараонов принесли ему мировую известность, но все равно каждая новая заставляла его сердце биться чаще. Так было и в этот раз.

– Свет! – скомандовал профессор, и помощники включили яркую лампу.

Он направил свет на голову мумии, на скрещенные на груди руки и осмотрел Бент-Анат, будто желая завести с ней беседу. Он переходил с места на место, нагибался, чтобы получше разглядеть голову со всех сторон, и снова вытаскивал платок, чтобы вытереть пот.

Наконец эль-Хадид сдвинул очки на кончик носа и, заложив руки за спину, будто на прогулке, осмотрел хорошо сохранившиеся зубы мумии. Он осмотрел каждый зуб в отдельности и, поднявшись, выдохнул через нос, что служило признаком крайнего напряжения.

– Каково ваше первое впечатление? – поинтересовался Абд эль-Кадр.

Он понимал неуместность своего вопроса, но его мучило любопытство.

Профессор отошел на пару шагов назад и ответил:

– Такое впечатление, как будто она живая! Посмотрите-ка.

Сотрудники музея едва сдерживались. Они переглядывались между собой, ничего не понимая. Во имя Аллаха всемогущего, что в этом высохшем, скрюченном, обмотанном лохмотьями артефакте навело профессора на такую мысль? Никто не мог понять, как уважаемый, образованный человек мог говорить такое об иссохшем трупе.

– Она была еще молода, когда умерла, – сказал профессор, выдержав долгую паузу, которую не осмелился нарушить даже Абд эль-Кадр. – Ей не было и двадцати пяти. Производит впечатление очень ухоженной. Можно разглядеть даже следы примитивной косметики на бровях. Такого я еще никогда не видел. Просто невероятно!

– Самое поразительное то...

– Да? – заинтересованно перебил директора профессор.

– Самое поразительное то, что эту гробницу нашли случайно. Бент-Анат нашли не археологи, а рабочие. Это камень в огород тех, кто утверждает, что в археологии не бывает случайных находок.

– Так можно очернить любую науку, даже самую точную из всех – математику. Может, вы думаете, Фалес Милетский вычислил закон вписанного угла? Чепуха! Он от скуки воткнул две палки в песок, соединил их полукругом и обнаружил, что все углы на этой дуге окружности составляют девяносто градусов. Разве ценность открытия уменьшается, если оно сделано случайно?

Абд эль-Кадр пожал плечами и осмотрел длинные тонкие пальцы мумии. Руки Бент-Анат лежали скрещенными на груди. В ее позе было что-то надменное.

– Никто не догадался, – сказал задумчиво профессор, – поискать гробницу жены великого Рамсеса в Абу-Симбел. В Долине цариц в Медине – да, но там...

– У фараона Рамсеса наверняка были причины похоронить свою дочь и супругу именно там.

– Причина, конечно, была. Но какая? Впрочем, – обратился эль-Хадид к директору, – исследовать это – задание науки. Во имя Аллаха, может быть, случай поможет нам и в этом.

Он вернулся к мумии с маленькими тупыми ножницами и пинцетом в руке. Из-за резкого движения головой его очки соскользнули на бугристый кончик носа. Он взял пинцетом волосок, отрезал его и аккуратно положил на круглую стеклянную баночку. Он также отрезал кусочек повязки и кожу с предплечья. Стеклянную крышечку он запечатал клейкой лентой.

– На следующей неделе у нас будут первые результаты исследований.

Исследования такого рода – рутинная работа для экспертов мумий. С помощью образцов кожи, волос и ткани патолог может установить возраст, происхождение и даже болезни мумифицированного человека. Эль-Хадид предложил провести рентген мумии после получения первых результатов и только потом решать, стоит ли производить дальнейшие исследования. Прежде всего, стоит ли удалять с мумии повязки.

После завершения работы мумию вновь осторожно положили в деревянный саркофаг, и эль-Кадр накрыл его крышкой. Они закрыли лабораторию и спустились по обшарпанной лестнице на улицу.

В парк перед институтом доносился оживленный гул улиц Каира. Было такое чувство, словно они вернулись из другого мира, из другого времени.

Сотрудников музея отпустили, эль-Кадр и профессор прохаживались одни по пыльной дорожке парка. Каждый, думая о своем, испытывал странное волнение.

Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – начал эль-Хадид, – у меня появилась та же мысль. Делаешь это десять, двадцать раз и все равно чувствуешь, что неправ. Так ведь?

Абд эль-Кадр остановился.

– Именно об этом я и думал. В такой ситуации я всегда чувствую себя незванным гостем, богохульником.

– Но разве это не первоочередное задание науки – исследовать прошлое человечества? – Профессор эль-Хадид достал из кармана запечатанную баночку и протянул на ладони археологу. – Поверьте мне, под этим стеклом скрывается большее знание, чем в голове философа!

Эль-Кадр пожал плечами. Ему было трудно удерживать нить разговора, но его успокаивало то, что угрызения совести были и у собеседника. Так они прошли вместе до высоких железных ворот парка. Дальше их пути разошлись.

39

Этой ночью в Археологическом институте произошел странный случай, упоминание о котором впоследствии вызывало лишь усмешки, потому что человека, рассказавшего эту историю, все любили, но считали немного не в себе. Мужчину звали Йуссеф. Это был старик, уже и сам не помнивший, сколько ему лет от роду, но у него были две молоденькие жены и семеро детей. Он считал, что должен их обеспечивать, поэтому не мог и помыслить о спокойной старости. Йуссеф занимал место сторожа уже десятки лет и относился к своей должности со всей серьезностью. Он десятилетиями составлял отчеты о каждом ночном дежурстве, и от него ничего не могло ускользнуть.

Как обычно, Йуссеф, шаркая, ходил по длинным коридорам института, одетый в длинное белое платье, прикрывавшее деревянный протез. В правой руке он держал карманный фонарик на батарейках, в левой – прогулочную трость, которую выпросил у одного британского полковника, когда англичане оставляли Египет. Таким образом, он выглядел точь-в-точь как привидение. А шум, которым сопровождалось его шествие по коридорам, мог обратить в бегство любого незваного гостя.

К тому же Йуссеф обладал пронзительным голосом муэдзина и, когда был один, охотно им пользовался, разговаривая со стенами, дверьми и шкафами. Но прежде всего он разговаривал сам с собой и рассказывал бесконечные сказки. Все это способствовало тому, что служащие института не воспринимали его всерьез. Случившееся отнесли к разряду выдумок: старик взволнованно утверждал, что в лаборатории поселилась квартирантка.

Йуссеф сообщал, что примерно в полночь, когда он проверял хранилище на верхнем этаже, его испугал странный звук, как будто разбили стекло.

Сначала все было спокойно, но через пару минут он услышал шаги. Кто-то тайком проник в помещение и, пользуясь фонариком, со знанием дела поднялся по лестнице к лаборатории. Неизвестный вскрыл с помощью какого-то инструмента двустворчатую дверь лаборатории и проскользнул внутрь, не закрыв ее за собой. Так что Йуссеф мог отчетливо видеть, что происходило внутри комнаты.

Человек неумело открыл деревянный ящик, в котором находилась мумия и, подсвечивая фонариком, осмотрел содержимое. Увидев, что находится в ящике, незнакомец издал звук, похожий на тот, который издает при родовых схватках беременная женщина (это Йуссеф наблюдал семь раз, так что в этом, как он сам говорил, ему можно верить). Потом сторож услышал жалобный плач и понял, что это не мужчина, а женщина в мужском одеянии.

Ему показалось, что женщина вела диалог с мумией, хотя говорила на языке, которого Йуссеф не понимал. Во всяком случае, это был не английский. Когда она сделала попытку прикоснуться к мумии, он перехватил трость правой рукой и хотел было, наставив на женщину свое оружие, призвать ее к ответу. Но в ее движениях он не заметил злого умысла – она лишь быстро коснулась мумии несколько раз. При этом женщина дрожала, будто старуха, хотя на вид была довольно молодая.

Он удостоверился, что незнакомка не нанесет мумии вреда, и не захотел применять против нее силу, тем более что ночная гостья как раз начала закрывать крышку деревянного ящика. Она, должно быть, поранилась, потому

что негромко вскрикнула, как пряха, уколотив палец, и вытащила платок, прямо как приличные люди с нильского острова Гезира. Он, Йуссеф, спрятался в противоположном конце коридора, чтобы проследить, куда она пойдет. Незваная гостья удалилась тем же путем, каким и пришла. Наверное, женщина покинула здание института, выйдя через черный ход в парк, который обычно запирался изнутри на задвижку. Когда Йуссеф осмотрел дверь, ему сразу бросилось в глаза, что непрозрачное стекло в двери было выбито, так что задвижку открыли снаружи.

Никто не верил в историю бедного Йуссефа, хотя он так красочно изложил ее в книге отчетов. Когда Абд эль-Кадр и эль-Хадид слышали об этом, они решили лично осмотреть место происшествия. Не увидев значительных изменений в состоянии мумии, они похвалили сторожа за отличную работу. Ни эль-Кадр, ни эль-Хадид не заметили трех капель крови на кафельном полу лаборатории. Обиженный таким высокомерием, Йуссеф решил больше не писать отчеты и сказал, что не намерен метать бисер перед свиньями, если его письменный доклад о ночном происшествии все воспринимают как выдумку.

Но уже в следующую ночь в институте произошло еще одно событие, под стать первому, из-за которого он нарушил свою клятву. Но произошло все совсем иначе. Примерно в то же время Йуссеф услышал легкие удары молотком, которые доносились из бокового входа. Незнакомка появилась снова. Он поспешил к двери, стараясь особенно не шуметь, выключил фонарик и увидел, что кто-то отбивает дощечку, временно прибитую вместо стекла. Йуссеф взял трость в правую руку и отступил пару шагов назад. Он услышал, как дверь открылась и снова закрылась. Тогда он включил фонарик и закричал пронзительным голосом:

– Стой, ни шагу дальше!

Он понимал, что это та же неизвестная гостья, но внезапно ему в голову пришла мысль, что вчерашнее проникновение – всего лишь подготовка к большой краже. Поэтому он был крайне осторожен. С удивлением Йуссеф заметил, что женщина, стоявшая в луче фонарика, одета в тот же мужской костюм и не вооружена. Она дрожала от волнения и даже не пыталась бежать. Лишь покорно сделала пару шагов к Йуссефу.

– Стой, ни шагу дальше! – повторил сторож.

Женщина послушно остановилась.

– Что вы здесь ищете? Я вас уже видел вчера!

Незнакомка, казалось, ничуть не удивилась.

– Это все из-за мумии, – ответила она. Это звучало как извинение.

– И что?

Она смущенно покачала головой и попыталась уйти.

– Стоять на месте! – закричал громовым голосом Йуссеф. Интонация подействовала. Это его подбодрило, и он повторил вопрос: – Что вы здесь ищете, я хочу знать!

Вдруг женщина полезла в карман пиджака, а Йуссеф остолбенело наблюдал за ней, не в силах пошевелиться. Ему казалось, что в следующий момент прозвучит выстрел. Он подумал, что это конец. Прошло еще мгновение, прежде чем он сообразил, что женщина вынула из кармана доллары – Йуссеф был слишком взволнован, чтобы с одного взгляда понять, сколько там. Она небрежно протянула ему банкноту и, запинаясь, сказала:

– Я хочу еще раз увидеть мумию.

Йуссеф смотрел поочередно то на деньги, то на незнакомку. По лицу можно было определить серьезность ее намерения. Насколько он смог рассмотреть, она протянула ему двадцать долларов. «Двадцать долларов, – подумал он. – Аллах всемогущий! Это же моя зарплата за целый месяц!» Йуссефу хотелось узнать, что толкнуло женщину на такой поступок, но годы и жизненный опыт подсказывали ему, что не стоит спрашивать о причинах людской щедрости и великодушия. Щедрость посещала людей лишь на мгновения, и это был именно такой момент. Йуссеф взял деньги и произнес:

– Пойдемте, госпожа.

40

Идо этого бы дошло: Жак Балое убил бы фарфоровой кружкой полковника Смоличева в доме художника Абделя Азиза Зухейми. Жак и Рая решили, что человек из КГБ следовал за ними из Асуана. А чем это грозило, понимали оба.

Еще до того как Балое ударил полковника, Смоличеву удалось высвободиться. Но вместо того чтобы бежать, он начал умолять выслушать его, что было совершенно не свойственно полковнику КГБ.

Он объяснил, что попал в немилость Москвы из-за их побега, поэтому решил исчезнуть.

Рая Курянова по натуре была более недоверчива, чем Балое, и никак не хотела верить Смоличеву. Она была знакома с трюками КГБ и потребовала от полковника доказательств. Но Смоличев не смог ничем подтвердить свои слова. Он только умолял своих бывших агентов не выдавать его. «Если он не может доказать то, что сказал, хотя знает, что это чревато неприятностями, – думал Балое, – значит, вероятность того, что он говорит правду, достаточно высока». Да и внешне Смоличев очень изменился. Рая не могла поверить, что за такое короткое время с человеком могли произойти столь разительные перемены. Трудно было представить, что полковник всего лишь лицедействует. Некогда мрачное, властное выражение его лица, прищуренные глаза, пронизывающий взгляд исчезли. Напротив, Смоличев, потупившись, смотрел в пол, словно хотел спрятаться от собеседника. Его резкие, угловатые движения стали мягкими и осторожными, а шаркающая, вкрадчивая походка похожа на старческую. Хотя Рая видела полковника лишь несколько месяцев назад, казалось, Смоличев постарел на несколько лет. Грозный, могущественный полковник КГБ сейчас умолял о сострадании.

Но ни Жак, ни Рая не испытывали особого сочувствия. Балое даже подумывал, не отомстить ли Смоличеву задним числом и не донести ли на него. Но полковник намекнул, что у него есть знакомые среди египетских чиновников, которые могли бы сделать необходимые документы. К тому же у полковника на банковском счету было около ста тысяч долларов, о которых никто не знал.

При всем недоверии к этому человеку он мог еще пригодиться. Жака прежде всего заинтересовал банковский счет: с долларами в Каире можно было получить все.

Смоличев не хотел говорить, в каком банке в Каире лежат деньги и как можно их получить. Но когда Рая и Балое усомнились, что у полковника действительно есть счет, тот достал из кармана пачку долларовых банкнот и положил на стол со словами: «Если потребуется еще, только скажите».

Тот, кто имел дело с КГБ, знает, что русская секретная служба подделывает доллары. Обычно не особенно качественно, из-за чего были даже раскрыты несколько агентов. Поэтому Рая отодвинула пачку, сомневаясь, не очередная ли это уловка Смоличева, не хочет ли он заманить их с помощью этих фальшивок в ловушку.

Но полковник заверил, что сам пользуется этими деньгами и что они могут быть абсолютно спокойны.

Конечно, Смоличев вел себя так не совсем бескорыстно. В день их неожиданной встречи он признался Рае и Жаку, что хочет бежать в Париж, а они

могли бы, так как рука руку моет, помочь ему там, если он поможет организовать им поддельные документы и снабдит их деньгами.

Жак начал верить полковнику. Рая же относилась ко всему скептически и полагала, что такой мерзавец, как Смоличев, не может измениться за одну ночь и что его нужно еще проверить. Но как?

Жак и Рая решили, что нужно быть осмотрительнее. Они лишь делали вид, что доверяют русскому. Они тысячу раз обдумывали, прежде чем обменяться с ним парой фраз, и втайне пытались сами сделать документы на выезд.

Собственно, этого следовало ожидать. Утром, через два дня после их приезда в Каир в дверь постучался Абдель Азиз Зухейми и сказал, что к ним посетитель. С ними хотел поговорить Хассан, таксист, который их сюда привез.

Хассан ошарашил их. Он нашел человека, художника, который может подделать любой паспорт в мире, да так, что оригинал не отличишь от подделки. На два паспорта ему потребуется две недели и тысяча американских долларов. А он, Али, получит соответствующее вознаграждение: скажем, двадцать процентов – треть сразу и две трети после получения желаемых документов.

Балое отказался, потому что цена была слишком высокой, и поставил условие: он хотел увидеть работу «художника».

Поведение француза нисколько не обидело Хассана. Напротив, человека, бездумно отдающего такие деньги, египтяне сочли бы тряпкой, это было бы даже невежливо.

Поэтому Хассан вернулся на следующий день с пробным экземпляром и предложил следующее: восемьсот долларов для «художника» и сто пятьдесят долларов лично для него. В конце концов они сторговались за семьсот пятьдесят долларов для «художника» и сто для Хассана за посредничество.

Образец французского паспорта на имя Франсуа Брассе, родившегося седьмого октября в Гренобле и проживающего там на Рю-де-Национс, 147, выглядел столь натурально, что Жак начал сомневаться, не оригинал ли это.

Тогда Хассан повел Жака и Раю в аптеку поблизости. Витрину украшали стеклянные круглые флаконы с туалетной водой. Зал был также заставлен стеклянными ящичками и полками. Внутри не было места и для пяти покупателей.

Когда они вошли, молодой продавец духов откинул прилавок из темного дерева и проводил Жака и Раю в заднюю комнату. Там в темноте стояла изящная кушетка. Художник включил свет, и комната превратилась в фотоателье. На массивном деревянном штативе стоял старинный фотоаппарат с выдвигаемыми мехами. Два прожектора с большими круглыми лампами накаливания и картонные ширмы, покрытые фольгой, обеспечивали освещение.

Аптекарь усадил их и бесцеремонно командовал, устанавливая нужный свет, чтобы получились фотографии на паспорт. Процедура сопровождалась громким треском и вспышкой. Балое вдруг подумал, что Смоличев не потребовал от них ни личных данных, ни фотоснимков.

Это вызывало подозрение, они с Раей решили быть внимательнее.

Безымянные постояльцы в доме Зухейми не общались между собой. За неделю пребывания в пансионе Балое узнал, что здесь живет около десяти гостей, среди них две супружеские пары. Жильцы старались не показываться друг другу на глаза, большинство даже не здоровались при случайных встречах в темных коридорах дома.

Смоличева вообще не было видно, поэтому Балое поинтересовался у Абделя Зухейми насчет видного русского мужчины из комнаты напротив. Как оказалось, хозяин досконально знал привычки своих гостей и после настойчивых расспросов ответил Жаку, что у господина с четвертого этажа привычки своеобразные: он никогда не покидает комнату днем и выходит только по вечерам. Точно в девять часов он уходит из дома и редко возвращается до полуночи. Но это Абдель Азиза нисколько не касается, поскольку гость исправно оплачивает аренду. Зухейми поинтересовался, не поссорились ли они.

Балое ответил отрицательно и сказал, что просто заинтересовался этим человеком из-за его странного поведения, а еще потому, что он похож на русского.

Абдель Азиз Зухейми театрально, как ответил бы каждый египтянин, заверил, что ничего не знает. При этом он закатил глаза и воздел руки к небу, как Мухаммед, пророк всемогущего Аллаха. Он не интересовался своими жильцами, в конце концов, все – создания Творца, даже русские, которые это все время оспаривают. Русские часто скрываются в его доме, но пока еще не было повода для жалоб.

Так Балое узнал, когда Смоличев обычно уходит из дома. Он не сомневался, что Зухейми знает о полковнике больше, чем рассказывает. Не оставалось также сомнений, что он сам и Рая тоже под наблюдением. Осторожность была обоснованной.

В тот день они как туристы осматривали достопримечательности Каира: мечеть, где, по преданиям, были захоронены мощи святых и покоилась голова внука пророка Мухаммеда – это здание находилось недалеко от их убежища, – и «Голубую» мечеть на улице Шариа-Баб-эль-Везир. Рая и Жак вернулись позже, чем обычно. Уже смеркалось, и они остановились в сторонке, не теряя из виду вход в ковровую лавку.

Светло-бирюзовое небо проглядывало сквозь серую ткань, растянутую между домами для защиты от палящего солнца. Тем временем в узких переулках разлились сумерки. Лампадки и фонарики превратили грязный город в сказочные театральные кулисы, в которых, очевидно без цели, шныряли толпы статистов. В воздухе витал почти осязаемый аромат снеди, который перебивали сладостные флюиды выпечки и терпкий запах кожи и крашеной шерсти.

Чуть позже девяти в дверях ковровой лавки появился Смоличев. Полковника едва ли можно было узнать. Издалека можно было различить, что он подстриг свои кустистые брови, и это его молодило. Кроме того, на нем был светлый льняной костюм, как у западных туристов, и соломенная шляпа, придававшая ему аристократический вид.

Смоличев вел себя уверенно. Не оглядываясь по сторонам, он пересек рыночную улицу и свернул направо на Шариа-эль-Кабир, где расположились мелкие шумные торговцы. Здесь на лотках продавались текстиль, обувь и изделия из кожи.

Дневная торговля закончилась. Вечером ни один египтянин не станет покупать одежду, но, к чести каирских торговцев, лавки все равно были открыты. Перед ними стояли, предаваясь безделью, соседи, покупатели и торговцы. Мужчины занимались своим любимым делом – сплетничали. Смоличев размеренным шагом, скрестив руки за спиной, прогуливался по улице. За ним, соблюдая дистанцию, чтобы не попасться на глаза, но и не упустить его из ви-

ду, шли Рая и Жак. Время от времени Смоличев останавливался, осматривая прилавки. Балое заметил, что Смоличева вовсе не интересовало содержимое витрин, он смотрел на отражение. Полковник несколько раз перешел с одной стороны улицы на другую, прошел под аркой и свернул в узкий переулок направо. Теперь для Раи и Жака риск быть замеченными был выше, чем на оживленной торговой улице. С другой стороны, следуя на большом расстоянии, они могли потерять его из виду.

Полковник прошел сотню метров по узкой улице и вдруг как растворился. Жак и Рая подошли к тому месту, где в последний раз видели Смоличева. Слева стояли высокие жилые дома, трех- и четырехэтажные, с узкими фасадами. В Каире так строили часто, хотя иногда это приводило даже к обрушению. С правой стороны тоже были дома, двухэтажные. На первых этажах располагались кафе.

На улицу доносилась громкая музыка. Трое мужчин развлекали посетителей арабской музыкой, играя на духовых и щипковых инструментах. В маленький вестибюль с декоративными столиками, на которых стояли начищенные до блеска медные кувшины, вела лестница из двух ступенек. Взору открылся зал, отделанный ажурными деревянными решетками с резным орнаментом. Вход в кафе прикрывала жемчужная занавеска.

Жак не отваживался пройти дальше. Если бы Смоличев их увидел, то понял бы, что за ним шпионят, и впредь стал осторожнее. Рая и Жак вернулись на улицу, чтобы из темного парадного дома напротив наблюдать за входом в кафе.

Не могло быть случайностью, что Смоличев зашел в это кафе на дальней тихой улочке, где обычно сидели только местные жители. Рая Курянова была уверена, что у сбежавшего полковника КГБ немало связей, особенно среди местных египтян.

Через полчаса Балое предложил сменить неудобный наблюдательный пост в парадной на уютный ресторанчик на Шариа-эль-Кабир, но Рая отказалась. Со свойственной ей недоверчивостью она все же хотела подождать, пока Смоличев выйдет из кафе. И не согласилась даже после того, как Жак сказал, что это может продлиться несколько часов. Рая возражала, настаивая, что сотрудник КГБ не будет скрываться несколько часов в общественном месте. Тем более русский полковник.

Прошел целый час, и Жак уже злился из-за упрямства Раи, как вдруг в дверях кафе появился Смоличев. Соломенную шляпу он нес в правой руке и, казалось, был в хорошем настроении.

– Рая! – вырвалось у Балое.

Он указал на кафе и вдруг словно окаменел. Рая попятилась и тупо смотрела на женщину, которая показалась вслед за полковником. Это была Гелла Хорнштайн.

Остолбенев, они наблюдали, как полковник поцеловал на прощание руку доктора Хорнштайн. Для Балое это было привычным жестом, тогда как Рая едва не прыснула от смеха – настолько, по ее мнению, это выглядело нелепо и комично.

Полковник и Гелла разошлись в разные стороны. Смоличев отправился тем же путем, каким явился сюда. Чтобы прояснить цель этой странной встречи, Жак и Рая, переглянувшись, решили последовать не за Смоличевым, а за

Геллой Хорнштайн.

Они удивились, насколько хорошо ориентировалась доктор из Абу-Симбел в лабиринте переулков старого Каира. И прежде всего, храбрости европейки, которая одна ходила по ночным улицам города.

На Шариа-эль-Ашар, многолюдной улице, которая вела к одноименной мечети, Гелла направилась к остановке такси и села в машину. Рая и Балое последовали за ней на другом такси.

Поездка на такси по Каиру уже сама по себе приключение, а преследовать другое каирское такси равносильно самоубийству и требует виртуозности. Жак, размахивая купюрой перед водителем, заставил его забыть о правилах движения и о других транспортных средствах, кроме автомобиля, за которым нужно было ехать.

Такси проехало по Мидан-эль-Атаба мимо роскошного здания главпочтамта и известной оперы Шариа-Имад-эд-Дин на самой большой каирской улице Шариа-Рамсис, откуда рукой подать до главного вокзала.

На одной из боковых улиц Гелла вышла. Рая осталась около такси, а Балое последовал за доктором. Она направилась вдоль длинных грязных стен в здание, где располагались камеры хранения, достала дорожную сумку и черный чемодан и с багажом вернулась к такси.

Они снова поехали, на этот раз в западном направлении и в конце концов остановились недалеко от моста 26-го июля у входа в отель «Омар Хайям» – замка, который был построен сотню лет назад и с тех пор пережил многочисленные события египетской истории. Отель был окружен парками и фонтанами, и создавалось впечатление, что он материализовался из сказок «Тысячи и одной ночи». Гелла заплатила таксисту и исчезла в отеле.

Теперь Жак и Рая знали, где остановилась доктор Хорнштайн. Но с какой целью она встречалась со Смоличевым, так и осталось загадкой. Неожиданная встреча породила целый ряд вопросов. Рая предположила, что Гелла Хорнштайн тоже работала на полковника Смоличева.

Это было в лучших традициях КГБ – вербовать на одном объекте нескольких агентов, не знающих друг о друге. Балое начал опасаться, что и за ним наблюдали в Абу-Симбел. Тогда внезапное появление полковника Смоличева в Абу-Симбел имело под собой основание.

Но каким же образом эта ночная встреча в каирском кафе вписывалась в общую мозаику? Может, Смоличев все-таки соврал им? Было ли его бегство от КГБ всего лишь очередным трюком, чтобы поймать их в ловушку?

– Я боюсь, – сказала Рая. Балое попросил водителя отвезти их в пансион Зухейми.

41

Ровно в семь часов в купе Камински постучал проводник.

– Мистер, семь часов. Вы хотели, чтобы вас разбудили!

– Спасибо! – сонно пробормотал Камински со своей полки.

В семь часов вечера он сел в Асуане на каирский поезд и в надежде выспаться взял билеты в купе первого класса. Спальное купе венгерского вагона было вполне комфортабельным. Обтянутое бархатом сиденье опускалось и служило ночью кроватью. За деревянной раздвижной стенкой скрывался маленький платяной шкаф. Возле окна, прикрытого ролетой, располагалась зеркальная стенка. При нажатии кнопки за ней открывался умывальник.

Громыхание поезда и тряска мешали не привычному к этому европейцу. В конце концов Камински, устав от качки и шума, заснул, но около полуночи его разбудил визг тормозов. Артур выглянул в окно и понял: они остановились, чтобы сменить локомотив.

– Где мы? – крикнул Камински через закрытую дверь.

– Между Асьютом и Миньей, мистер, – отозвался проводник. – Вы будете чай или кофе на завтрак?

– Я позавтракаю в вагоне-ресторане, – ответил Камински.

Артур сомневался, что можно при такой тряске выпить чаю из полной чашки, не пролив.

Утренний туалет потребовал поистине акробатической ловкости и спокойствия йога – из старомодного никелевого крана вода едва текла. Камински набирал драгоценную воду в ладони, и каждый раз, когда пригоршня наполнялась и Артур уже готов был поднести ее к лицу, вагон дергался, и все усилия становились напрасными. О бритье нечего было и думать. Камински явился на завтрак злой.

В вагоне висел дым, свидетельствующий о том, что ломтики белого хлеба уже превратились в угли.

Артур сел за стол, застеленный белой скатертью, заказал чай, белый неподжаренный хлеб и желтый мармелад. Ему казалось, что за ним постоянно наблюдают, и никак не мог выбросить эти мысли из головы. Он намазал хлеб маслом и джемом.

– *Excuse me!* – Перед Артуром стоял молодой человек, который за ним наблюдал. – Извините, – повторил он по-немецки, – могу я присесть рядом с вами?

– Я не могу вам в этом помешать, – неохотно буркнул Камински.

– Меня зовут Майк Макорн, я журналист из Германии. – Артур не реагировал, и молодой человек спросил: – Вы ведь Артур Камински, человек, обнаруживший мумию царицы?

– Я не Камински. И вообще представления не имею, о чем вы говорите, господин...

– Макорн. Майк Макорн.

– Как вас зовут, меня тоже не интересует. Я хотел бы спокойно позавтракать, если позволите.

Незнакомец упорствовал. Вынув из кармана пиджака газетную вырезку, он укоризненно сказал:

– Послушайте, мистер Камински! Я пролетел три тысячи километров, тряс-

ся, не смыкая глаз, в этом богом проклятом поезде, и все это только ради того, чтобы поговорить с вами!

Макорн положил газетную вырезку перед Камински. В статье на три колонки под названием «Сокровище Абу-Симбел» была фотография с надписью: «Артур Камински – человек, нашедший мумию, или мошенник?»

Камински пробежал глазами страницу. Репортер не спускал с него глаз. Артур поднял глаза и более дружелюбно сказал:

– И что вы хотите узнать? Здесь же все написано!

Он с равнодушным видом отодвинул вырезку, хотя был смертельно напуган. Ему хотелось вскочить и бежать куда глаза глядят. Но чем бы это помогло делу?

Макорн сладко улыбался. Он был уверен в успехе дела и знал, что теперь Камински не удастся уйти от разговора.

– Я хочу знать все, господин Камински. Не больше, но и не меньше. К примеру, какую роль во всем этом деле сыграла доктор Хорнштайн.

– Оставьте ее в покое! – Камински разозлился.

Но это не напугало молодого человека.

– Вы, скажем, испытывали симпатию к этой женщине и, уступая ее желанию, решили скрыть мумию. Так ведь? Поэтому вы так поступили?

Камински без аппетита жевал белый хлеб, потом в который раз помешал чай. Он поглядел на желто-зеленый нильский пейзаж, проносившийся за окном, как на киноплёнке, и равнодушно ответил:

– Насколько мне известно, мумию уже доставили в Каир. Я больше не хочу об этом слышать. Оставьте меня в покое.

Камински еще никогда не имел дела с репортерами. Он не знал, как нужно общаться с людьми подобного сорта, и сразу показал Макорну, что слабее его.

Журналист вытащил из черно-желтого портсигара тонкую сигарету, прикурил и выпустил струйку дыма.

– Наша беседа вам ничуть не навредит, – сказал он и, не дождавшись ответа, продолжил: – Послушайте, господин Камински. Вы, конечно, можете сделать вид, что ничего не знаете, но не думайте, что это вам поможет. Прежде всего, не воображайте, что сможете выбраться сухим из воды. Если вы мне не дадите правдивой информации, я вынужден буду выдумать, а придуманная информация будет вам, возможно, еще более неприятна, чем правда. Я так или иначе напишу свою статью. Хотя бы для того, чтобы окупить издержки. Вы должны это четко понимать, господин Камински.

Грубые угрозы журналиста возымели свое действие. Камински задумался. Он, конечно, не знал, какой информацией уже обладает Макорн, но боялся, что этот человек может натворить много бед. Прежде всего Камински поинтересовался, стало ли известно местонахождение Геллы Хорнштайн.

Гелла не выходила у него из головы, овладевая им все больше и больше. И чем больше времени проходило с той ночи в отеле Асуана, тем сильнее становилось это чувство. Со временем Артур даже начал преуменьшать значение случившегося той ночью.

Конечно же, Гелла не думала его убивать. Может, она просто хотела сделать его на время недееспособным. Или же она мечтала достичь чего-то, что для него и теперь оставалось загадкой. У Камински снова возникло чувство, что между ними существует какая-то связь, и эта мысль его завораживала. Он

также ощущал своеобразную связь с прошлым, которой не мог найти объяснение.

Таких моментов в последние дни было все больше, поэтому Камински хотел разыскать Геллу. Разговор с ней, конечно, смог бы все прояснить: теперь мумия не стояла между ними.

Майк Макорн заметил, что собеседник глубоко задумался, и решил ему не мешать, чтобы не злить понапрасну. По личному опыту он знал, как трудно переубедить человека, который один раз уже сказал «нет».

Реакция Камински явилась для репортера полной неожиданностью.

– Почему вы, собственно, спрашиваете меня? Почему бы не спросить об этом доктора Хорнштайн?

Вопрос был поставлен ловко. Теперь Макорн вынужден был ответить той же монетой.

– Я не знаю, где скрывается доктор Хорнштайн. Ее след теряется в Асуане. Она как сквозь землю провалилась. Может, вы знаете, где она находится?

Камински отодвинул чашку.

– Нет, – мрачно ответил он. – А если бы и знал, то наверняка не сказал бы вам. Отношения с Геллой Хорнштайн – это мое личное дело.

Сам того не желая, Камински соглашался на интервью. Артур и не заметил, как между ними завязался разговор.

– Я мог бы быть вам полезен. Если вы, конечно, хотите... Я могу помочь в деле Геллы Хорнштайн. Знаете, у нас, акул пера, свои методы работы.

Камински насторожился. Он много слышал о репортерах, которые разыскивали пропавших людей в далеких странах. Адольфа Эйхмана, уничтожавшего евреев во время Второй мировой войны, спецслужбы найти не смогли – его отыскивали журналисты. Может быть, этот мерзкий тип поможет ему отыскать Геллу?

Он понятия не имел, как организовать поиски Геллы, с чего начать. Придется ли ему искать ее в Асуане, Луксоре или даже в Каире? Может, стоит добраться до оживленного города и немного оглядеться? Возможно, придется обойти все отели. Об этом Камински еще не думал. А вдруг этот человек был послан ему небом?

– Послушайте, – Камински решил начать издали. – Вам интересна моя история?

– Поэтому я и приехал сюда.

– Единственное, что мне нужно, – это найти Геллу Хорнштайн. Ваша статья меня совершенно не интересует. Но если такова цена, которую я должен заплатить за поиски Геллы, я готов. При условии...

– Какие условия?

– Вы пишете правду. Только то, что я вам расскажу, и никаких домыслов.

– Договорились! – Макорн протянул через стол руку.

Несомненно, у Камински и в мыслях не было рассказывать все Макорну. Он, конечно же, не стал бы ему говорить о своей зависимости от Геллы. А то, что он собирался продать мумию, – почему бы и нет? Мысли не караются законом, а историю эту можно проверить. Камински ничего другого не оставалось, как сделать официальное признание.

– Вы любите эту женщину? – Макорн вернул Камински к действительности.

– Да, я люблю эту женщину, – серьезно ответил Артур. – С тех пор так много всего произошло. Я должен с ней поговорить.

– Где, по вашим предположениям, она находится? Есть ли такое место, где она могла бы остановиться?

Камински задумался.

Гелла, доктор Хорнштайн, в последнее время стала непредсказуемой. Она говорит такое и делает такие вещи, которым нет логического объяснения. Иногда мне даже кажется, что она потеряла рассудок, но...

– Но?

– Но этого не может быть. Видите ли, Гелла Хорнштайн образованная, умная женщина. Я в жизни не встречал женщины красивее и умнее, чем она.

Макорн, скрестив руки, оперся на стол и взглянул на запятнанную скатерть. Его поразили восторженные слова Камински.

– Думаю, ум здесь ни при чем, – задумчиво сказал он. – Опыт показывает, что как раз у образованных людей чаще проявляются шизоидные симптомы. Великие люди, корифеи в своей области, в общении с семьей или с обычными людьми вне их профессии часто ведут себя неадекватно.

«Шизофрения!» – мысль блеснула в голове у Камински, стегнув его, словно кнутом. Он уже и сам думал об этом. Но не в связи с Геллой. Камински думал о собственной психике. И перед его глазами вновь возникло иссохшее лицо мумии, которое он видел в приемной у Геллы, и мумия, что лежала на постели вместо Геллы. Может, это ему привиделось, а может, и нет. В любом случае он не мог не осознавать, что пережил все в довольно странной форме. Разве не могло быть, что он страдает галлюцинациями?

«Люди, которые сомневаются в своем рассудке, – сказал он себе, – не могут страдать шизофренией. Больны только те, которые утверждают, что совершенно здоровы». Камински ощутил, как работает его мозг, как осколки памяти складываются в причудливую мозаику, собирая и сопоставляя факты, чтобы найти всему достойное объяснение. Но эти мысли только мучили его. Он устал, разозлился и не мог продвинуться дальше в своих размышлениях.

Поезд проезжал Минью – грязный провинциальный индустриальный город. До Каира оставалось еще три часа. Камински и Макорн решили продолжить разговор в купе.

Спальное купе теперь превратилось в комфортабельные апартаменты, проводник убрал полку, и они устроились на бархатной обивке сидений.

Камински это было на руку. Ему казалось, что теперь репортер на него меньше смотрит. Разговор между ними продолжался, но оба теперь смотрели в окно. Зелень нильской долины и мелькающая река действовали успокаивающе.

Постепенно Камински стал больше доверять настойчивому репортеру. Он был даже рад, что встретил Макорна: до этого у него не было возможности поговорить с незнакомым человеком о своих проблемах с Геллой. Хотя Макорн был молод (ему едва ли исполнилось двадцать восемь), у него уже накопился достаточный опыт общения с людьми, а живость мысли и умение осветить проблему со всех сторон никак не вписывались в представления Камински о репортерах.

Поезд тащился в северо-восточном направлении, и обоим казалось, что скорость его увеличивается по мере приближения к городу. Камински расска-

зывал, как случайно наткнулся в своем строительном бараке на вход в гробницу и как поделился тайной с неприступной доктором Хорнштайн, тем самым завоевав ее расположение. Он рассказал об их страстном влечении друг к другу, и о непонятных символах, проступивших на руках, и о зеленом скарабее, которого сжимала в руке мумия и которого потом Гелла Хорнштайн берегла как зеницу ока.

Макорн делал записи, покачивая головой, если местами повествование Камински казалось ему фантастичным и невероятным.

– Я понимаю, – сказал ему Камински, – что некоторые моменты этой истории характеризуют меня как человека несерьезного. Возможно, вы считаете даже, что я несколько преувеличиваю.

– Ни в коем случае! – перебил его Майк Макорн. – Я не сидел бы сейчас перед вами, если бы писал об обыденных вещах.

– Значит, вы мне верите?

– Конечно. Жизнь состоит из невероятных моментов. Газеты и журналы только поэтому и существуют. Повседневность не заслуживает того, чтобы быть описанной. Но в любом случае вам нужно объяснить, как все произошло.

– Объяснить? Зачем? находка мумии – то был случай, просто случай!

– Я не это имею в виду. Я говорю о последующих событиях.

Камински покачал головой.

– Вы, журналисты, всегда хотите знать подоплеку истории.

– Совершенно верно. Но не из личного любопытства, скорее из-за читателя. Читатель хочет знать, какие причины стали катализаторами той или иной истории. Следовательно, все, что вы рассказали, – это только половина истории.

Камински даже обрадовался, что не выложил Макорну все факты. Он мог себе представить реакцию журналиста, если бы рассказал, как хотел переспать с Геллой, а она в следующий момент превратилась в мумию Бент-Анат. Возможно, он счел бы его сумасшедшим.

Макорн попытался подойти к делу с другой стороны.

– Скажите, – неожиданно спросил он, – а что там за история с зеленым скарабеем?

Камински поднял брови. Он до сих пор не придавал этому значения. Он, правда, как-то задумался, почему Гелла не растает с этой вещицей, но, так и не найдя объяснения, забыл об этом. Он не мог себе представить, что таинственные видения могли быть связаны с этим жуком. Макорн же чувствовал, что в скарабее скрыта некая символика заупокойного дара.

– Я не понимаю, к чему вы клоните, – задумчиво ответил Камински. – Зеленый жук величиной с куриное яйцо. Может поместиться в кулаке. Таких множество. Они были символом бога солнца и служили умершему амулетом. Иногда на их тыльной стороне делались надписи.

– На том скарабее, которого вы вынули из кулака царской мумии, тоже была надпись?

– Да, конечно. Я помню крошечные иероглифы.

– Но значения этих символов вы не знаете?

– Откуда я могу их знать? Я инженер, а не археолог. Да и тем с трудом удастся расшифровать подобные надписи.

– А доктор Хорнштайн?

– Странное дело... Гелла иногда выказывала ошеломляющие познания в истории Древнего Египта. Однажды она меня очень удивила, продекламировав непонятный текст, и могу предположить, что он был на древнеегипетском языке. И когда на руках у нас появились странные символы, Гелла испугалась больше, чем я. Я видел на своих руках лишь красные знаки, а она, казалось, поняла их значение и сделала все, чтобы я его не узнал.

– Но вам ведь удалось узнать их смысл?

– Да. На моих руках отпечаталось имя Рамсеса, на руках Геллы – Бент-Анат.

– А что стало со скарабеем? Он до сих пор у Геллы Хорнштайн?

– Я в этом уверен. Она всегда держала эту вещицу при себе.

Макорн поднялся и, задумавшись, встал напротив окна купе. Он уже не раз имел дело с невероятными историями. Он работал с шулерами, убийцами и шпионами, и у него развился уникальный дар подталкивать к разговору, который никак не хотел завязываться. С Камински ему тоже это удалось. Но, как выяснилось, за отдельным случаем, о котором уже неоднократно писали газеты, скрывается более сложная история. Конечно, находка царской мумии – неординарное событие, но постепенно Макорна все больше стали интересоваться отношения между Камински и Геллой Хорнштайн.

Макорн понимал, что не следует давить на собеседника. Лучше будет, если Камински вообще не заметит, что история с археологической находкой интересует журналиста меньше, чем роковая любовная связь. Конечно же, он понимал, что Камински рассказал не все. Но этого он и не мог требовать от человека, которого знал всего лишь пару часов. Прежде нужно было завоевать доверие Камински.

Макорн закурил, разогнал дым рукой и сел на место. Он по привычке выпустил дым через нос и спросил, глядя в окно:

– Как вы думаете, где будет Гелла, когда вы ее встретите?

– Трудно сказать, – ответил Камински. – Можно только констатировать, что она убежала.

– Почему она убежала?

Камински вздохнул.

– На то может быть множество причин. Может, из-за того, что ее замысел раскрылся. А может, думает, что совершила коварное убийство. Или... – Камински запнулся и, подумав секунду, продолжал: – В Абу-Симбел ходили слухи, что советская секретная служба заслала агентов на стройплощадку. Двоих я знаю лично, я им даже помог бежать. Но кто может сказать, что эти двое – единственные шпионы Москвы в Абу-Симбел?

– Вы же не думаете, что Гелла Хорнштайн действительно могла работать на КГБ? Какое значение тогда имела мумия Бент-Анат? Были ли причины, чтобы такое предполагать?

Камински отрицательно покачал головой.

– Однажды я обнаружил в квартире Геллы письмо, напечатанное по-русски на машинке. Оно лежало на кровати, адресат не значился. Гелла испугалась, когда я заговорил о письме, и спросила, не говорю ли я по-русски. А когда я сказал что не знаю русского, она рассмеялась. Сегодня я могу сказать, что она рассмеялась с облегчением и спрятала письмо в шкатулку, сказав, что это ее старый друг по переписке. Она учила русский язык в школе, но теперь ей уже

трудно переводить письменный текст. Тогда мне это показалось убедительным.

– Интересно, – заметил Макорн и стряхнул пепел с пиджака. – Возможно, вся эта история примет совсем иной оборот. Если я правильно понял, вы допускаете, что у доктора Хорнштайн земля горит под ногами и она решила скрыться, когда приобрела столь широкую известность? В этом случае, господин Камински, у нас на руках плохие карты.

– Что вы хотите сказать?

– Мне часто приходилось сталкиваться со шпионажем. И зачастую это была конфронтация американцев и русских. Я немного знаком с методами работы ЦРУ и КГБ – они похожи как две капли воды. Думаете, американские агенты приличнее русских? Они из кожи вон лезут, чтобы получить информацию, а потом пытаются выйти сухими из воды.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что у нас плохие карты на руках?

– Тайные службы больше всего боятся, что агент засветится и станет газетной сенсацией, пусть даже это и не будет связано с агентурной деятельностью. Известный агент – это плохой агент. Опыт показывает, что такие агенты долго не живут.

Камински взглянул Макорну в глаза. Журналист сбил пепел в пепельницу под окном.

– Мне очень жаль, если я вас напугал. Но таково положение, в котором находится сейчас Гелла Хорнштайн. Если, конечно, дело обстоит именно так, как мы предполагаем. Скажем себе честно: найти эту женщину будет нелегко. По крайней мере, у нее были причины замести за собой следы.

42

Прошло две недели с тех пор, как стало известно о на ходке мумии. Всеобщее возбуждение было велико, так как мумию попытались тайно вывезти за границу. Возникло даже сомнение, что это мумия именно Бент-Анат. Английские археологи, наиболее авторитетные в Египте в последние сто пятьдесят лет, колебались, так как само место было не характерно для царского захоронения. А то, что вторая жена была похоронена всего в нескольких десятках метров от храма Нефертари, любимой жены Рамсеса, некоторые специалисты считали вообще невозможным.

Желтая туманная осень в этом году была особенно приятной. В Каире уже несколько дней стояла чудовищная жара. Серые облака песка, закрывавшие днем солнце, и внезапные порывы ветра не приносили желанной прохлады. В эти дни выросло количество дорожно-транспортных происшествий, были даже со смертельным исходом.

Профессор эль-Хадид, лысеющий патолог и специалист по мумиям, тоже страдал от погоды. Раскаленный воздух слоился над восточными горами, от парализующей, давящей жары лицо покрывалось липким потом. Однако для эль-Хадиды это был великий день.

Вот уже двадцать лет, как он занимался патологической анатомией – наукой, которая удивляла большинство ученых. Он изучал мумии. Это было менее популярным занятием, чем археология, но не менее важным в исследовании истории Древнего Египта.

В то утро эль-Хадид одним из первых появился в институте. На нем был двубортный льняной пиджак, который выгодно скрывал плотное телосложение. Освещать сегодняшнее событие были приглашены не только ученые, но и журналисты всего мира. Он чувствовал себя Говардом Картером, который сорок пять лет назад публично объявил о гробнице Тутанхамона.

По договоренности с членами комиссии, в которую входили египтологи доктор Хассан Мухтар, Ахмед Абд эль-Кадр из Египетского музея и немецкий археолог Иштван Рогалла, часть повязок с мумии должна быть снята, по возможности с наименьшими повреждениями, чтобы исключить все сомнения.

Кольцо-печатка или нагрудный скарабей, на котором было бы указано имя мумии, отсутствовали. Поэтому не было никаких доказательств, что в именном саркофаге лежала действительно мумия Бент-Анат. В истории египтологии было достаточно случаев, когда фараоны лежали в саркофагах других царей.

Забываясь о популярности, профессор эль-Хадид организовал исследование в большой аудитории своего института. Конечно, понадобилось перенести сюда множество инструментов и приборов, но зато в зале смогло разместиться больше сотни зрителей.

Мумия лежала на носилках под большим белым покрывалом. В десять часов все приглашенные заняли свои места. В напряженном гуле голосов слышалось волнение, как перед театральной премьерой. Фотографы с дорогостоящими камерами занимали первый ряд. Две кинокамеры расположились по бокам аудитории. Сюда и вошел профессор эль-Хадид в сопровождении Рогаллы, Абд эль-Кадра и доктора Мухтара.

Эль-Хадид не ожидал такого в день своего профессионального триумфа:

присутствующие бурно аплодировали, словно не профессор вошел, а знаменитый актер взошел на подмости. Эль-Хадид неуклюже поблагодарил всех, как послушник перед первым обетом.

Эль-Хадид, Рогалла и эль-Кадр заняли места у носилок. Доктор Мухтар выступил перед собранием и кратко описал то время, которым датировалась мумия, рассказал о семейных отношениях Рамсеса II. Мухтар не затронул обстоятельств, при каких мумия была найдена и привезена в Каир, но сделал ударение на том, что именно он возглавлял раскопки.

Патолог ограничился общими фразами об исследовании мумий и по поводу первичных результатов обследования объекта, как он называл мумию. Хроматографические анализы, помогающие установить возраст органических веществ, показали, что смола и жир, использовавшиеся при мумификации, относятся ко временам Нового Царства. Сопоставительный анализ мумий Сети I и Рамсеса II дал такой же результат. Радиоуглеродный анализ тела тоже подтвердил возраст мумии, при этом были исследованы волосы мумии на предмет интенсивности уровня радиации. Все организмы содержат углерод, который после смерти постепенно распадается под действием космической радиации, и интенсивность распада можно измерить. Анализ определил возраст мумии в три тысячи двести двадцать лет, с поправкой в плюс-минус пятьдесят лет. Следовательно, женщина умерла около тысяча двести пятидесятого года до нашей эры.

По рядам пробежал одобрительный шепот.

– Но где доказательства? – выкрикнул один из журналистов. – Все это еще не доказывает, что это жена Рамсеса! Теоретически это может быть любая мумия того времени!

– Вы совершенно правы, – пришел на помощь профессору Мухтар, – поэтому мы и назначили эту встречу. Я вскрыю мумию. Мы очень надеемся найти указания имени царицы.

– Это правда, что ее нашел инженер из Абу-Симбел и украл заупокойные дары?

После вопроса английского журналиста воцарилось гробовое молчание.

Четверо «актеров» стояли у накрытой мумии, беспомощно поглядывая друг на друга.

Наконец Рогалла ответил:

– Точные обстоятельства открытия гробницы все еще неизвестны. Насколько мы знаем, были некоторые недоразумения, но сейчас проводится подробное расследование. Мы не нашли заупокойных даров, по которым можно было бы установить принадлежность мумии. Были ли эти заупокойные дары (а они определенно существовали) украдены ранее или же сейчас, еще предстоит выяснить. Пожалуйста, поймите, я не могу рассказать об этом больше.

Репортеры бегло делали записи, и тут последовал второй вопрос:

– Профессор, у вас нет опасений, что при вскрытии мумии может произойти распыление каких-нибудь отравленных спор или бактерий? В последнее время так много говорят о «проклятии фараонов».

Эль-Хадид поправил очки с толстыми линзами и обратился к задавшему вопросу:

– Вы говорите о *Aspergillus niger*. Этот ядовитый грибок в гробницах открыли американские ученые. Бактериологический анализ, проведенный профес-

сором эль-Навави из Института химии, не выявил заражения. Напротив, профессор эль-Навави назвал мумию абсолютно чистой.

Не отвечая на дальнейшие расспросы репортеров, профессор кивнул ассистенту, который протянул ему белый халат и резиновые перчатки. Он же подкатил столик с инструментами. Там лежало все необходимое для анатомирования.

Тогда эль-Хадид снял простыню с мумии. Сдержанные возгласы прокатились по рядам зрителей. Сверкали вспышки фотоаппаратов. Она лежала обернутая в желто-коричневые повязки, руки скрещены на груди, пустые глазницы вперились в потолок.

Потребовалось время, пока зрители, и прежде всего фотографы, успокоились. В зале снова воцарилась тишина. Только тогда профессор подошел к столику с инструментарием. Он взял скальпель в правую руку, в левую – большой пинцет, вернулся к мумии и встал лицом к аудитории. Снова замелькали вспышки, и профессор эль-Хадид попросил фотографов следующие несколько минут не снимать. Среди журналистов раздался недовольный гул.

С плеч и груди мумии бандажи были уже сняты. Состояние покрова говорило о том, что это сделали недавно. Руки были без повязок, но бандаж под ними был смазан смолой и маслом и превратился в панцирь, будто бы вырезанный из дерева.

Эль-Хадид и египтологи решили освободить грудную клетку мумии от повязок. Именно там они надеялись найти подтверждение принадлежности мумии. Чтобы приподнять руки, скрещенные над грудной клеткой, профессор решил использовать длинные стальные хромированные зажимы.

Эль-Хадид уверенным движением сделал разрез вниз от горла. Несмотря на хрупкость, материал оказался очень крепким, и профессор должен был провести скальпелем еще несколько раз, пока засмоленная оболочка не разошлась. В аудитории повисла напряженная тишина. Зрители, наблюдавшие вскрытие впервые и прежде лишь слышавшие об этом, отводили глаза в сторону. Они находили процедуру слишком натуралистичной.

Под приподнятыми руками, которые крайне затрудняли работу, профессор один за другим сделал еще несколько разрезов. Как вдруг Хассан Мухтар, наблюдавший за движениями эль-Хадиды, дал знак прекратить. Только отдельные зрители заметили растерянность на лице профессора. Теперь это увидел и эль-Кадр. Он вопросительно посмотрел на Рогаллу, но тот лишь беспомощно пожал плечами.

В пылу энтузиазма эль-Хадид не заметил золотого овала, блеснувшего между слоями повязок. По знаку Мухтара профессор остановился. Зрители были озадачены, но эль-Хадид отреагировал радостно, потому что в отличие от археологов первым заметил, что речь не может идти о древнем предмете.

Под взволнованные ахи публики он кончиками пальцев выудил золотой овал из-под повязок и протянул Мухтару. Мухтар положил предмет на ладонь скорее с отвращением, нежели с восторгом. Разразилась новая буря вспышек. Он поднял свободную руку и произнес какие-то слова, но они утонули во всеобщей суматохе.

– Господа, – закричал он взволнованным зрителям, – вы слишком рано обрадовались!

С этими словами он передал золотой овал Ахмеду Абд эль-Кадру. Тот много-

значительно покрутил головой и протянул вещь Рогалле. Внимательные зрители должны были заметить, что Рогалла едва сдерживает смех. Он тоже покачал головой.

– Господа! – вновь попытался докричаться до публики Мухтар. Эль-Хадид все понял, и на его лице застыл ужас. – Найденный объект никак не может быть заупокойным даром времен Рамсеса. Изделие явно современное. На нем даже есть надпись на итальянском и немецком языках... Здесь больше может сказать наш немецкий коллега Иштван Рогалла.

Рогалла взял медальон двумя пальцами и показал его окружающим. Снова защелкали затворами камеры и замелькали вспышки.

– Очевидно, это поклонник из нашего времени, – сказал Рогалла. – На нем есть дарственная надпись: «Твой навеки А. К.»

Воцарилась гробовая тишина. Мухтар, эль-Кадр и эль-Хадид растерянно смотрели в пол. Только Рогаллу, казалось, веселила эта неожиданная находка.

Английский репортер, который уже задавал вопросы, и в этот раз оказался первым. Он провокационно обратился к Мухтару:

– А что скажет об этом наука?

Все глаза устремились на Хассана Мухтара. Он понимал, что, ответив неправильно, прилюдно осрамится. Он боялся, что его и мумию, о находке которой он публично заявил, высмеют. И ему захотелось остановить это исследование, а позже он выступит на пресс-конференции и объяснит происшествие. Но потом он понял, что это лишь усугубит ситуацию, приведет к скандалу и обвинениям в непрофессионализме.

Пока эль-Хадид продолжал работу, разрезая один слой бандажа за другим, он попытался объяснить журналистам, что с момента обнаружения мумии до ее поднятия прошло некоторое время. За это время мумия стала объектом спекуляций. Он, Мухтар, не знает, что в это время происходило с ней. Он ничего не может сказать по поводу происхождения амулета, хотя у него и есть некоторые подозрения.

Лучше бы Мухтар удержался от последних слов, потому что теперь на него навалились с вопросами репортеры. Посыпался шквал вопросов, началась перепалка, в ходе которой все пропустили момент, когда профессор эль-Хадид обнаружил на груди у мумии свернутый хрупкий кожаный лоскут, на котором стояло имя Бент-Анат.

43

В это же время в отеле «Омар Хайям» произошел странный инцидент, которому солидная газета «Аль-Ахрам» даже посвятила одну колонку.

Элегантно одетая дама завтракала на террасе отеля. Она была единственной европейкой, которая могла переносить жару на улице. Остальные постояльцы предпочли сидеть в душной столовой с витражными стеклами справа от входа.

Завтрак в отеле «Омар Хайям» был настоящим событием, впрочем, как и в остальных египетских отелях. Официанты в белых длинных одеждах выкладывали для каждого гостя две порции джема и один завернутый кусочек масла. Только чаю было в избытке.

В каирском отеле путешествующая в одиночку дама всегда привлекает внимание. А уверенная женщина, не лишенная красоты, привлекала внимание вдвойне. Постояльцы отеля гадали, кто эта интересная дама. Может быть, имеет смысл пригласить ее на ужин на корабль, стоявший на якоре рядом с гостиницей?

Женщина в отеле только завтракала. Часто можно было видеть, как сразу после завтрака она покидает «Омар Хайям», а то, как поздно она возвращается, было известно только ночному портье за стойкой администратора.

Ее гордость, отпугивающая мужчин, никак не была связана с ночными прогулками. От нее исходило некое достоинство, которое редко присуще женщинам ее возраста. Нужно было быть крайне самоуверенным, чтобы делать комплименты такой женщине.

Мужчина, который в то утро приблизился к ее столику – американец примерно пятидесяти лет, – был очень самоуверен. Он представился: Ральф Николсон, у него фабрика по обработке хлопка в Чикаго. «Вы знаете такой город? Позвольте рядом с вами присесть! Вы выглядите просто ослепительно. *Congratulations!*[3]»

Не враждебно, но и не особенно дружелюбно дама ответила, что Чикаго не знает, а что касается второго вопроса, то помешать сесть рядом она никак не сможет. Она уже позавтракала и как раз собиралась уходить.

Николсон был сбит с толку, потому что прекрасная незнакомка так и не назвала своего имени. Но он не сдавался и вежливо спросил, находится она здесь по делам или ее интересуют достопримечательности страны.

Дама уклонилась от ответа, сказав, что, даже приехав в эту страну по делам, не удастся пройти мимо достопримечательностей. Приглашение на совместную экскурсию она вежливо, но твердо отклонила. У нее, мол, нет времени.

Она допила чай и уже готова была попрощаться с дружелюбным американцем, как вдруг схватилась за грудь и вскрикнула, как будто ее укололи в сердце. Потом без сознания опустилась на стул.

Николсон вскочил, попытался ее поднять, но женщина клонилась вперед и, казалось, вот-вот упадет на пол.

На крик сбежались гости и персонал отеля. Портье примчался со стаканом воды и побрызгал женщине в лицо, но это не помогло.

– Жара, это все от жары! – причитал он.

Прошло всего несколько минут, и на место происшествия под вой сирен

примчалась карета «скорой помощи». Два санитар в белых халатах положили даму на носилки и отнесли в машину. «Скорая» уехала.

Машина проехала всего несколько сот метров. На въезде на мост 26-го июля она попала в пробку. Несмотря на сирену, о быстрой езде не могло быть и речи. Вторая пробка у Андалузского сада была вызвана несчастным случаем. Понадобилось двадцать минут, чтобы «скорая» наконец добралась до клиники «Ибу-эн-Нафис».

Когда санитар открыл дверь автомобиля, оказалось, что пациентка исчезла. Имя пропавшей было Петра Крамер. Так сообщала газета «Аль Ахрам».

Камински и Макорн остановились у отеля «Нил Хилтон» на Авеню-эль-Корнише. Отель находился в центре города, и из его окон открывался великолепный вид на Нил и старый город. Инженер и репортер начали доверять друг другу. Камински чувствовал в газетном журналисте не только профессиональный интерес к этому делу. Макорн хотел отыскать Геллу Хорнштайн, а именно это и нужно было Камински.

Они ходили по городу весь день. Они разговаривали то в большом холле гостиницы, то за столиком кафе «Каср-эль-Нил» на другом берегу Нила. Макорн выкурил бесчисленное количество сигарет, а Камински опрокинул в себя полдюжины чашек красноватого холодного чая.

Макорн познакомился с подоплекой истории – прежде всего со своеобразными отношениями между Камински и Геллой Хорнштайн – и постепенно пришел к выводу, что Камински зависел от этой женщины. В любом случае между обоими существовала тайная связь, чувство, которое проявлялось то как ненависть, то как любовь.

Искать человека в Каире все равно что рыться в стогу сена в поисках иголки, особенно если двое мужчин ищут женщину. Камински, может быть, и сдался бы, но для такого человека, как Макорн, это был вызов.

«Если Гелла остановилась в Каире, – думал Макорн, – значит, она должна была выбрать отель, в котором останавливаются европейцы». Хотя гостиниц и пансионатов в Каире было несколько сотен, из-за строгих въездных правил в распоряжении европейцев таких отелей было всего несколько штук. Репортер рассказал портье из «Нил Хилтон» душещипательную историю о том, что он познакомился с женщиной, но не знает ее имени и хочет ее снова увидеть. Он предполагал, что она остановилась в одном из отелей Каира.

Немногим позже Макорн появился с листом в руке, на котором были адреса и названия двенадцати отелей: «Шефиардз» на Шариа-Эльхами, «Континенталь Савой» на Мидан-Опера, «Семирамис» на Шариа-Эльхами, «Каср-эн-Нил» на Шариа-Каср-эн-Нил, «Атлас» на Шариа-Банк-эль-Гумхурия, «Пальмира» на Шариа-26-го июля, «Националь» на Шариа-Талаат-Хаб, «Клеопатра» на Шариа-эль-Бустан, «Гранд Отель» на Шариа-26-го июля, «Амбассадор» на Шариа-26-го июля, «Виктория» на Шариа-эль-Гумхурия, «Исмаилиан Хаус» на Мидан-эт-Тахрир. Отели для туристов были записаны отдельно: «Мена Хаус», «Гелиополис Хаус» и «Гарден Сити», но о них не могло быть и речи.

За десять фунтов Камински нанял такси, и они приступили к поискам.

Старомодный «Шефиардз» британских колониальных времен и современный отель «Семирамис» находились у нильских причалов.

Наученный репортерской жизнью, Макорн решительно положил на стойку портье в отеле «Шефиардз» листик с именем Геллы Хорнштайн и один фунт и спросил, не поселилась ли в этом отеле женщина под таким именем. Первая попытка оказалась неудачной. Посещение отеля «Семирамис» тоже не принесло Макорну и Камински результата, но здесь репортер обнаружил газету «Аль-Ахрам», где на первой странице было фото Бент-Анат и нескольких ученых, проводящих исследование. Крупным планом был снят медальон с надписью «Твой навеки А. К.».

– Это же мой медальон! – взволнованно закричал Камински. – Я его пода-

рил Гелле. Как он попал на передовицу этой газеты?

Макорн попросил портье перевести статью, но тот сказал, что это событие есть на передовицах всех газет, даже англоязычных. Камински пошел в газетную лавку. «Дейли Телеграф» сообщала большими буквами: «Секрет мумии Бент-Анат». В этой газете тоже была помещена фотография медальона.

В статье было написано: «При осмотре мумии из Абу-Симбел были обнаружены фрагменты одежды с именем Бент-Анат. Этого и ожидали эксперты. Совершенно неожиданно они натолкнулись на золотое украшение, на котором была дарственная надпись на немецком языке: «Твой навеки А. К.». Медальон был спрятан в бандаже мумии. Это указывает на то, что мумию Бент-Анат, дочери и жены Рамсеса II, нашли задолго до официального открытия гробницы и обращались с ней ненадлежащим образом. Возможно, в последнюю минуту удалось уберечь мумию от нелегального вывоза за рубеж».

– Это же мой медальон! – повторил Камински и ткнул пальцем в газету.

Макорн попытался его успокоить. Его поведение уже начало привлекать внимание постояльцев гостиницы. Поэтому репортер увел Камински в сторону.

– «А. К.» значит «Артур Камински»?

– Ну конечно, а что же еще! – ответил Артур. – Я не понимаю, как мог медальон попасть к мумии.

Холл отеля «Семирамис» не подходил для глобальных раздумий. Макорн успокаивал Камински, но мысли журналиста были уже далеко. Он думал, какую цель преследовала Гелла Хорнштайн, вставив в бандаж медальон. Ведь это, без сомнения, сделала она. Хотела ли она унижить Камински, высмеять или уничтожить? Может, тот о чем-то умолчал? Почему она это сделала?

Но Камински лишь беспомощно смотрел на Макорна и отрицательно мотал головой.

– Я не знаю, – бормотал он, – я действительно не знаю. Что я ей сделал? Я ведь любил Геллу, я верил, что она ответит на мою любовь.

– Любовь слепа, – возразил Макорн, – банальная поговорка, но я не знаю другой, которая бы так правдиво отражала действительность.

– Вы думаете, Гелла была совершенно безразлична ко мне? Послушайте, но ведь когда я приехал в Абу-Симбел, то поклялся держаться от женщин подальше. У меня были на то свои причины. Но я встретил эту женщину. Вначале она была холодна и неприступна, но когда мы сблизились, между нами возникла такая страсть, какой я не испытывал ни с одной женщиной. Вы думаете, что я был слеп?

– Но ведь Гелла пыталась вас убить!

– Поначалу мне тоже так казалось. Сегодня я думаю по-другому. Должна быть какая-то иная причина, почему она сделала эту инъекцию. И я сам спрошу ее об этом. Я ее люблю, вы понимаете?

Конечно, Макорн понимал это. Нет ничего труднее, чем вернуть влюбленного в реальность.

– Понимаете, – задумчиво сказал Макорн, – под словом «любовь» скрываются самые разные определения. Есть виды насекомых, самки которых после спаривания поедают самцов.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что это тоже своего рода любовь. Мы этого не можем понять,

но это именно так.

Теперь у них был след, оставленный Геллой Хорнштайн. Хотя они пока не знали, где и при каких обстоятельствах Гелла вложила медальон в мумию, но то, что это сделала именно она, не вызывало сомнений.

Макорн предложил зайти в институт, где профессор эль-Хадид нашел этот необычный предмет, но Камински был решительно против. Конечно, есть шанс, что они нападут на след Геллы, но Артур опасался неприятных встреч. В его интересы не входили встречи со старыми знакомыми по совместному предприятию «Абу-Симбел». С одной стороны, он боялся, что ему припомнят, как он хотел продать мумию, и теперь будут относиться к нему подозрительно; с другой стороны, поступок Геллы может сделать его всеобщим посмешищем.

Наконец Макорну удалось уговорить его: он должен зайти под предлогом, что хочет забрать свой медальон.

Мумию тем временем вновь перевезли в Египетский музей. Там Макорн и Камински объявились на следующее утро в начале одиннадцатого и хотели видеть директора.

Сулейман, секретарь, хотел было их спровадить, объяснив, что у Ахмеда Абд эль-Кафра сейчас важное совещание по поводу находки небезызвестной мумии. Но Макорн заявил, что они хотят сообщить директору важную информацию относительно найденного у мумии медальона. Сулейман попросил подождать.

Приемная в музее была мрачная. От темных полок и запыленных фолиантов создавалось впечатление, что это секретариат директора тюрьмы.

Абд эль-Кадр показался в дверях, вид у него был недовольный. Когда он услышал, что Макорн – журналист, то насторожился. Только когда Камински объяснил, что именно он нашел мумию, и заявил, что сокращение «А. К.» на медальоне значит «Артур Камински» и что он подарил его доктору Гелле Хорнштайн, директор заинтересовался и пригласил посетителей войти.

Перед резным письменным столом спиной к двери стояли доктор Хассан Мухтар и Иштван Рогалла. Камински их сразу же узнал. Он хотел тут же развернуться и уйти, но Макорн втолкнул его в кабинет.

Мухтар был удивлен не меньше Камински, и приветствие вышло достаточно прохладным. Только Рогалла по-дружески пожал Артуру руку и поинтересовался его делами.

– Так вы знакомы! – с иронией заметил Абд эль-Кадр. – Мистер Камински хочет нам сообщить нечто, что касается медальона. Прошу вас, мистер Камински.

Артур без промедления все выложил:

– Все, что я хочу сообщить, достаточно банально. Медальон принадлежит мне. Буквы «А. К.» означают «Артур Камински», я подарил его два года назад Гелле Хорнштайн. Как он попал в мумию, не имею ни малейшего понятия.

Повисло молчание. Никто не сказал ни слова. Потом Мухтар нервно прошел к окну.

– Я мог бы догадаться! – в его голосе слышались нотки негодования. – Эта баба в Абу-Симбел всем вскружила головы. Они гонялись за ней, как кобели за последней сучкой. Тут уж Камински не стал сдерживаться:

– Да, и впереди всем известный Хассан Мухтар. Но все его попытки оста-

лись без внимания!

Мухтар обернулся. В его темных глазах горела ненависть. Он бросился к Камински, но Абд эль-Кадр вразумил археолога парой арабских слов. Мухтар вернулся на прежнее место.

– Я хотел бы узнать, где остановилась Гелла Хорнштайн! – сказал Камински.

Мухтар метнул в Камински злобный взгляд. Вместо него ответил эль-Кадр:

– Мы ничего не знаем, мистер Камински. Я думал, вы сможете дать нам какую-нибудь информацию.

Взгляд Камински упал на письменный стол эль-Кадра. Он еще с порога обратил внимание на расстеленный там белый платок. Теперь он заметил на нем темно-зеленого скарабея. Издалека он был точь-в-точь таким же, какой сжимала в руке мумия.

– Что это? – спросил Камински, обернувшись к Абд эль-Кадру.

Тот вопросительно посмотрел на доктора Хассана: должен ли он отвечать на вопросы инженера? По выражению лица Мухтара можно было понять, что он ничего не имеет против объяснения.

– Я спрашиваю потому, – продолжал Камински, – что как раз такого же скарабея, ядовито-зеленого цвета, я нашел у мумии.

Эль-Кадр, Мухтар и Рогалла смотрели на Артура так, будто не верили своим ушам.

– Вы нашли... – заговорил наконец эль-Кадр и вдруг запнулся.

Мухтар, в котором от удивления ненависть к Камински разгорелась еще больше, прорычал:

– Так почему же вы говорите об этом только сейчас? И кому вы продали скарабея? Вы... вы мошенник!

Злость Мухтара вызвала у Артура только улыбку, которая означала одно: «Ты не можешь меня обвинять!» Он возразил:

– До теперешнего времени у меня просто не было возможности сказать об этом. Во всяком случае, меня об этом никто не спрашивал. Я не продал скарабея, я его подарил.

– Подарили? – вскрикнули в один голос Мухтар, Рогалла и эль-Кадр.

– Доктор Хорнштайн проявила необычайный интерес к этому заупокойному дару... – И глядя на темно-зеленую фигурку на столе, он добавил: – Он был такого же размера и цвета, как и этот. Но вы так и не ответили на мой вопрос. Откуда у вас этот скарабей?

– Тоже от мумии, – ответил Ахмед Абд эль-Кадр. – Когда обнаружили медальон, то в переполохе эта находка осталась не замеченной публикой. Эль-Хадид нашел скарабея под последним слоем банджа, прямо на том месте, где должно было биться сердце Бент-Анат. Фигурка знакомая, па и место ее расположения соответствовало традициям того времени. Необычно только то, что написано на тыльной стороне скарабея.

Эль-Кадр перевернул скарабея и указал на выгравированные иероглифы.

– Ваш скарабей выглядел точно так же? Вы не могли бы припомнить?

Камински не потребовалось много времени на раздумья.

– Нет, – ответил он, – надпись здесь другая. Хотя я ничего не смыслю в иероглифах, но абсолютно уверен, что эта надпись не имеет ничего общего с той, что была на моем скарабее. Это совершенно точно.

Рогалла включился в разговор.

– Тем больше нас интересует этот скарабей. Вы считаете возможным, что тот скарабей все еще у доктора Хорнштайн?

– Несомненно! – заверил Камински. – Гелла все время держит скарабея при себе. Она относится к нему как к талисману. Она просто с ума сходит по этой вещице. Но когда я спросил ее, что же привлекательного и ценного в этой фигурке, она махнула рукой и промолчала.

Эль-Кадр сел за стол, взглянул на скарабея и спросил, не глядя на Камински:

– Доктор Хорнштайн – медицинский работник. Она не проявляла особого интереса к египтологии?

Камински пожал плечами. Иштван Рогалла ответил за него:

– Кажется, доктор Хорнштайн интересовалась иероглифическими надписями на каменных блоках. Я припоминаю, что она часто расспрашивала меня о значениях сложных иероглифов, которые я и сам не мог расшифровать. Это меня удивляло, но я как-то не придавал этому значения.

– Иногда, – добавил Артур, – я слышал, как она говорит на непонятном языке, которого я раньше никогда не слышал. Но это всего лишь еще одна из тайн и загадок, которые скрывает эта женщина. И именно это делает ее такой привлекательной.

Хассану Мухтару явно не нравился этот разговор. Он громко сопел носом, и это смахивало на покашливание парового двигателя.

– Вы пытаетесь придать ей большее значение, чем она заслуживает, – недовольно заявил он. – Доктор Хорнштайн – обычная женщина, такая же, как и множество других. Ограничимся этим.

– А как расшифровывается надпись на этом скарабее? – не дал себя смутить Камински.

Ни эль-Кадр, ни Мухтар не были готовы ответить на этот вопрос.

Рогалла, для которого ситуация была довольно неприятной, откашлялся и ответил:

– Понимаете, Камински, бывают моменты, когда ученый абсолютно бессилен, потому что они не вписываются в систему его дисциплины. Как же вам это объяснить? Вы как инженер защищены от подобных неожиданностей. Вы знаете, что два четных числа в сумме всегда образуют четное число. Но в археологии нельзя застраховаться от неожиданностей. Этот скарабей – как раз такая неожиданность. На нем обнаружилась надпись, для расшифровки которой до сих пор нет сравнительного текста. В таких ситуациях археологи становятся скептиками. Ни один не осмелится трактовать необычное открытие.

Макорн издали наблюдал за происходящим. Услышанное в очередной раз убедило его, что от Геллы Хорнштайн исходят странные импульсы. Они на каждого действуют по-разному: у одних вызывают слепую страсть, у других – неизмеримую ненависть.

Но теперь, подстегнутый объяснением Рогаллы, Майк Макорн забеспокоился. Он поерзал на стуле и сказал:

– Я думаю, что понял, о чем вы говорите. Но вы нас заинтриговали. Вы не могли бы перевести для нас текст? Я имею в виду, прочитать без комментариев, чтобы мы, дилетанты, поняли, что там написано?

Рогалла глазами поискал помощи у Хассана Мухтара, но тот отвернулся в

сторону, словно хотел сказать: «Я бы этого не делал». Эль-Кадр не видел никаких причин скрывать смысл надписи, которую они трижды пытались перевести и трижды получали один и тот же результат. Он вытащил лист бумаги и прочел то, что они втроем смогли перевести:

– «Мое тело было очищено селитрой, окурено ладаном, меня искупали в молоке священной коровы, вымыв все зло, что было заключено в моей сущности, Тефнут приготовила все для меня на лугах упокоения. И вот я иду в мрачные доли, чтобы возвратиться через три тысячи и две сотни лет».

В отличие от Макорна, на Камински эти слова не произвели впечатления. Может, он действительно не понял смысла сказанного, а возможно, в его сознании произошел некий сдвиг. Макорн, похоже, волновался, когда спросил:

– Древние египтяне верили в реинкарнацию?

Рогалла и эль-Кадр ответили хором:

– Да.

– Нет.

Оба рассмеялись, и Рогалла добавил:

– Теперь вы воочию убедились, как сложно отвечать на ваши вопросы.

– Я не понимаю.

– То есть, – начал объяснять Рогалла, – если вы под возрождением понимаете процесс, когда человек умирает и после смерти переходит в другую форму существования, то можно сказать, что египтяне верили в реинкарнацию. А если вы подразумеваете, что король, умерший полтысячи лет назад, сегодня влачит жалкое существование в виде какого-нибудь батрака или наоборот, то они не верили в возрождение.

– Если я вас правильно понял, – сказал Макорн, – то, что мы сегодня называем реинкарнацией, для древних египтян неприемлемо. Например, родиться заново лошадью или птицей нельзя?

– Пышность и оккультизм, которые окружали ритуал похорон в Древнем Египте, не содержат даже намека на то, что со смертью человека все заканчивается. Напротив, древние египтяне были уверены, что человек со смертью заново рождается и обретает на другой стороне земли новое бытие. Но это бытие в разное время они представляли по-разному. Во времена фараона Рамсеса душа Ка продолжала жить и связывала образ человека с невредимым трупом. Это и стало причиной того, что египтяне бальзамировали и мумифицировали своих покойников. Были и другие формы существования, например Ба, назовем ее тоже душой, которая после смерти поднимается к богам.

– Ну хорошо. Но это отнюдь не значит, что умерший может обрести вторую земную жизнь, как гласит надпись на скарабее.

– Именно, – констатировал Рогалла, – это и сбивает нас с толку. В тексте сказано, что она возродится через три тысячи двести лет.

– Значит, вы думаете, что эта надпись неаутентична? – не сдавался Макорн.

– Я бы охотно ответил на этот вопрос, – улыбнулся Рогалла, – но не могу. Мы знаем только, что этот скарабей может пошатнуть нынешние представления о религии древних египтян. Возможно, теперь вы поймете наше беспокойство.

– Я понимаю, – ответил Макорн, хотя в данный момент его больше, чем наука, интересовала связь между Бент-Анат и Геллой Хорнштайн. Следующий его вопрос застал археологов врасплох. – А когда умерла царица Бент-Анат?

– Около 1250 года до новой эры, точнее сказать нельзя, – ответил Рогалла. – А почему вы спрашиваете?

Макорн достал блокнот, в котором обычно делал заметки, и подсчитал:

– Тысяча двести пятьдесят плюс три тысячи двести... Сколько это будет? Тысяча девятьсот пятьдесят. А когда родилась Гелла Хорнштайн?

– 1940, – ответил Камински.

Макорн начал считать заново.

– А может быть, что Бент-Анат умерла как раз в 1260 году?

– Вполне возможно, – заверил Рогалла. – К чему вы клоните?

Макорн протянул Иштвану свой блокнот и произнес:

– Простой подсчет: $1260 + 1940 = 3200$.

– Теперь я понимаю, что вы хотите сказать, – ответил Рогалла, – это и есть три тысячи две сотни лет.

45

Жак и Рая искали объяснение странной встрече полковника Смоличева с Геллой Хорнштайн, и на помощь им пришел человек, от которого они меньше всего ее ожидали.

Абдель Азиз Зухейми, как всегда, сидел в своем потертом кресле в холле. И, как обычно, читал Коран, поглаживая бородку. Когда Жак и Рая явились в пансион около полуночи, он все еще читал, и Балое произнес несколько льстивых слов по поводу набожности художника.

Но тот лукаво улыбнулся, как всегда, обратил взор к небу и сказал, что с набожностью повседневное чтение Корана не имеет ничего общего. Скорее с умом. Это отвечает воле Аллаха: верующий мудр, а неверный глуп. Коран всего лишь книга, которую часто читают, и всего-то.

И он задал Балое неожиданный вопрос:

– Ваша слежка за русским была успешной?

Жак и Рая переглянулись, на их лицах читалось замешательство.

– Я полагал... – сказал Балое, придя в себя. – Мне казалось, что вы ничего не знаете о своих гостях.

Зухейми засмеялся в бороду.

– Я не знаю имен своих гостей, – ответил он, – но это совсем не значит, что я не подозреваю, что творится в моем доме. Я ненавижу русских. Все египтяне, кроме правительства, ненавидят русских. Потому что в Коране говорится: «Кто вместо Аллаха возьмет в покровители Сатану, тот непременно снискает себе гибель. Сатана обещает и требует взамен, но все, что он обещает, – обман». И имя Сатане – коммунизм! Какие у вас дела с этим русским?

Вопрос Зухейми звучал как угроза, и Балое не знал, как реагировать. Что знал о Смоличеве этот маленький тучный человек, которого они, очевидно, недооценили? И прежде всего, что он знал о них самих?

– Так какие у вас с ним дела? – повторил свой вопрос Зухейми.

– Никаких, – соврал Балое. – Кроме того, что он обещал организовать нам новые документы. Нам нужны паспорта, понимаете?

Эта фраза вызвала негодование художника. Он скрестил руки на груди и спросил:

– Так почему же вы не обратились к Абделю Азизу Зухейми? Зачем связались с этим русским? – Его голос грозил сорваться. – Коммунистом? Вы что, тоже коммунист?

– Ради всего святого, нет, – успокоил его Балое. – Человек пообещал сделать нам паспорта, но мы не знали, можно ли ему доверять. Он уверял, что сам скрывается от секретной русской службы. Собственно, он говорил, что раньше сам работал на КГБ.

– Он говорил... – Зухейми громко рассмеялся. Маленький толстяк так трясся от смеха, что стул, на котором он сидел, грозил развалиться. Насмеявшись вдоволь, он отер потный лоб рукавом халата. – Он лжец! Лжец, как и все коммунисты.

Единственное, что поняли Жак и Рая, так это то, что, если они хотели втереться в доверие к Абделю Азизу Зухейми, стоило только поругать коммунистов или атеистов. Они все равно не узнали, что именно знает Зухейми. Знал ли он, кто были они на самом деле?

Рая не могла вынести неопределенности и подошла к художнику вплотную.

– Мистер Зухейми, вы делаете намеки, которые нас глубоко волнуют. Вы не могли бы выразаться яснее? Вы нам этим очень поможете.

Абдель Азиз смерил Раю взглядом и ответил:

– Возможно, я поступаю легкомысленно, идя вам навстречу, я же вас совершенно не знаю, но... – при этом он все время поглаживал свою эспаньолку, – но Абдель Азиз не может отказать такой красивой девушке. Что вы хотите узнать, прекрасная дама?

Балое уже заметил, что у Раи лучше, чем у него, получается общаться с Зухейми, поэтому смело доверил ей переговоры.

– Что вы знаете об этом русском? – спросила Рая.

Зухейми дернулся, словно не хотел рассказывать, но посмотрел в исполненное ожидания лицо Раи и спросил в ответ:

– А что вы хотите знать?

– Все! – воскликнул Балое.

А Рая добавила:

– Прежде всего, работает ли он на секретную русскую службу или скрывается от КГБ?

– Скрывается? Не смешите! Этот человек почти каждый день встречается с русскими в униформе. Он полковник, зовут его Смоличев, но, скорее всего, это вымышленное имя. Смоличев – крупная шишка русской секретной службы.

– Он нам рассказывал, что русские выгнали его и теперь он скрывается здесь от КГБ. Он утверждал, что у него много связей и что он в состоянии сделать нам паспорта для выезда.

– Может быть... – неохотно проворчал Зухейми. – Я имею в виду, возможно, у него достаточно связей, но о том, чтобы скрываться, нет и речи. По крайней мере, почти каждый вечер он выходит из дома, проходит пару кварталов и садится в черный лимузин русских, который везет его на Мидан-эс-Заиджида-Сенаб.

На Мидан-эс-Заиджида-Сенаб располагалась египетская штаб-квартира русской секретной службы. Значит, Смоличев заманивал их в ловушку.

– Это вы знаете точно? – переспросила Рая. – Я имею в виду, как вы об этом узнали, мосье Зухейми?

Зухейми небрежно объяснил:

– Очень просто. У Абделя Азиза много друзей, которые почтут за честь оказать ему любезность. И у всех друзей есть время, много времени. За каждым шагом коммуниста в первый же день следили друзья Абделя Азиза. Я сразу догадался, что этот русский – коммунист. Он выглядел как дьявол.

– Тогда почему, мосье, вы не выставите его на улицу, если так ненавидите?

– Я отвечу вам, мадам, – Зухейми поклонился, не вставая с кресла. – Смоличев – могущественный человек. Он и его люди узнали, что я нелегально сдаю жилье иностранцам и с тех пор я вынужден работать с ними. Я должен принимать людей, которых они ко мне посылают, и не задавать лишних вопросов. Единственное, что хорошо, – русские неплохо за это платят.

Раю бросало в жар и в холод попеременно. Словно нарочно, они остановились в тайном убежище КГБ. Балое и Рая переглянулись. Это не могло быть правдой!

– Конечно, я думал, – продолжал Зухейми, – что вас тоже подослали коммунисты, но, похоже, ошибся.

Балое придвинул стул поближе к Зухейми. Он говорил тихо, потому что боялся, что их ночной разговор подслушивают.

– Мосье Зухейми, я вас прошу поверить нам. Мы бежим от русских. Пожалуйста, не спрашивайте почему. Но по всему видно, что Смоличев заманил нас в ловушку. Он утверждал, что сам скрывается от КГБ, и обещал заказать для нас новые паспорта. Мы ничего не подозревали!

– Аллах покарает их, – вскричал Зухейми, – этих проклятых коммунистов, кровопийцев на коже всех праведных людей!

– Где сейчас Смоличев? – спросил Балое.

Зухейми поднял глаза к небу:

– Он через полчаса вернется. Он встречался с немецким доктором. Она работала в Абу-Симбел. Но это только половина правды. На самом деле она шпионка КГБ. Ее зовут Гелла Хорнштайн.

Балое вскочил как ужаленный, бросился к Рая и схватил ее за руку. Они смотрели друг на друга, не проронив ни слова. Как в замедленном кино, перед ними проносились картинки: их неудачный побег на лодке в сторону Судана, пленение в нубийской деревне, полет в Вади-Хальфу, дружелюбный капитан в вагоне по пути в Хартум. Что из этого действительно случайность, а что построил Смоличев и его люди?

– Смоличев... – тихо произнесла Рая. – Смоличев... Я должна была догадаться. Так просто из сетей КГБ не вырваться.

Балое был поражен не меньше ее.

– Я одного не понимаю, – с досадой сказал он. – Если Смоличев действительно знал о нашем побеге, не проще ли было убрать нас с помощью третьих лиц?

– Это характерно для КГБ, – возразила Рая. От досады на ее глаза наворачивались слезы. – Смоличев использует нас в игре, о которой мы даже не подозреваем. Некоторое время он со стороны наблюдал за нашими попытками освободиться, теперь ему доставляет особое удовольствие играть главную роль.

– Значит, и наша встреча в этом доме несколько дней назад тоже не была случайной?

– В этом я абсолютно уверен!

Балое тяжело опустился на стул. Он был подавлен и напуган.

– Я в это просто не могу поверить, – повторял он, сокрушенно качая головой. И недоверчиво спросил у Зухейми: – А откуда у вас такая информация о Гелле Хорнштайн?

Маленький толстячок дружелюбно улыбнулся.

– Я вам уже говорил, у Абделя Азиза Зухейми много друзей. Один друг здесь, другой – там, почти как КГБ. О Гелле Хорнштайн я знаю еще больше. Она немка, впрочем, это вы знаете. Она приехала еще до того, как построили Берлинскую стену. Она была студенткой и переехала из Восточного Берлина в Западный. Все это задумал мужчина, с которым у нее в шестнадцать лет был роман. Женатый мужчина, который годился ей в отцы...

– Я догадывалась об этом, – перебила его Рая. – Это был Смоличев. Он начал свою карьеру в Восточном Берлине.

Зухейми удивленно посмотрел на нее.

– Откуда вы это знаете, мадам?

– Я догадалась, – попыталась уйти от ответа Рая.

– Они перестали общаться задолго до того, как Гелла получила медицинское образование и отправилась в Египет. Она продолжала работать на секретную службу, но потом, должно быть, что-то произошло. Что-то, что привело к ссоре между ними. Мой друг Исмаил подслушал их разговор в кафе «Эсбеккийа» и сообщил, что они на чем свет стоит ругали друг друга. Смоличев назвал женщину шлюхой – что, клянусь бородой пророка, подходит для любой женщины-коммунистки – и угрожал, что выдаст ее, если она не примет его предложение. Они расстались взбешенные.

– Что имел в виду Смоличев, говоря о предложении? – поинтересовался Балое.

Зухейми так и не ответил, и Жак был не в состоянии решить, что делать в подобной ситуации. Рая боялась заходить в свою комнату. Откуда ей знать, что у Смоличева на уме?

– Я не должен был этого делать, – сетовал Зухейми. – Лучше бы я держал язык за зубами. В Коране сказано, что Аллах не любит тех, кто распространяет слухи по земле. Да простит меня всемилостивый Аллах! Чем я могу помочь вам?

Ни Жак, ни Рая не знали, что ответить на этот вопрос. Они были в отчаянии. Балое никогда еще не был так близок к решению сдаться и не стыдился своих мыслей.

Рая смотрела на него, и он достаточно хорошо ее знал, чтобы сказать, о чем она сейчас думает. Решение покориться судьбе было написано у него на лице. Куда им идти сейчас, среди ночи?

Зухейми мог только предполагать, о чем они думают, и сказал:

– Я не хочу вмешиваться, но, если позволите, дам вам совет: не спешите покидать мой дом. Смоличев должен убедиться, что вы ему доверяете. Самое лучшее – усыпить бдительность противника. Утром решим, что делать дальше. Вы же знаете, у Абделя Азиза Зухейми много друзей.

Хотя им и было не по себе от чрезмерного дружелюбия художника, Балое не видел другого выхода. Он кивнул, и Рая без слов поняла, что он хотел сказать.

Никогда еще им не было так холодно и одиноко, как в этой пустой комнате с двумя голыми лампочками на потолке. Выкрашенные стены в один миг стали походить на тюремные, мебель выглядела жалкой и убогой. Они легли в постель, не раздеваясь, пытаясь найти спокойствие в объятиях друг друга.

Задремав, они услышали странный звук, но не сообразили, что происходит.

Поутру Рая испугалась. Звуки, которые доносились в дом Зухейми, отличались от повседневного утреннего шума. Теперь и Жак прислушался. Страх не было, хотя они и понимали безвыходность ситуации. Но КГБ работает бесшумно.

С улицы через окно и из приемника в коридоре доносилось невнятное кваканье. Раздавались выкрики, которых они не могли понять, но в них слышалось волнение. В коридорах раздавались быстрые шаги. Что произошло?

Балое зачерпнул пригоршню воды из миски, обтер потное яйцо и провел пальцами по волосам. Он решил узнать, что случилось, и велел Рае запереть

за ним дверь.

Через некоторое время Жак вернулся. Рая сидела у закрытого ставнями окна.

– Война, – растерянно сказал он. – Израильтяне напали на Египет, Сирию и Иорданию. Все иностранцы в Каире находятся под домашним арестом. Смоличев исчез.

Рае потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что все это значит. Она не знала, радоваться или горевать. Балое тщетно пытался сообразить, что делать дальше.

Вдруг раздался громкий стук в дверь. На пороге стоял Абдель Азиз Зухейми. Взволнованным голосом он прокричал: – Аллах милосердный услышал мои молитвы. Он ушел, русский ушел!

Он поднял руку над головой и завертелся на месте, как восточная красавица, сопровождая свой танец характерными движениями.

Зухейми поведал им о причине конфликта. Египетский президент Гамал Абдель Насер вынужден был под давлением дружественных стран Сирии и Иордании закрыть залив Акаба для израильских судов. Поэтому Израиль остался отрезанным от нефти со Среднего Востока. Было вопросом времени, когда израильтяне обратно силой получат морской путь.

Для египтян начало войны стало поводом для ликования. На улицах горлавило радио, сообщая о количестве сбитых самолетов. Уже в первый день была занята часть Галилеи. На Тель-Авив совершались налеты. Люди верили сообщениям и от радости танцевали на улицах.

Только Абдель Азиз, державший Раю и Балое в курсе событий, высказывал сомнения в правдивости сообщений. Он слышал новости Би-би-си, где говорилось совершенно противоположное: израильтяне захватили Синайский полуостров. Они также оккупировали южную часть Ливана и Сирию. Израильские войска уже подходят к Амману. Существует опасность, что израильтяне форсируют Суэцкий канал, а от канала до Каира всего сто тридцать пять километров. Да убережет Аллах народ египетский!

Но Аллах отвернулся от Египта. Через шесть дней все закончилось. Египтян разбили. Синайский полуостров был усеян обгоревшими танками и тысячами сапог, которые дезертировавшие солдаты Насера потеряли на поле боя. Насер приказал отступить. Иностранцы могли снова свободно перемещаться. Жак Балое и Рая Курянова обрели надежду.

46

Впервые дни после сокрушительного поражения египтян в Каире царил хаос, намного больший, чем обычно, во что, кажется, трудно поверить, так как этим городом и в обычное время правят беспорядки. Чужие друг другу люди обнимались на улицах и проклинали неверных. Другие, не в силах вынести поражение, в отчаянии прыгали с мостов и минаретов. В этом пункте Насер не разделял мнение народа. Одни проклинали его, другие называли мучеником, и только *он* мог их спасти.

В те дни Камински и Макорн, особо не привлекая к себе внимания, напали на след Геллы Хорнштайн. Макорн был убежден, что особая связь Геллы с мумией Бент-Анат была намного сильнее, чем рассказывала в сенсационных репортажах желтая пресса. Он догадывался, что между Геллой и мумией существуют особые отношения, которые, как он говорил, обязательно как-нибудь себя проявят. Но хотя журналист постоянно над этим думал, он был так же далек от решения проблемы, как и в начале поисков.

Камински, напротив, меньше думал об обстоятельствах, которые привели Геллу к поклонению мумии, рассматривая это как причуды экзальтированной женщины. Камински хотел вновь увидеть Геллу, хотел объясниться с ней. Он любил Геллу Хорнштайн и просто так сдаваться не собирался.

Мужчины подружились, в свободное время вместе вызвали и подолгу разговаривали. Артур, старший, больше Удивлялся младшему, Майку, а не наоборот. Камински ценил в Макорне здравый рассудок, благодаря которому тот решал любые проблемы. Артур не мог себе представить, чтобы этого дюжего парня могло что-нибудь вывести из себя. Но в большинстве ситуаций он демонстрировал чуткость, которая так удивляла Камински.

Хотя он никогда не встречал Геллу, он хорошо разобрался в тонкостях ее характера и говорил о ней, как старый друг. Камински беспомощно бился над вопросом, почему она спрятала амулет в мумии, Макорн же видел в этом определенный смысл. Хотя он и не мог сказать, какую цель преследовала Гелла, но был убежден, что она сделала это нарочно, пытаясь подать какой-то знак. В любом случае Макорн не разделял мнения Артура, что Гелла хотела его высмеять. Определенно нет.

Политические волнения в Египте не остановили Камински и Макорна в поисках Геллы Хорнштайн. Уже через четыре дня после окончания войны, пятнадцатого июня тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, они, безрезультатно обойдя семь отелей, оказались в холле отеля «Омар Хайям». У Камински была с собой фотография Геллы на фоне храма Абу-Симбел. Артур сделал снимок в самом начале их романа, здесь она была особенно хороша. Камински и Макорн уже поняли, что портье, в особенности каирские, лучше запоминают внешний вид, нежели имена и фамилии.

Макорн со свойственной ему сдержанностью, не терпящей отказов, показал портье фото и спросил, не останавливалась ли в отеле эта дама, немка.

Портье, молодой дурно воспитанный египтянин, бесстыдно улыбнулся. Он медленно наклонился над фотографией, чуть ли не ухватив Макорна за серебристый галстук. За этим процессом с напускным равнодушием наблюдал вызывающе одетый американец. Он с интересом взглянул на снимок, положил на стойку ключ и сказал почти неразборчиво: «*Congratulations!*»

Ни Камински, ни Макорн вначале не обратили на американца внимания, но тот повернулся к Макорну и спросил, не его ли это жена. Майк ответил отрицательно и кивнул головой на Камински.

– О, мои поздравления, – повторил мужчина к негодованию обоих, которые навострили уши, как только американец сказал, что совсем недавно за завтраком восхищался этой леди на террасе. – *Congratulations!*

Майк и Артур отвели американца в сторонку, показали ему фото, и Макорн спросил:

– Вы уверены, что это именно та женщина?

Американец некоторое время рассматривал снимок и ответил:

– Хэй, ребята! Ральф Николсон видел эту женщину только раз, к сожалению, только раз. Но ее лицо относится к тем, что остаются в памяти навсегда. Она не больна?

Даже Макорн удивился и кивнул:

– Да, она больна.

Николсон широко улыбнулся.

– Странно, но все красивые девушки в мире уже замужем. И я спрашиваю: почему? – При этом он громко рассмеялся над своей шуткой, и его хохот разнесся по пустому холлу.

Тем временем Макорн и Камински пришли в себя.

– Вы... – начал Макорн, но так и не смог продолжить.

– Ничего, сэр, – перебил его Николсон, – меня зовут Ральф. А вас как зовут?

– Майк, – ответил журналист.

– О, американец?

– Нет, немец.

– Ну ничего.

Майк вынужденно улыбнулся.

– Когда это было? Я имею в виду, когда вы видели эту даму здесь, в отеле?

– За два или три дня до начала войны. Бог мой, как это звучит: за два или три дня до войны! – Он вдруг задумался. – Она... – Он замахал рукой, будто хотел стряхнуть что-то с рукава. – После той встречи я ее больше не видел. Мне очень жаль.

Старший портье отеля наблюдал за ними, прислушиваясь к разговору. Он подошел и вежливо сказал:

– Простите, господа, если я вмешиваюсь не в свое дело. Речь идет о постояльце нашей гостиницы?

Макорн показал фото, и старый портье кивнул.

– Почему вы интересуетесь этой дамой?

– Она невеста этого господина! – соврал Макорн и кивнул в сторону Камински. – Мы хотели здесь с ней встретиться, но не получилось.

Портье спросил:

– Как зовут эту женщину?

– Доктор Гелла Хорнштайн. Она немка.

– Совершенно верно, – ответил портье, – она немка. Но ее зовут Крамер, Петра Крамер. Я лично купил ей билет в Германию.

– Когда это было?

– Третьего июня.

– А куда именно в Германии?

Портье подумал, потом покачал головой.

– Во Франкфурт, если не ошибаюсь. Погодите, мистер, я припоминаю, что рейс был через Франкфурт на Мюнхен.

– А билет вы покупали на имя Петры Крамер?

– Как было велено.

Макорн и Камински удивились. Артур задумался, а Макорн вложил в руку портье банкноту. Американец горячо попрощался с ними.

– Смоличев, должно быть, сделал ей фальшивые документы, – сказал Майк. – Что связывает доктора Геллу Хорнштайн с Мюнхеном?

– Я не знаю, – ответил Камински. – Гелла родом из Вотума. О Мюнхене она никогда не говорила. – Он подумал и твердо сказал: – Мне нужно туда. Я должен найти Геллу.

Майк усмехнулся.

– Что ж, я готов. Я сам из Мюнхена. Одно ты должен запомнить: проще найти европейца в Каире, чем немца в Мюнхене. Мюнхен просто кишмя кишит немцами.

Теперь уже и Камински рассмеялся. Он понял, что именно хотел сказать Майк.

Пока оба раздумывали, где же теперь искать Геллу Хорнштайн, портье подошел к ним во второй раз. Он протянул Макорну лист бумаги:

– Может быть, это вам как-то поможет, мистер. Госпожа, которую вы искали, в день перед отъездом дважды звонила в Мюнхен. Вот список номеров с телефонной станции от второго июня. Видите: номер 217, комната по главному коридору, в которой проживала госпожа Крамер. Оттуда два раза звонили в Мюнхен по телефону 21998263.

– Тебе этот номер о чем-нибудь говорит? – спросил Майк и переписал цифры в блокнот.

Артур покачал головой:

– Я действительно ничего не знаю.

47

После происшествия с медальоном у профессора эль-Хадида не было ни минуты покоя. Все газеты писали об этом. Назревал скандал. Большинство в пух и прах раскритиковало его методы научного исследования. Поэтому эль-Хадид был весьма заинтересован в реабилитации своего доброго имени перед общественностью.

Он заранее сообщил Абд эль-Кадру о своем визите и сказал, что принесет с собой сенсационные новости о мумии Бенг-Анат. Эль-Кадр отнесся к обещанию профессора довольно скептически, но все же пригласил в свое бюро в Египетском музее Хассана Мухтара и Иштвана Рогаллу, которые все еще были в Каире.

Профессор эль-Хадид со свойственной старикам педантичностью достал из портфеля рентгеновские снимки разных форматов и подошел с ними к окну. Эль-Кадр, Мухтар и Рогалла с интересом последовали за ним.

– Снимки, – с гордостью начал эль-Хадид, – сделаны по новейшей американской технологии и отличаются большей контрастностью, чем обычные рентгеновские снимки. И вот посмотрите, что я обнаружил!

Коллеги окружили эль-Хадида и стали смотреть снимки на свет. На негативе, который держал профессор, был через мумии в профиль. Эль-Хадид взял карандаш и указал на сетку светлых линий.

– И что это значит? – нетерпеливо спросил эль-Кадр.

Профессор опустил снимок и торжественно огляделся.

– То, что вы видите на снимке, – это, несомненно, перелом основания черепа, который предположительно и вызвал смерть. По этому снимку можно судить, что смерть наступила от удара по затылку. Но... – Эль-Хадид взял второй снимок. – Против этого свидетельствует данный снимок. Здесь показан таз, и мы отчетливо можем различить тяжелый перелом.

Эль-Кадр, Мухтар и Рогалла сгрудились вокруг профессора, напряженно разглядывая снимки. Они отчетливо видели извивающуюся трещину поперек всего таза.

– Но и это, – продолжал профессор, – не привело к мгновенной смерти. В те времена перелом таза наверняка превратил бы царицу в калеку и рано или поздно она бы умерла от мучительных болей.

– Интересно, – заметил Рогалла, – что же могло привести к таким повреждениям?

Профессор вынул следующий снимок и поднес его к свету.

– Это снимок черепа самоубийцы, который спрыгнул с высотного здания в районе Булак. Видите, повреждения на снимке очень похожи.

– Вы предполагаете, что это было самоубийство? – поинтересовался Мухтар.

– Все признаки говорят об этом, – ответил эль-Хадид. – Но принцип патологоанатомов гласит: если причина смерти слишком очевидна, нужно начинать исследования сначала. То же самое касается и мумий.

– И что в итоге?

– Вы удивитесь! Наряду с переломами на руках и ногах, которые подтверждают изначальную гипотезу, я обнаружил следующее, – профессор ткнул карандашом в маленький квадратный негатив. – Это шейные позвонки, – пояснил он. – Эта подковообразная кость называется *os hyoideutn*. Она находится в

передней верхней части шеи, между нижней челюстью и кадыком, и еще носит название подъязычная кость. И теперь рассмотрим детальнее эту подковку. Мы отчетливо можем увидеть, что посередине она расщеплена.

– И что это значит?

– По всей видимости, Бент-Анат задушили. При этом подъязычная кость и сломалась. И, возможно, чтобы замести следы, царицу сбросили с большой высоты.

Эль-Кадр, Мухтар и Рогалла переглянулись. Сказанное профессором было для них полной неожиданностью. О супруге Рамсеса было известно мало, а о кончине вообще ничего. Исследования профессора, возможно, открыли еще одну историческую драму. Теперь нужно было сравнить новые данные с прежними и установить правильные взаимосвязи. Это проект, который займет годы, но сделает кого-то известным.

Но кого же считать открывателем мумии Бент-Анат? С кем будет связано имя Бент-Анат, как имя Тутанхамона связано с Говардом Картером?

Каждый считал, что это будет именно он: эль-Хадид – потому что возглавлял исследования мумии, эль-Кадр – потому что считался экспертом по мумиям и хранил их в своем музее, Мухтар – как археолог из Абу-Симбел, Рогалла – потому что считался лучшим специалистом по времени Рамсеса и мог продолжить дальнейшие исследования.

Напряженное молчание четырех мужчин едва ли было связано с драмой, которая случилась три тысячи двести лет назад. Скорее, оно касалось славы, значение которой в археологии так же велико, как и в другой науке. А может быть, здесь она еще важнее.

В данный момент все козыри были на руках у эль-Хадида. Он мог написать по результатам своих исследований работу, и конфуз во время вскрытия мумии все бы забыли. У остальных был шанс лишь посоперничать со славой эль-Хадида, который исследовал мумию, и подтвердить или опровергнуть полученные сведения.

Рогалла беспокойно ходил взад и вперед. Ясно было, что он напряженно о чем-то думает.

– И каково ваше мнение? – спросил эль-Кадр Рогаллу.

– Я не знаю. Результат исследования оказался для меня таким же неожиданным, как и для вас. Это, скажем так, необычно, если не уникально. Об этом говорит и местоположение гробницы, в которой была мумия. Я хочу сказать, что если бы я собственными глазами не видел гробницу Бент-Анат в Абу-Симбел, то не поверил бы отчету эль-Хадида. Следовательно, мы столкнулись с двумя археологическими событиями, которые выходят за рамки нормы. Наша задача заключается в том, чтобы сделать правильные выводы из двух аномалий.

Мухтару не понравились возражения Рогаллы прежде всего потому, что доводы немца были неубедительны, а он всерьез хотел заняться Бент-Анат.

– Все это ерунда, – раздраженно заявил он, – два необычных фактора в исследовании уже давно не считаются доказательством всей теории. Возможно, мы даже имеем дело с фальшивкой.

Это замечание вывело эль-Хадида из себя. Маленький коренастый мужчина снял очки и нервно вытер пот со лба.

– Мухтар! – закричал он, так что эхо пошло по комнате. – Вы считаете, что

двадцатилетнего опыта недостаточно, чтобы с моим мнением считались? Я написал две дюжины оригинальных работ по изучению мумий вообще и мумий фараонов Нового Царства в частности. От вас же я пока слышал только язвительные комментарии. Вы едва ли принимали участие в исследованиях!

Когда Рогалла, не удержавшись, энергично закивал, подписавшись тем самым под словами профессора эль-Хадида, Мухтар разбушевался. В слепой ярости он оттолкнул профессора, обозвал его тщеславным невротиком, а Рогаллу – омерзительным немцем и захлопнул за собой дверь.

– Мне очень жаль, – извинился Ахмед Абд эль-Кадр, директор музея. – Это у него от волнения. – И, обернувшись к Рогалле, добавил: – Мы, египтяне, очень быстро теряем самообладание.

48

Жак Балое и Рая Курянова по своему опыту знали, что советская секретная служба контролирует границы Египта, в том числе и аэропорты. Без сомнения, их имена стояли в разыскных списках КГБ.

Хотя Смоличев после окончания Шестидневной войны больше не показывался в пансионе Зухейми, это, конечно, еще не значило, что он выпустил их из виду. Они считали его способным на любую подлость и придумали план, как улизнуть от русского, потому что понимали, что за ними, скорее всего, следят.

Чтобы ввести в заблуждение возможных соглядатаев, последние дни они ходили по старому городу Каира порознь. Они петляли по лабиринтам улиц и возвращались домой по одному и в разное время. Балое забрал у невзрачного аптекаря паспорта и визы, заплатив за все семьсот пятьдесят долларов. По иронии судьбы Жак заплатил за них деньгами, которыми снабдил их Смоличев.

Паспорта были сделаны на имя Жана и Симоны Тенэ и выглядели вполне натурально. Так Жак и Рая в мгновение ока стали другими людьми. Под новыми именами они поселились в отеле «Централь», отвратительном общежитии на Шариа-эль-Боста, куда, по словам Зухейми, редко заходили французы. Там прошли первую проверку их новые паспорта, которые не вызвали ни малейшего подозрения ни в отеле, ни у полицейского ведомства, проверявшего Документы постояльцев.

Балое, он же Тенэ, взял авиабилеты только до Рима, на большее не хватило денег. «Главное – выбраться из страны, а там видно будет», – решили они.

Рейс LH 683 во Франкфурт отправлялся в десять часов тридцать минут с промежуточной посадкой в Риме. В большом вестибюле царила деловая атмосфера, прерываемая объявлениями из динамиков на арабском, английском и французском языках, которые все равно никто не понимал.

Многие иностранцы все еще пребывали в шоке от Шестидневной войны. Большинство долгое время жило в стране и теперь покидало Египет с большим багажом. Громоздились чемоданы и ящики, и для многочисленных носильщиков, которые обычно появлялись здесь нечасто и без разрешения на работу, настала урожайная пора.

Жак и Рая пробрались через переполненный вестибюль в зал ожидания и, предъявив билеты, уселись в новомодные кресла из пластика и металла. Балое краем глаза следил табло объявлений над входом.

Рая нащупала руку Жака. Никто не произнес ни слова, но оба думали лишь об одном: «Только сев в самолет, мы достигнем своей цели. Тогда все будет хорошо и можно будет начать новую жизнь».

Затхлый воздух и безжалостные лучи солнца, падавшие из окон, заставляли их обливаться потом. Они боялись, что в последний момент что-нибудь пойдет не так, и все их усилия окажутся тщетными.

Стрелки на часах на белой высокой стене, казалось, прилипли к циферблату. Бывают ситуации, когда минуты делятся часами. И будто именно этого он и ожидал, словно так и должно было произойти, Балое вдруг услышал свое имя.

– Да это же Балое!

Рая мгновенно отреагировала. Она, глядя прямо перед собой, крепко сжала

руку Балое и прошептала:

– Не обращай внимания. Ты не Балое, ты Тенэ!

Балое кровь ударила в голову. Он узнал этот голос! Не оглядываясь, знал, кому он принадлежит! На секунду он даже задумался, не разыграть ли дурака, сказав: «Извините, здесь, должно быть, какая-то ошибка». Но потом понял, что только попадет из-за этого в нелепую ситуацию, что совершенно не улучшит их положения. И он, обернувшись, сказал:

– Ах, это вы, Камински?

Камински представил Макорна и заметил:

– Я вижу, у вас все-таки получилось. Я очень рад за вас, искренне рад!

Рая, как всегда, дерзко выпалила:

– Могли бы и не притворяться, мосье. Мы все знаем. Какие у вас планы на счет нас?

– Я вас не понимаю, – ответил Камински. – Что вы хотите этим сказать? Может быть, вы могли бы...

Балое перебил его:

– Знаете ли, Камински, мы слишком много пережили за последние недели. Мы узнали, как из врагов получаются друзья, а из друзей – враги. Мы удивились, когда вы помогли нам бежать из Абу-Симбел, но особо не задумывались над этим. Мы даже предположить не могли, что вы и доктор Хорнштайн злоупотребляете нашим доверием. Итак, что вы намереваетесь делать? Конечно же, ваши головорезы ожидают где-нибудь за углом.

Камински не понял, что имел в виду француз. Почему это они с Геллой злоупотребили их доверием? Он неуверенно взглянул на Макорна. Тот, казалось, спрашивал: «Что ты от меня утаил?»

Рая горько усмехнулась:

– Мосье, если вам так хочется это услышать: вы с доктором Хорнштайн работаете на секретную русскую службу.

Макорн отодвинул Камински в сторону и обратился к Рае:

– Вы не могли бы это повторить?

– Камински и доктор Гелла Хорнштайн – агенты КГБ.

Макорн повернулся, засунул руки в карманы. Перед Камински стоял крепкий, внушающий уважение человек.

– Похоже, ты должен мне кое-что объяснить. Или я ошибаюсь?

Камински не знал, что делать, и безуспешно подыскивал слова.

– Послушайте! – наконец произнес он, обернувшись к Балое. – Как вы объяснили мне тогда в Абу-Симбел, вы работали на КГБ и хотели порвать с этим. И я не раздумывая помог вам, что само собой разумеется. Это же абсурд – обвинять меня в связи с русскими!

– Конечно, абсурд, – ответил Балое. – Но еще более невероятно то, что Гелла Хорнштайн работает на КГБ.

– Гелла Хорнштайн? Это невозможно!

– Послушайте! Мы ничего не можем доказать, но все говорит против вас. А доктор Хорнштайн, без сомнения, работает на секретную русскую службу.

Камински неестественно улыбнулся.

– Гелла, именно Гелла?

– Да, именно Гелла! – злобно прокричала Рая Курянова. – Мы собственными глазами видели, как она встречалась с полковником Смоличевым. А у Смоли-

чева много врагов в Египте. Вы наверняка знаете об этой встрече!

– Кто такой полковник Смоличев? – удивленно спросил Макорн.

– Глава русских в Египте и большая сволочь! – Рая заплакала от злости. – Он следовал за нами через Судан, Красное море и весь Египет, а мы считали, что в безопасности. В действительности все это была грязная инсценировка. Смоличев играл с нами, словно кошка с мышью, и доктор Хорнштайн помогала ему в этом.

Рая беспокойно озиралась по сторонам, будто опасалась, что к ним в любой момент может подойти Смоличев или парочка его людей и, как всегда, со слащавой ухмылкой положить руку на плечо. Но ничего не происходило.

У Камински был отсутствующий вид. Вероятно, он не мог справиться с собой в сложившейся ситуации.

– Можете быть уверены, – запинаясь, произнес он, – я с русскими дела не имею. А что касается Геллы Хорнштайн, то я ничего не знал. Я этого даже и подумать не мог. Я убежден, что все это просто недоразумение. Где и когда вы видели доктора Хорнштайн?

– За один-два дня до начала войны. А почему вы спрашиваете?

Макорн понял, что Камински растерян, и взял инициативу в свои руки:

– Мы как раз ищем Геллу Хорнштайн. Случилось много чего странного...

– Если Камински не знает...

Он не знает, но делает все, чтобы найти эту женщину, возможно, ее исчезновение связано именно с тайной службой. Хорошо, если бы вы нам помогли... – И он сочувственно посмотрел на Артура.

По его виду едва ли можно было сказать, что сейчас он прикажет Рае и Балое следовать за ним. Но действительно ли Камински и не подозревал о делах Геллы Хорнштайн?

Рая верила ему больше, чем Балое. Она по собственному опыту знала, что стена секретности разделяет даже родителей и детей, мужей и жен. Так почему это не могло произойти с любовником и любовницей?

– Гелла встречалась со Смоличевым в кафе в старом городе, – сказала Рая. – Насколько мы знаем, между ними произошла ссора. Сейчас она живет в отеле «Омар Хайям».

Макорн кивнул.

– Это мы уже тоже знаем. По нашим данным, Гелла Хорнштайн за день до начала войны улетела в Германию. Возможно, в Мюнхен. Это последняя зацепка.

В голове Майка Макорна мысли роились, будто пчелы. Он закурил и нервно пожевал кончик сигароллы. В первое мгновение ему показалось, что работа Геллы на советскую секретную службу объясняет странные поступки этой женщины. Но чем дольше он об этом думал, тем все больше понимал, что это не так.

Конечно, были секретные службы, которые интересовались мумиями, но случай с медальоном был настолько дерзким, что никак не вписывался в общую картину шпионажа. Была Гелла Хорнштайн агентом или нет, но ее влечение к мумии привело в замешательство даже КГБ. Хотя секретные службы всего мира больше всего ценят беспорядок (он является благодатной почвой для их деятельности), но есть и другая сторона медали: из беспорядка нужно получать выгоду, а не наоборот.

Динамики загудели едва различимым голосом, на табло высветилась надпись: выход 3, рейс LH 683.

Балое подхватил с пола небольшую сумку.

– Нам по пути, – заметил Камински.

– Тогда пойдемте. Пройдем вместе паспортный контроль. Я не хочу выпускать вас из виду – вдруг вы вздумаете нас арестовать. Вы должны знать, мы едем по фальшивым паспортам. Теперь мы – Жан и Симона Тенэ. Вот, теперь вы знаете все.

Полицейские за бронированным стеклом важно пыжились, они научились этому авторитарному жеманству от русских. От русских же у них завелась и другая привычка: за каждым работником таможенной службы в форме стоял сотрудник государственной охраны в штатском – ряженое пугало государства.

Балое, которого теперь звали Жан Тенэ, с равнодушным видом протянул таможенникам паспорта. Молодой темнокожий египтянин с тонкими усиками над верхней губой так тщательно изучал каждую букву документа, будто читал суры из Корана.

Сердце Раи бешено забилося, когда чиновник начал сличать фото в паспорте с оригиналом. Потом он принялся разглядывать визу. Таможенник передал паспорт Раи штатскому (иногда это были агенты КГБ), чтобы тот в свою очередь проверил штемпель визы.

Казалось, это продолжается бесконечно, и Рая уже думала, как отреагирует, если строгий таможенник за стеклом прикажет ей следовать за ним. Она, скорее всего, не сможет сдержаться, наверняка судорожно закричит, будет выть и биться в истерике – и это будет конец.

Таможенник вдруг начал что-то старательно выискивать в толстенном фолианте с потрепанными страницами – книге разыскиваемых людей. Но, так и не справившись с алфавитом, протянул паспорта обратно.

Балое стоял как вкопанный, словно неведомая сила пригвоздила его к полу. Он замер перед окном паспортного контроля. Он так долго ждал этого момента, пережил все, что только может пережить беглец. И теперь его оглушила долгожданная свобода. Он хотел идти, но не мог.

Поведение Балое смутило таможенника. Он увидел, что с французом творится что-то неладное, и закричал через круглое отверстие в своей стеклянной будке:

– Мосье? – При этом он интенсивно махал рукой, будто разгоняя мух. – Мосье!

Макорн все понял. Он протиснулся мимо Камински и толкнул Балое так, что тот споткнулся и едва не рухнул на пол. Это привело Жака в чувство, а контролер в штатском лишь покачал головой, удивляясь неотесанности туриста.

В самолете были пустые места, но «Боингу-707», чтобы оторваться от земли, пришлось разогнаться через всю взлетную полосу. Жак и Рая судорожно вцепились в подлокотники кресел. Они не произнесли ни слова, не решились даже осмотреться. Только когда машина достигла должной высоты, а желто-серая дельта Нила сменилась бирюзой Средиземного моря, беглецы поняли, что у них все получилось. И на радостях они обнялись.

– Победили! Мы победили! – воскликнула Рая и поцеловала Жака.

В динамиках раздался голос пилота. Он сообщил, что самолет пролетает

над западной оконечностью острова Крит. И вдруг перед ними появился Майк Макорн.

– Надеюсь, вы не сердитесь за мою выходку во время паспортного контроля.

Балое пожал руку Майка:

– Напротив, я благодарен вам. Вы верно оценили ситуацию и быстро отреагировали. Я в тот момент, честно говоря думал уже, что все пропало. Такого со мной еще не случалось Рая и не заметила, что со мной произошло. Вы случайно не психолог, мосье?

Макорн рассмеялся.

– Я журналист, как и вы. Вы понимаете, что нам нужно разбираться во многом. Насмешники говорят, что журналисты знают всего понемногу, но толком не знают ничего.

– На этот раз никто не посмел бы так сказать, – сказала Рая, пожимая репортеру руку. – Как мы можем вас отблагодарить?

Макорн махнул рукой.

– Камински рассказывал, что вы пережили. Я буду держать за вас кулаки. Вот моя визитка. Может быть, я еще смогу быть чем-нибудь вам полезен.

– О нет, – возразил Балое, – мы перед вами в долгу, мосье. Если вас каким-нибудь ветром забросит в Париж, дайте знать Мориаку из «Пари Матч». Он будет в курсе, где мы скрываемся. Это мой старинный друг.

Макорн поблагодарил их за радушие.

– Похоже, вы были несправедливы к Камински. Как оказалось, он действительно ничего не знал о сотрудничестве Геллы с секретной службой. Посмотрите на него! – И указал назад.

В предпоследнем ряду сидел Камински со стаканом виски и старательно напивался.

49

По возвращении в Германию случилось нечто странное. Казалось, Камински в один момент утратил интерес к этой истории. На некоторое время Макорн даже потерял его из виду. Он сам также не занимался расследованием, но случившееся не выходило у него из головы.

В один прекрасный день Камински объявился в Мюнхене и осыпал Макорна упреками в том, что он не продвигает дело дальше. Причем Камински ни словом не обмолвился, где был так долго и чем все это время занимался. Это вызвало у Макорна подозрение. Несмотря на это, ссориться они не стали, а снова принялись искать следы Геллы.

Номер телефона, который они получили в отеле «Омар Хайям», числился за филиалом Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, на втором этаже которой располагался зал с рукописями и инкунабулами. Здесь хранилось сорок тысяч рукописей, семь сотен из которых были на папирусе, самой старшей было более четырех тысяч лет.

Это было помпезное здание времен расцвета Мюнхена во времена правления Людвига I. Строение казалось таким мрачным и холодным, что Макорн, увидевший его только снаружи, неохотно прошел внутрь. Камински поспешил к доске объявлений, где были расписаны залы библиотеки, среди которых самый ценный и самый таинственный – отдел папирусной рукописи.

Только избранные знали, что хранится за бесконечной чередой дверей и какие сокровища скрывают железные сейфы, которые для обычных посетителей всегда оставались закрытыми, как ковчег со скрижалями для израэлитов.

Смешанный запах мастики и благовоний разносился по комнатам, вызывая головокружение, головную боль и желание выбраться на свежий воздух.

У входа в читальный зал за безвкусным лакированным столиком на стальных ножках сидела симпатичная девушка с длинными черными волосами. Она потребовала у Камински и Макорна паспорта для оформления пропуска и внесла их имена в список посетителей.

Они попросили о встрече с начальником отдела и прошли к двери с табличкой «Доктор Вурцбах». Комната была до потолка заставлена полками со старинными книгами, а в центре комнаты за еще одним безвкусно сделанным столом сидела строгая дама с зачесанными назад волосами и в очках в мужской оправе. С плохо скрываемым раздражением она спросила о цели их визита.

Макорн и Камински представились журналистами, вытащили уже сослужившую добрую службу фотографию Геллы и спросили, не появлялась ли здесь эта женщина.

Начальница ответила утвердительно, она ее помнила. Посетительница провела в читальном зале два или даже три дня, в чем, в общем-то, не было ничего странного – ученые просто жили здесь неделями. Больше она ничего припомнить не могла, к тому же у нее было много своих дел.

Но отделаться от Макорна было не так-то просто. Камински удивился красноречию, с помощью которого Макорн завоевал доверие доктора Вурцбах. Он сочинил душещипательную историю о мужчине (очевидно, подразумевался Камински), от которого из-за недоразумения сбежала невеста. Трагический рассказ тронул начальницу до глубины души, и доктор Вурцбах охотно рас-

сказала все, что им было нужно.

Как можно было проследить по аккуратным спискам и карточкам, Гелла посещала зал три раза. Она называлась своим настоящим именем и заказывала из архива одно и то же – «Папирус Шмаленбаха». Богатый мюнхенский купец в позапрошлом веке купил этот папирус, и с тех пор он носит его имя. Наследники передали драгоценную вещь Баварии, поэтому папирус хранится здесь.

Доктор Вурцбах, само дружелюбие, предложила показать им этот папирус. Очевидно, она особенно гордилась этим экспонатом. Но Макорн сказал, что это все равно не поможет, разве что она сможет растолковать им смысл текста.

Доктор Вурцбах не могла этого сделать, но предложила многочисленные обработки и переводы, которые она с удовольствием предоставит.

Она исчезла и вскоре вернулась с двумя сброшюрованными тетрадями. Это было самое лучшее из того, что известно о папирусе Шмаленбаха. Камински и Макорн нашли в читальном зале свободное место и погрузились в текст. Он начинался словами:

«О Амон-Ра, я уготовил тебе глаз Хора. Его благоухание возносится к тебе. Аромат глаза Хора овевает тебя, Амон-Ра, любящий сердцем...»

Макорн закатил глаза.

Текст был написан на основе отрывков из египетской Книги мертвых, которая повествовала о том, как египтяне представляли путешествие души в загробный мир. Он состоял из бесконечных пустых фраз и утомительных обращений к богам. Макорн забросил чтение, пролистав несколько страниц.

– Если бы только знать, что Гелла искала в этом папирусе! – прошептал Камински.

– История становится все загадочнее. Начальница отдела говорила, что доктор Хорнштайн читала папирус, то есть она читала не эти переводы, а сам оригинал. Это значит, что Гелла может расшифровывать иероглифы. Где она этому научилась?

Камински, пробегая глазами перевод, ответил:

– Я не знал точно, но догадывался. Но даже если я спрашивал об этом, она игнорировала мои вопросы и переводила разговор на другое, словно стеснялась или что-то скрывала.

Вдруг Камински запнулся.

– Майк! – закричал он и начал читать вслух: – «О как безнадежны мои стенания! Ты, восходящий со мной в сады на берегах Нила, наложил повязки на мои чресла. Узнаешь ли ты меня, величайшую из великих? Это я – твоя супруга, твоя возлюбленная дочь Бент-Анат. Счастье тому, кто почил здесь с миром, ты же меня проклял и разрубил мои члены, чтобы...»

– Чтобы что? – заинтересовался Макорн.

– Ничего! – ответил Камински. – Здесь текст обрывается.

Подошла доктор Вурцбах.

– Госпожа доктор, что вы знаете о происхождении этого папируса? – спросил Артур.

Начальница отдела дружелюбно ответила:

– Ничего. Шмаленбах был коллекционером антиквариата. Он привез эту вещь из Египта, не догадываясь о содержании папируса, который, к слову ска-

зять, не имеет большого значения для египтологии. Вероятно, он приобрел его в Абу-Симбел. Это один из анонимных папирусов, которые хранятся в музеях всего мира.

Камински и Макорн переглянулись. У обоих появилась одна и та же мысль.

– Конечно, поведение дамы мне показалось немного странным, – сказала вдруг доктор Вурцбах, – но у нас здесь всякие чудачки встречаются. Ученые не вписываются в стандартные рамки, ну вы понимаете...

Ни Камински, ни Макорн не поняли, и Майк спросил:

– Что вам показалось странным?

– Ну, она всегда садилась за последний стол в дальнем углу и издавала какие-то странные звуки, как будто читала текст на папирусе. При этом каждый знает, что это невозможно, потому что фонетика древнеегипетского языка давно утрачена. Мы знаем только знаки и согласные, как читаются гласные – не знает никто. Следовательно, любое предложение из этого текста – обман. И еще... – Доктор Вурцбах наморщила лоб. – Возле нее постоянно лежал зеленый скарабей, копия, которую можно купить в Египте на каждом углу. И жука она всегда клала на спину.

– На спину?

– Да. Я думаю, она сличала иероглифы на нижней части скарабея с текстом. Успешно или нет, я не знаю. – Она вопросительно взглянула на Камински: – Может быть, вы знаете, что искала в папирусе ваша невеста?

– Я? Нет.

Камински замешкался, как если бы речь шла о его невесте, но он не знал ответа.

Конечно, можно было сказать, что они были как жених и невеста, – они столько времени провели вместе. Они любили друг друга, по крайней мере давали волю своей страсти. И Гелла не возражала, когда он предлагал после окончания проекта в Абу-Симбел вместе начать где-нибудь новую жизнь.

И что теперь?

После третьего раза Гелла Хорнштайн больше не появлялась в зале папирусной письменности.

Камински и Макорн оставили доктору Вурцбах номер телефона, по которому она могла их разыскать. Они еще пару раз справлялись в музее, но напрасно. О Гелле Хорнштайн вестей не было. Камински оставалось смириться с мыслью, что Гелла навсегда ушла из его жизни.

50

В эти дни отчаяния Майк Макорн был единственной поддержкой для Камински. Казалось, у него не было ни знакомых, ни друзей. Он бросил свою квартиру, в которой не появлялся с тех пор, как уехал в Египет.

Денег у Камински были полные карманы. О будущем он мог не волноваться. Но беспокойство, возникшее еще в Абу-Симбел, не отпускало его, и он вспомнил слова своего друга Макорна, что работа или новый заказ – это действенное средство против любых житейских неурядиц.

Пока Камински искал работу, а в его пятьдесят это было не так-то просто, он жил у Макорна. Квартира располагалась в старом доме с лепниной и белыми крашеными двустворчатыми дверьми, окна выходили на Курфюрстен-платц. Макорн всегда жил с кем-нибудь, в одиночестве он чувствовал себя неуютно. И жильцы были, как правило, женского пола. Но беспокойная жизнь и редкое присутствие хозяина приводили к тому, что все его соседки по квартире – чтобы не сказать сожительницы – недолго выдерживали Макорна.

Камински пришел в себя быстрее, чем ожидал, и привык жить без Геллы. Во всяком случае, он так думал, когда в ноябре фирма «Эйхман АГ» предложила ему новый строительный проект в Турции: четыре года в Анкаре на строительстве современного спортивного стадиона. Конечно, Анкара не могла сравниться с Абу-Симбел, но там, Камински был уверен, никто не спросит его о прошлом.

Он не мог не заметить, что Макорн ни слова не говорит на тему, которая их свела. Но Камински знал, что Макорн – из тех, кто никогда не сдастся: если он взялся за какое-то дело, то пойдет до конца.

Макорн договорился об интервью с профессором Генрихом Вендерсом, экспертом по пограничным областям науки и парапсихологии из университета во Фрайбурге. От него Макорн надеялся узнать больше о феномене реинкарнации и перерождения. Макорн считал, что именно это является ключом к объяснению странного поведения Геллы Хорнштайн.

Институт профессора Вендерса затерялся на холме над городом среди парков и виноградников и больше походил на виллу промышленного магната, чем на исследовательский комплекс. Посетители, как правило, терялись, когда им приходилось входить через боковую дверь роскошного особняка.

Большие залы разделили на комнаты, чтобы предоставить больше помещений студентам и исследователям. В коридорах стояли старые бюро и серо-зеленые жестяные ящики, при взгляде на которые не оставалось сомнения: они принадлежали еще к довоенной эпохе.

Вендерс принял Макорна в знавшей лучшие времена комнате. Из сводчатых окон открывался вид на долину. Но к окнам нельзя было подойти из-за столов, на которых громоздились стопки книг, акты и документы. Посередине комнаты стоял длинный пустой стол светлого дерева в окружении стульев, которые, как и профессор, давно перевалили за пенсионный рубеж.

Возраст Вендерса выдавали глубоко посаженные глаза и морщинистые веки, хотя профессор, похоже, пытался его скрыть. Он начесывал на лоб седоватые волосы, на манер экзистенциалистов, и курил ментоловые сигареты, как современные студенты.

Вендерс разговаривал тихо, и Макорну, говорившему обычно громко и

энергично, приходилось подстраиваться под профессора. Он заметил, что голос Вендерса, отражаясь в пустой комнате, лишается жизненной силы. Не называя имен, Макорн изложил профессору историю Геллы Хорнштайн и закончил вопросом:

– Профессор, вы считаете возможным, что эта женщина – жертва реинкарнации?

Вендерс, который слушал рассказ Макорна молча, уставившись в стол, вдруг оживился. Он раздраженно посмотрел на репортера и ответил, немного заикаясь:

– Как это «жертва»? Я не понимаю, что вы хотите этим сказать. Что значит «жертва»? Феномен реинкарнации не означает ничего плохого, злого или чего-то, что приносит боль. Реинкарнация – это фантастический опыт. А вы не хотели бы в одно мгновение стать Эйнштейном, Шопенгауэром или Гете?

– Нет, – ответил Макорн с обезоруживающей откровенностью.

Вендерс, видимо, обиделся и снова уставился в стол. Он пожевал губами.

– Отвечая на ваш вопрос... – выдержав паузу, раздраженно продолжил он. – Да, по описанным вами симптомам можно сделать заключение, что имел место случай реинкарнации. Для вынесения окончательного вердикта мне необходимо переговорить с указанной персоной лично...

– Я бы тоже с ней охотно поговорил, – ответил Макорн, – но, похоже, это часть образа, в котором она находится: она скрывается от друзей и знакомых, ведет скрытный образ жизни.

Вендерс заинтересовался.

– Типично, довольно типично! – возбужденно заговорил он. – По-видимому, в вашем случае мы имеем дело с закрытой реинкарнацией. Это означает, что человек из-за ярких переживаний, например из-за несчастного случая или психического потрясения, полностью перестает отождествлять себя с нынешней жизнью. Он не узнает людей из своего бывшего окружения. Может статься, что он перестанет узнавать даже друзей. В обычном случае для возвращения в нормальное состояние нужен гипноз, чтобы поменять сознание пациента. В этом случае регресс, а значит и переход в другое время и к другой личности, должен прекратиться. Это можно сделать с помощью самовнушения или же, как уже было сказано, под действием особого внешнего влияния. Такое состояние опасно. В любом случае эту женщину следует показать психиатру.

Макорн не ожидал от профессора столь прямого высказывания. Его обеспокоили эти слова, и, что случилось с Макорном крайне редко, он был поражен.

– Знаете, – осторожно начал он, заметив, что профессор был довольно обидчив, – я очень много слышал на эту тему, но, если честно, не совсем верю...

– Вы католик? – строго спросил профессор.

– Протестант, – ответил Макорн. – А почему вы спросили?

– У христиан и мусульман сложности с восприятием реинкарнации. А у буддистов и индуистов проблем вообще не возникает. – Вендерс говорил горячо, хотя голос был по-прежнему тихий. – Знаете ли вы, мой юный друг, что феномен реинкарнации отвечает ранним христианским традициям? Вера в прошлую жизнь души была запрещена на соборе в Константинополе в пятьсот пятьдесят третьем году. Ха-ха, об этом говорится в Новом Завете, Евангелии от Матфея. Люди считали Иисуса реинкарнацией пророка Илии, который жил за девятьсот лет до новой эры! Или возьмите отцов Церкви. Практически все они

верили в реинкарнацию. Ориген утверждал, что душа в нашем материальном мире не может жить без тела, и, если умирает тело, она переходит в новое. Например, феномен вундеркинда. Как могут дети в четыре года извлекать квадратные корни, играть на пианино или в шахматы? Почему это происходит? Они приносят знания и умения из своей прошлой жизни. Бобби Фишер играл в шахматы как бог, когда его сверстники забавлялись плюшевыми мишками. Он утверждал, что является реинкарнацией кубинского чемпиона мира по шахматам Капабланки.

Макорн задумался.

– Этим можно объяснить, как эта женщина читала тексты, которые даже ученые разбирают с трудом. Только зачем она это делала?

Профессор Вендерс смотрел из окна на город, над которым висела дымка.

– Я должен точнее изучить этот случай, чтобы дать окончательный ответ. Но, вероятнее всего, подтвердится следующая версия: она сейчас в поисках своего прошлого. Любой человек хочет знать, откуда он появился и куда идет. Это предпосылка любой религии. Эта женщина ищет свою прошлую жизнь, потому что дальше без нее обходиться не может. Я думаю, она разыскивает какое-то ключевое событие.

– И надеется найти его в старинных иероглифических текстах?

– Почему нет? Я ничего не смыслю в археологии, но уверен, что древние египтяне обладали большой житейской мудростью. И многое с тех пор забыто.

Но это все еще не было ответом на вопрос, почему Гелла Хорнштайн искала данное событие именно в древних текстах, которым более трех тысяч лет. Была ли она действительно царицей Бент-Анат? Но тогда она должна была знать всю свою жизнь в мельчайших подробностях!

Вендерс, казалось, прочитал мысли Макорна и развеял все сомнения:

– Реинкарнация, к вашему сведению, – не закрытый процесс. Человек погружается в свое прошлое, будто в глубины океана. Уровень погружения зависит от индивидуального психического состояния. Многие, если не сказать большинство, останавливаются сразу под поверхностью, и только единицы достигают дна своего прошлого.

– И что они видят там?

Профессор улыбнулся, словно его забавляло невежество оппонента.

– На дне они встречают становление и уход, рождение и смерть.

– А как человек понимает, что он есть перерождение другого человека?

– По-разному. Некоторые начинают говорить о вещах, о которых прежде не слышали. Могут описывать строения, в которых никогда не находились, разговаривать на языках, которые никогда не учили. Часто таких людей непонятным образом притягивают какие-нибудь места или люди. Случается, они ищут место захоронения или, как в вашем случае, мумию.

– Но почему они это делают?

– Они часто сами этого не знают. Они чувствуют непонятное влечение, наподобие слепой любви, иррациональную, безумную влюбленность в другого человека. Такой влюбленный человек делает непонятные в глазах окружающих вещи, только чтобы приблизиться к объекту вожделения. Если хотите, влюбленность и реинкарнация – сходные феномены. Со времен возникновения человечества были люди, которые необъяснимым образом имели власть

над другими.

– Значит, вы приписываете Бент-Анат подобную силу?

– Вполне возможно.

Ясность и уверенность, с которой профессор разобрал этот случай, пугала. Макорна не покидало чувство, что профессор знает намного больше, чем говорит.

Макорн думал, что прямыми вопросами сможет задеть Вендерса за живое.

– Есть критики вашей теории, которые утверждают, что реинкарнация – это не что иное, как подмена трезвой оценки действительности субъективными желаниями. Девушка-продавец тоже хочет быть принцессой, ну хотя бы в прошлой жизни.

– Убедительный аргумент, – ответил профессор Вендерс, – но он уже давно устарел. В университете Вирджинии были исследованы тысячи случаев реинкарнации. Результат вас поразит: лишь незначительное количество людей утверждало, что они являются реинкарнациями известных людей прошлого. Для остальных прошлая жизнь означала упадок социальной стороны жизни.

– Тогда рассказанный мной случай скорее исключение из правила. Бент-Анат была царицей, а женщина, о которой идет речь, – простой врач.

– Совершенно верно. Что касается врачей, то на эту тему тоже проводились исследования. Среди них большей частью были образованные и даже ученые люди, которые утверждали, что уже жили в теле другого человека.

Хотя все эти общие теории и привлекали Макорна, он все же решил перейти к сути своего случая и задал такой вопрос:

– Профессор, какие выводы вы можете сделать из того, что упомянутый человек ищет данные о своей прошлой жизни в древних документах? Если спросить по-другому: чего можно ожидать, если она все-таки найдет ключевое событие?

– Это интересный аспект, и мы можем только голословно рассуждать на эту тему. Но я думаю, мы должны поступить так. Здесь прежде всего следует обратить внимание на вопрос личных связей, отношения мать – ребенок, любовь и партнерство, рождение и смерть. Что известно о жизни Бент-Анат?

– Немного, практически ничего. Только то, что она была дочерью Рамсеса II и позже стала его супругой.

Вендерс задумался.

– Полагаю, все это объясняется беспокойным поиском возрожденного «Я» с помощью подсказок прошлого. Я уверен, эта женщина будет появляться везде, где хранятся документы времен Бент-Анат. И рано или поздно она снова окажется у гробницы мумии.

– Это невозможно, – перебил его Макорн, – гробницу затопило Асуанское водохранилище.

– Бог мой! – тихо произнес профессор. – У меня страшное подозрение. Но подозрение абсолютно не научное, чистое предположение. Во всяком случае, вы должны немедленно отыскать эту женщину. И чем скорее, тем лучше.

51

Макорн предпринял все возможное, чтобы убедить профессора рассказать, что же его так беспокоит. Он вернулся назад в Мюнхен с намерением провести дальнейшие поиски Геллы Хорнштайн без Камински. Он хотел наконец-то разобраться во всей этой истории. Этот случай вышел далеко за рамки профессиональных дел, которые он до этого расследовал. Он сам превратился в персонаж этой истории.

С Камински за это время произошла странная перемена. Макорну казалось, что Артура дальнейшие поиски Геллы интересуют постольку-поскольку – казалось, он хочет оставить все как есть.

Камински начал сильно пить. Таким Макорн его еще не видел. Камински пил так много красного вина, что Макорну каждый вечер приходилось отводить его в постель.

Вернувшись домой после разговора с профессором Вендерсом, он застал Артура в уже ставшем привычным состоянии физической беспомощности. Но, как всегда, Камински был способен реагировать на речь.

Слова Макорна о том, что он разговаривал о случае Геллы Хорнштайн с профессором парапсихологии, подействовали на Камински отрезвляюще. Его безмятежное лицо мгновенно омрачилось, он раздраженно взглянул на друга.

– Мы же договорились оставить эту историю в покое. Что еще ты пытаешься найти в моей жизни?

– Артур, – осторожно начал Макорн, потому что знал, какие приступы гнева случаются у Камински во время опьянения, – я понимаю твое положение. Оно усложнилось и для меня. Но проблема не решится, если мы спрячем головы в песок. Я журналист, и это самая захватывающая история, с которой я когда-либо сталкивался. Я слишком много потратил на нее сил и средств. И думаешь, я так просто скажу: «А в принципе-то ничего и не произошло»?

Камински сунул руку в карман, словно искал деньги.

– Хорошо, хорошо, – сказал он с наигранным дружелюбием. – Сколько ты потратил на это... дело? – Последнее слово он произнес угрожающим тоном. – Все издержки я беру на себя, можешь не беспокоиться! Ясно?

Майк чувствовал, что радушие, с которым его встретил друг, фальшиво. Он представлял, что происходит на самом деле, и попытался успокоить Камински.

– Ты же знаешь, что это не мои деньги. Это были деньги журнала, и там ожидают от меня статью, понимаешь? И вообще, мне кажется очень важным, чтобы ты узнал, что происходит. Артур, это не сенсация, когда людям неинтересно. Ты знаешь это лучше, чем я!

– Все! Забудь! Хватит! – Камински хлопнул ладонью по столу. – Я не могу больше слышать имя Геллы Хорнштайн!

– Но это же ерунда! – повысил голос Макорн. – Ты прячешься от своей проблемы. Тебе, может быть, даже удастся это сделать на пару дней или недель. Но потом ты снова вернешься к Абу-Симбел, и все начнется сначала!

– Я не могу больше слышать этого имени! – повторил Камински.

– Ах вот как! Могу поспорить, что, если сейчас в дверь позвонит Гелла Хорнштайн, ты подпрыгнешь от радости, словно ничего и не было.

Камински взглянул на Майка. Ему было трудно скрывать свое опьянение.

Макорн от души сочувствовал ему.

– Ты должен смириться с мыслью, – осторожно продолжил Макорн, – что в случае с Геллой мы имеем дело с реинкарнацией. Гелла – это перерождение царицы Бент-Анат, по крайней мере она так думает. Такие случаи, как этот, нередки.

– И что сказал этот Вендерс?

– Это действительно так.

– Величайшее открытие. Но мне до этого нет дела.

– Ты *должен* это осознать! Вендерс детально объяснил мне поведение Геллы. Она сейчас ищет свою прошлую личность. Она ищет объяснение тому, что произошло. На скарабее она нашла указание, но оно ничего не прояснило. Именно поэтому Гелла появляется везде, где можно найти тексты о жизни Бент-Анат. Гелла только тогда обретет покой, когда будет знать все о своей прошлой жизни. Только тогда она станет той, которая так много для тебя значит.

Камински свесился с дивана и разглядывал свои ботинки, словно все это его не касалось. Его поведение разозлило Макорна. Упрямство Артура больше подходило ребенку, чем взрослому человеку. Майку безумно хотелось схватить его за плечи и хорошенько потрясти, но, скорее всего, это только усугубило бы ситуацию.

Пока Макорн размышлял, Камински тяжело поднялся, отправился в коридор и, вытащив из шкафа свои потертые чемоданы из синтетического материала, начал запихивать туда нехитрые пожитки.

– Что ты делаешь?

– Я сваливаю отсюда, – ответил Камински, не прерывая своего занятия. – Ты злоупотребил моим доверием. Я сматываюсь.

Макорн больше не мог сдерживаться и разъяренно закричал:

– Ну и катись! Проваливай. Иди куда хочешь. Но больше не попадайся мне на глаза!

Камински остановился, взглянул на Макорна и ответил:

– В этом можешь не сомневаться!

Он надел пиджак, взял чемоданы и ушел. Макорн услышал, как хлопнула дверь. Вдруг стало неприятно тихо.

Только на следующий день Макорн понял, как он привязался к Артуру, насколько важной была для него жизнь этого человека. Может, стоило найти его и попросить вернуться? Майку эта мысль показалась абсурдной. Он знал упрямство Камински. Но у него не возникало сомнений, что Артур вернется.

Макорн ошибся. Камински не пришел ни на следующий день, ни через день. Может, Майк заблуждался относительно его?

Через четыре дня ему позвонили. Это был Балое. Он нашел место архивариуса в газете «Пари Матч» – это, конечно, не профессия его мечты, но по крайней мере он зарабатывал деньги, которые так были нужны ему и Рае в первое время.

Причина звонка испугала Макорна, хотя ничего страшного Балое ему не сообщил. Француз рассказал, что нашлась Гелла Хорнштайн, причем при странных обстоятельствах. Именно эти обстоятельства и заставили Балое позвонить Макорну. Он хотел знать, где Камински.

Макорн, чтобы не усложнять ситуацию, решил умолчать о ссоре с Камин-

ски. Он ответил, что непременно все передаст Артуру.

Балое рассказал (очевидно, это была его попытка извиниться перед Камински и сделать ему приятное), что он встретил Геллу на станции метро Pont Neuf.[4]

Он сразу ее узнал и заговорил с ней. У Геллы был отсутствующий вид, и она повела себя так, будто не знает его, – обругала и попросила не приставать.

На вопрос Макорна, не ошибся ли он (все-таки по Парижу ходят сотни тысяч туристов), Балое ответил, что это исключено. Даже если и существует какая-нибудь другая госпожа Гелла, просто похожая, это было бы крайне необычно, потому что у этой женщины был такой же низкий хриплый голос и она так же приволакивала левую ногу, как и Гелла Хорнштайн.

Балое стало ясно, что Гелла Хорнштайн не желает с ним общаться. Возможно, она болезненно восприняла историю с КГБ. Балое решил, что ее поведение было таким именно из-за этого, и извинился, сказав, что, наверное, ошибся. Он поднялся по ступеням метро, чувствуя, что Гелла наблюдает за ним, опасаясь, как бы он за ней не проследил. Но, увидев, что он перешел на другую сторону станции, она продолжила свой путь, уже не опасаясь слежки. Балое изда- лека видел, как она прошла по Рю-де-Риволи и вошла в Лувр.

«Лувр... – подумал Макорн. – Конечно, я должен был догадаться! В Лувре находится величайшая в Европе коллекция египетских предметов древности. Если не там, то где же еще искать сведения о жизни царицы Бент-Анат?»

Майк Макорн раздумывал недолго и заказал билет на ближайший рейс в Париж. Он был уверен, что там еще немного приблизится к решению проблемы. А кроме того он, как и все репортеры, очень любил Париж.

52

Отель «Дантон» находился на одноименной улице в Сен-Жермене. Макорн был ограничен в средствах, а цены в отеле были приемлемыми, кроме того, отсюда можно было дойти пешком или же добраться на метро до любых объектов в городе.

Макорн надеялся встретиться в Париже с доктором Хорнштайн. Он решил проверить теорию реинкарнации профессора Вендерса на практике. Он бы уж от Геллы не отстал и вывел ее на чистую воду. В этом он был профессионалом. У него на руках было достаточно фактов, чтобы заставить ее заговорить. И это интервью будет грандиозным финалом всей истории.

В первый же вечер Макорн встретился в маленьком ресторанчике с Жаком Балое и Раей Куряновой. В меню была рыба, исключительно рыба, – большинство названий были незнакомы Макорну. Жак и Рая, которая взяла себе фамилию Тенэ, выглядели счастливыми. По их виду можно было с уверенностью сказать, что на них больше не давит секретная русская служба. Они выглядели свободными и незаметно для других сполна наслаждались этой свободой. Потому что оба многие годы страдали недоверием к окружающим.

Рая, или лучше сказать Симона (Жак ее тоже так называл), через пару месяцев собиралась устроиться на работу, пока же ее выговор немного отличался от парижского.

Макорну пришлось сознаться, что он поссорился с Камински. Но он не говорил плохо об Артуре, как раз напротив. Дальнейшие поиски, как утверждал Макорн, нужны были ему не для репортажа, а чтобы выложить перед Камински все доказательства и вытащить его из пропасти. Где сейчас был Камински, он точно сказать не мог. Он не знал.

Нет, Макорн всерьез относился к дружбе с Камински. И когда Балое однажды заявил, что Камински – шпион КГБ и заманил его с Раей в ловушку, Майк начал доказывать, что это противоречит фактам, что Камински в Абу-Симбел думал только об одном – о Гелле Хорнштайн.

Что касается поисков Геллы, то Балое не мог предложить ничего лучше, как сидеть в Лувре и ждать. Бессмысленное занятие, потому что в Лувре несколько входов. Макорн решил идти другим путем.

Он нашел Египетский отдел в Лувре и показал каждому сотруднику музея, работающему в этом зале, фотографию Геллы Хорнштайн. Он спрашивал, не появлялась ли здесь эта женщина в последние дни. После двадцатой попытки Майк сдался.

В конце концов Макорн отправился к директору Египетского отдела, Пьеру Ледо, и рассказал ему правду. Не было причин что-либо привирать или скрывать журналистское расследование. И профессор Ледо, приверженец оккультных наук, увлекся этой историей.

– Реинкарнация царицы Бент-Анат? – произнес Ледо по слогам. Случай заинтересовал его. – Чем я могу вам помочь?

– Все очень просто, – ответил Макорн. – В вашем отделе есть документ, который имеет отношение к Бент-Анат или рассказывает что-нибудь о ее жизни?

Ледо, хитрый француз с сальными волосами, почесал затылок и на мгновение задумался.

– Подождите, мосье... Бент-Анат... – Он пролистывал в голове каталог Египетского отдела. – Вы должны понять, – виновато объяснил он, – Бент-Анат не была значимой личностью в истории. Даже Нефертари, главная супруга Рамсеса, о которой есть множество документов, малозначимая личность в истории Египта.

– Я знаю, – согласился Макорн, – но в связи с вышеупомянутым Бент-Анат значит намного больше! Вы точно уверены, что в этом огромном музее нет никаких сведений об этой женщине?

Ледо уверенно кивнул.

– Абсолютно.

Ответ Ледо вызвал у Макорна недоверие. Гелла Хорнштайн, как он понял, была истинной представительницей своего пола. Может быть, Гелла перетянула Ледо на свою сторону и заплатила за его молчание? Она в своих поисках документов о Бент-Анат ни разу не промахнулась.

С другой стороны, среди ученых существовала сильная конкуренция, что, в общем-то, объясняло поведение Ледо. Макорн не поверил французскому профессору, однако такой ответ не поверг его в уныние. И он сказал об этом своему оппоненту. Макорн спросил:

– Скажите, профессор, сколько археологов сейчас работает в Лувре? Я имею в виду экспертов по египтологии.

– Кроме меня еще трое, – ответил Ледо, – я охотно их вам представлю.

Макорн вежливо отказался. Если профессор что-то скрывает, ему не составит труда заставить своих сотрудников молчать. Макорн поблагодарил профессора и вышел из кабинета в приемную.

Секретарши в приемных просто притягивали Макорна. Причина крылась не в их привлекательности, а скорее в ценности информации, которой они обладали. Используя последний шанс, Макорн показал фотографию Геллы секретарше Ледо – улыбчивой даме в черном костюме. И задал вопрос, не появлялась ли здесь эта женщина.

Попытка провалилась. Секретарша не смогла вспомнить.

Макорн хотел уже уходить, как вдруг в дверях показался профессор.

– Хорошо, что вы еще не ушли, мосье. Я как раз припомнил...

Ничего не объясняя, Ледо сделал знак следовать за ним. Взволнованный, он быстро шел по бесконечным залам музея. Макорн едва поспевал за ним. Поднявшись по широкой лестнице, они наконец добрались до длинного зала с витринами по бокам.

Во время этого похода по Лувру Ледо не проронил ни слова. От Макорна ускользнуло, что профессор о чем-то напряженно думал. У одной из витрин между окнами профессор остановился и указал на стеклянный ящик размером не больше коробка из-под обуви.

– Я думаю, вам это будет интересно, мосье.

Он указал на окрашенную охрой деревянную коробочку с нарисованными фигурками полулюдей-полуживотных, окруженных тонкой вязью иероглифов.

– Шкатулка времен Рамсеса II, – пояснил Ледо. – Особой ценности она не представляет, но в очень хорошем состоянии. Прежде всего это касается надписей. Доподлинно не известно, кому принадлежала шкатулка. Я предполагаю, что Рамсес подарил ее одной из своих многочисленных жен. Ваш рассказ

натолкнул меня на мысль...

Макорн забеспокоился. Профессор подозвал сотрудника и дал ему какие-то указания. Пока тот не вернулся, Ледо не произнес ни слова. Он неотрывно смотрел на ящичек и едва различимо шевелил губами, будто что-то шептал. Макорн не решался ему помешать.

Сотрудник вернулся с маленьким ключом и открыл витрину. Ледо указал на крышку шкатулки. На внутренней стороне красовались искусно выписанные иероглифы. Ледо присмотрелся к надписи. Так он простоял несколько минут. Ни он, ни Макорн не обращали внимания на людей, которые с интересом за ними наблюдали.

– Вот! – вдруг произнес профессор, указал на косою иероглиф и начал, запинаясь, расшифровывать: – «Я, безымянная, обнимаю глаз Узат и буду веселиться на свету. Я та, на которую смотрит око Хора, и живительный аромат ока Хора очистит мое тело. Помазанная ароматом ока, я стану духом света, и мои кости и члены воссоединятся, Усермаатра-Сетепенра из-за моей измены разбил...»

Макорн был поражен тем, что профессор вычитал в запутанных символах. Он никогда не занимался такими вещами. Его это привлекало, хотя он ничего не понял в содержании текста.

– Как это можно толковать в связи с моим делом?

Профессор еще раз повторил прочитанное.

– У этой шкатулки темная история. Она попала в Париж после египетской компании Наполеона. Она находилась у крестьянина, жившего в окрестностях Абу-Симбел. Ни один исследователь, да и я сам, не придавал значения ее происхождению. Все думали, что шкатулка какими-то путями попала в Абу-Симбел из Долины царей. После вашего рассказа о находке гробницы Бент-Анат эта шкатулка и ее происхождение приобретают совсем другой смысл.

– Вы думаете, эта шкатулка из гробницы Бент-Анат?

– Я думаю, что это возможно, мосье. «Я, безымянная» – это о царице Бент-Анат. Конечно, пока что это только версия. Но все косвенные доказательства указывают именно на нее.

Интерес Макорна все возрастал. Он не понимал, какую роль могла играть в этой истории Гелла Хорнштайн. Также у него не укладывалось в голове, почему в тексте Бент-Анат названа «безымянной».

Ледо заметил сомнения Макорна.

– Вы должны знать, мосье, что для человека в Древнем Египте не было ничего страшнее, чем лишиться своего имени. Это означало угасание жизни навсегда. Поэтому лишение имени считалось самым страшным наказанием.

– А на шкатулке не написано имя владелицы?

– Нет. В тексте стоят сотни имен, но имени человека, о котором здесь идет речь, нет. Она сама себя называет: «Я, безымянная».

– А кто решил отнять у нее имя?

– Ну кто, мосье? Конечно, фараон!

– Значит, в этом случае Рамсес? Но Рамсес был для Бент-Анат мужем и отцом!

– Именно.

– Тогда я не понимаю.

– Рамсес любил свою дочь Бент-Анат больше всего на свете, больше, чем

любимую супругу Нефертари, для которой он построил маленький храм в Абу-Симбел. Но Рамсес горько разочаровался в Бент-Анат.

– Дайте-ка я отгадаю. Бент-Анат любила другого.

– Неправильно. Бент-Анат была шпионкой кровных врагов Рамсеса – хеттов!

– Бог мой! – Макорн потер рукой лоб.

У него возникло чувство, будто занавес, закрывавший сцену, упал. С трудом ему удалось привести свои мысли в порядок: «Гелла Хорнштайн шпионила для русских, Гелла Хорнштайн была Бент-Анат!»

– Вам нехорошо, мосье? – поинтересовался Ледо. Макорн выглядел измученным.

– Нет, нет, – успокоил репортер, – это все из-за волнения. Постепенно странное поведение Геллы Хорнштайн обретает смысл. Она действительно жила второй жизнью царицы Бент-Анат.

– Кошмар! – произнес профессор.

– Что вы имеете в виду?

– Вот! – Ледо ткнул пальцем в текст и зачитал: – «...я стану духом света, и мои кости и члены воссоединятся...» Это значит...

– Египетский эксперт по мумиям, – перебил Макорн профессора, – обнаружил у Бент-Анат многочисленные переломы, среди которых был перелом основания черепа и таза.

– Из текста ясно следует, что Усермаатра-Сетепенра разбил ее члены.

– А кто такой этот Усермаатра...

– Рамсес. Усермаатра-Сетепенра – это его имя при коронации.

– Вы думаете, Рамсес собственноручно убил Бент-Анат?

– Ну нет, мосье, фараон никогда не убивал, фараон приказывал убить.

– И как это все происходило?

Профессор Ледо пожал плечами.

– Хотя нам и известно, что у египтян были казни, но детально об этом мы ничего не знаем. Поэтому я не могу ответить на ваш вопрос. Но что касается данного случая, мосье, он меня как египтолога очень заинтересовал. Где сейчас может быть Гелла Хорнштайн?

Макорн беспомощно поднял руки.

– Если бы я знал! Несколько дней назад ее видели в Париже.

Он вынул из кармана фотографию и протянул ее Ледо.

Служащий музея, который все это время стоял возле них и внимательно прислушивался к разговору, энергично закивал и указал пальцем на фото. Да, он видел здесь эту даму. В последние дни она подолгу стояла у витрины со шкатулкой. Она запомнилась служащему своей исключительной красотой, у нее были короткие черные волосы. Он принял ее за француженку. Когда она смотрела на шкатулку, вид у нее был отрешенный.

– Когда это было? – Макорн схватил сотрудника музея за руку.

Тот подумал, подсчитал в уме и ответил, что точно сказать не может, но где-то три-четыре дня назад он видел даму в последний раз.

С губ Макорна сорвалось проклятье, но ни Ледо, ни служащий зала не поняли его.

Поначалу Макорн хотел вернуться в Мюнхен в тот же вечер, но профессор Ледо заинтересовался случаем и обещал отыскать что-нибудь еще о Бент-

Анат.

В Лувре профессор ничего не нашел. Тем не менее, когда на следующий день Майк Макорн снова появился у него в кабинете, Ледо рассказал ему о неожиданном открытии.

На Шиллерштрассе, которая пользовалась дурной славой, Камински снял комнату. Пансион назывался «Эльза», по имени хозяйки, энергичной полной вдовы за пятьдесят. Ее незамужняя дочка была похожа на мамашу как две капли воды, причем даже габариты обеих совпадали. Пансион был в общей сложности на двадцать коек, и Камински уже на второй день узнал, что кровати сдаются почасово, с предоплатой, чеки, само собой, не принимаются.

Он был один в пустой комнате, которая точь-в-точь походила на ту, что была в Асуане, – пусть даже окна здесь не были закрыты ставнями и выходили на велосипедную дорожку и магазин швейных машинок. Здесь он понял, что без Геллы его жизнь лишена смысла. Он чувствовал непреодолимое желание поговорить с ней, а когда встречал здоровенную дочку хозяйки, чувствовал, что хочет спать с Геллой, хочет дикой, животной страсти, которая разгоралась между ними в такие моменты.

Не зная, что делать, Камински отыскал пассиву в библиотеке – доктора Вурцбах. Строгая девушка в возрасте, если можно так сказать, впитывала комплименты, как первые лучи весеннего солнца. Это Камински заметил сразу.

Он явился с букетиком фиалок, который приобрел у торговца возле университета, и пригласил ее поужинать в итальянский ресторан на Терезиенштрассе. Доктор Вурцбах охотно согласилась.

Доктора Вурцбах звали Лейла – имя для нее никоим образом не подходящее. Она пила «Ламбуско», от которого у нее начал заплетаться язык. Камински в тот вечер не знал меры и влил в себя литровую бутылку «Фраскати», которую ставили на каждый стол.

Камински попытался вызвать у Лейлы сострадание, подробно рассказав о поисках Геллы Хорнштайн, которая пропала здесь, в этом городе. Лейла была очарована. Обстоятельства второй жизни египетской царицы Бент-Анат поразили ее настолько, что она обещала посмотреть, где еще хранятся документы того времени.

Камински на нее не рассчитывал. Он думал, что, пока доктор Лейла Вурцбах что-нибудь отыщет, пройдут недели. Но уже на следующий день раздался звонок в пансион. Лейла Вурцбах сообщила ему, что в Германии есть еще один документ, в котором упоминается имя Бент-Анат. Речь идет о памятном камне Хори из кварцита. Он был военным чиновником Рамсеса II и на камне перечислял важнейшие события своей жизни, среди прочих – смерть «безымянной» на сорок втором году жизни его царя.

О происхождении этой «безымянной» высказываются только предположения, одно из которых: «безымянная» – дочь и супруга Рамсеса Бент-Анат. Обстоятельства ее смерти, запечатленные на камне, указывают именно на это. Доктор Штош, берлинский египтолог, знает больше.

Обстоятельства смерти? Камински был словно наэлектризован. Может, Гелла искала сведения о своей смерти?

Недолго думая, он взял билет в Берлин.

Над аэропортом Темпельхоф лежал туман, когда сине-белый «Боинг» компании «Пан Америкен» взлетел. Стоял холодный, мрачный день позднего лета. Будапештская улица и Курфюрстендамм опять были перекрыты из-за новой демонстрации студентов. Таксист, который вез Камински в отель на Кант-

штрассе, как только мог проклинал этот сброд тунеядцев.

Мимо Камински все проносилось как в тумане. В голове была одна мысль: он должен найти Геллу Хорнштайн, чтобы узнать правду о ней. Как бы горячо он ни спорил с Макорном, который сказал ему это в глаза, внутри он уже смирился с мыслью, что Гелла была Бент-Анат.

Он не знал, как и где должен встретить Геллу. Он только чувствовал, что она близко. В тот же день Камински отыскал Египетский музей на Шлосштрассе, там он надеялся найти доктора Штоша, археолога, который занимался камнем Хори. Но Штоша не было, и Артур решил застать его на следующий день.

В поисках камня Камински поднялся по лестнице и забрел в темное помещение. Середина комнаты была слабо подсвечена. Под стеклянным колпаком, окруженный очарованными людьми, стоял бюст Нефертити. Как прекрасен он был!

Камински присоединился к посетителям, восхищаясь нетленной красотой. Современный макияж на трехтысячелетнем лице вызвал в нем легкое волнение. Трепетные, чувственные губы поражали своей реалистичностью, казалось, что скульптура из камня – живая. Разве не будили изящный подбородок и высокие скулы воспоминания о Гелле Хорнштайн? Разве не напоминал этот правильный прямой нос изящные черты Геллы?

Камински забыл о толпящихся вокруг людях. Он пожирал глазами скульптуру – воплощение женской красоты, как вуайерист. Любуясь профилем, длинной шеей и выступающим из-под царской короны затылком, он сменил ракурс и вдруг взглянул через блестящее стекло витрины на противоположную сторону. Он увидел лицо, похожее на скульптуру и отличавшееся одновременно. Артур узнал его: рот с легкой тенью улыбки, правильный нос и темные миндалевидные глаза. Воображение в последнее время неоднократно играло с ним злые шутки, поэтому вначале он не поверил в то, что возникло перед ним, как фата-моргана. У него волосы встали дыбом – больше всего в жизни он хотел, чтобы этот мираж стал реальностью.

Лицо напротив было неподвижно, но все еще обращено в его сторону. Сомнений быть не могло. Несколько секунд две пары глаз смотрели друг на друга, словно соревнуясь, кто сильнее, кто дольше сможет выдержать взгляд другого. Как по команде Артур и Гелла начали продираться сквозь толпу, окружавшую стеклянный колпак. Камински заговорил первым.

– Ты? – нерешительно произнес он и, словно не веря собственным глазам, добавил: – Гелла?

– Да, это я, – ответила Хорнштайн. – Как ты здесь оказался?

Камински взял ее за руки, хотел ответить, но в тот момент, когда он ее коснулся, словно непонятный комок застрял в горле. Он не смог вымолвить и звука. «Где я только тебя ни искал, – хотел сказать Камински, – и что только ни делал, чтобы найти». Но так и остался стоять молча.

Посетители музея бросали на них косые взгляды, и Гелла шепнула Камински:

– Нам нельзя здесь оставаться. Пойдем отсюда!

Камински кивнул.

Когда они вышли из музея, на улице шел сильный дождь. Машины, мчавшиеся по Шпандауердамм, поднимали фонтаны брызг. Подъехал омнибус,

идуший по пятьдесят четвертому маршруту, и остановился прямо напротив них.

– Пойдем! – закричала Гелла и потащила Артура в автобус. – Хоть немного обсохнем.

Ни Гелла, ни Артур не знали, куда едет автобус. Да это, в общем-то, было в тот момент не важно. Гелла повела Камински по узкой лестнице наверх, на второй этаж. Они были там одни.

Они молча сидели рядом и смотрели в окно. Артур смущенно искал руку Геллы. Гелла вздрогнула, когда он ее коснулся, но руку не убрала. Камински только покачивал головой, не в силах осознать все происшедшее за последние несколько минут. Хотя он и искал Геллу, но встреча оказалась для него чересчур неожиданной. Тысячи мыслей пронеслись у него в голове. С чего начать?

– Не говори ничего! – пробормотала Гелла сквозь монотонный гул автобуса. Казалось, в этот момент она прочитала его мысли.

Камински улыбнулся. Он был рад, что Гелла избавила его от необходимости что-нибудь говорить. От ее прикосновения исходило столько тепла, что Артур наконец избавился от бесконечного чувства подавленности, длившегося последние месяцы. Он положил руку ей между бедер. Гелла позволила, но отпрянула.

– Когда я последний раз тебя касался... – выдавил из себя Камински.

– Тихо! – перебила его Гелла. – Хватит уже.

– ...тогда в Асуане, в отеле с закрытыми ставнями.

– Я знаю, – Гелла плотно зажала его руку между бедрами. – Все прошло.

– Прошло? – Камински не понимал. Теперь он смотрел Гелле в глаза: – Ты должна мне объяснить, что тогда произошло. Ты хотела меня убить!

Гелла вдруг развела ноги, и рука Артура повисла в воздухе. Он неловко отдернул ее. Ему стало стыдно за свою назойливость, и он пробормотал:

– Прошу прощения.

Гелла открыто и задорно рассмеялась и стала похожа на ту, что он знал когда-то. Она взяла его руку, которую он стыдливо убрал, и снова зажала ее между бедрами так, что стало больно.

– Я не хотела тебя убивать, – сказала она, отвернувшись. Гелла наблюдала за движением на мокрых улицах. – Думаешь, я не знала, как это делается? Я только хотела вывести тебя из строя на пару дней, чтобы подыскать новый тайник для мумии. Понимаешь?

Артур так ничего и не понял, но не осмеливался переспросить. Рука между бедрами Геллы волновала его все больше. Он боялся, что дальнейшие вопросы (что она хотела сделать с этой треклятой мумией и почему скрывала правду о своем душевном состоянии) прервут это счастье. Камински знал: Гелла могла быть безжалостной. Он промолчал.

– Разве мы не можем просто забыть все, что с нами было тогда? – снова взялась за свое Гелла.

Как мог Камински все это забыть? Абу-Симбел изменил его жизнь навсегда. Но он рассеянно кивнул и стал похож на дрессированную собачку, которая становится на задние лапы, когда того требует хозяин. В нем закипала ненависть, злость на себя самого, на свою слабость. Он был близок к тому, что потерять самообладание и закричать на Геллу: если она думает, что ее появле-

ния достаточно, чтобы вертеть им как угодно... Но тут произошло нечто неожиданное, что изменило все его планы.

Гелла повернулась и села к нему на колени, расставив ноги. Камински растерянно огляделся по сторонам, не наблюдает ли кто за ними. Никого не увидев, он решился и уступил Гелле. Она обхватила его подбородок правой рукой и притянула к себе, одновременно левой пытаясь справиться с его брюками. Гелла подпрыгивала на нем, будто амазонка верхом на мустанге. Артур жадно ласкал ее маленькую упругую грудь. Вдруг Гелла вскрикнула и запрокинула голову назад, словно получила удар плетью.

«Бог мой, какая женщина!» – подумал Камински, и мысли в его голове, казалось, закончились. Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Безвольно, ни о чем не думая, Артур вошел в нее, и Гелла затанцевала на нем. Камински желал, чтобы этот танец продолжался вечно.

Но внезапно он прекратился. «Остановка «Оттозуралее»! Шипение гидравлических дверей автобуса и шумная группа подростков вернули Камински в действительность. Они штурмом взяли верхний этаж. Гелле как раз хватило времени, чтобы соскочить с колен и привести в порядок одежду.

Она весело засмеялась и с равнодушным видом выглянула в окно. Камински понял: ему никогда больше не уйти от этой женщины.

Вечером они договорились встретиться в маленьком ресторанчике на Кантштрассе. Они едва присели за столик, как подошел продавец роз – такие продавцы очень оживляли улицы ночного Берлина. Обрадовавшись, словно мальчик, Камински купил все цветы и преподнес их Гелле. Он хотел показать, насколько любит ее.

И тут Камински увидел то, чего никогда не замечал за ней; Гелла покраснела. Ее щеки стали пурпурно-красными, как наливные яблоки. Артур был счастлив. Он вспомнил, что последний раз испытывал это состояние много месяцев назад – вместе с Геллой.

Первая встреча после долгой разлуки протекала легко, они не касались только *одной* темы. Камински лелеял надежду, что все еще может быть хорошо. Он боялся, что за минувшие месяцы она охладела, изменилась и стала другой, но Гелла с первой секунды зачаровала его своей страстью. С этого момента все подозрения пропали. Артур не мог поверить, что еще вчера обвинял эту женщину в покушении на свою жизнь.

Им обоим сейчас пошло бы на пользу провести вместе пару дней, дней спокойствия и обретения друг друга, чтобы преодолеть хаос, который воцарился в их жизни. Нет ничего прекраснее примирения, когда чувства меняются в желаемую сторону.

Они пили «Фраскати», ели салтимбокку маленькими деревянными палочками и ворошили общие воспоминания о времени в Абу-Симбел.

– Ты помнишь нашу первую встречу? – с улыбкой спросила Гелла. – У тебя на затылке такая рана была, а ты еще хотел, чтобы тебе ее сидя зашивали. Наверное, чтобы я видела, какой ты бравый парень!

– Ну, этого как раз не случилось, – рассмеялся Камински.

– А под наркозом ты размяк, и нам пришлось тащить тебя до кушетки.

Артур подмигнул.

– В этом как раз и заключался мой план! Я просто хотел прижаться к твоей груди. Что потом стало доброй традицией...

– Когда Хекман прослышал о нашем романе, он метал гром и молнии. Он из тех, кто не умеет проигрывать. Он считал себя великаном, но как только я на него смотрела – становился гномом!

Гелла вела себя так, будто и не было проблем в их отношениях. У Артура складывалось впечатление, что ей очень хотелось ему это доказать, как бы это ни было трудно. «Может быть, – думал Камински, – она помешалась из-за того, что жила столько лет одна в пустыне?» Он хотел поделиться своими мыслями с Геллой, но вспомнил об обещании самому себе не касаться пока этой темы.

Камински рассказал о своей новой работе, о заказе в Турции. Но он считал, что нужно еще раз все обдумать. Спросил, какие у нее планы.

Гелла не ответила. Она спросила:

– Ты бы хотел снова вернуться в Абу-Симбел?

Она вынула из кармана зеленого скарабея и положила на стол.

Камински словно окаменел. Он смотрел на Геллу, как будто она открыла ему ужасную тайну. Он чувствовал, как бьется сердце. Он потянулся за скарабеем, но Гелла опередила его и сунула фигурку в карман.

– Я хотела только посмотреть, как там дела. В конце концов, ты сыграл важную роль в этом проекте!

Конечно, Камински было интересно. Конечно, он хотел увидеть, что получилось. Газеты всю расхваливали техническую сторону дела.

Гелла протянула ему через стол руку.

– Я буду сопровождать тебя туда, где все началось. – Ее глаза сверкнули.

«Она права», – подумал Артур. Может, стоит повернуть колесо времени вспять, встретиться снова на том же месте? Возможно, обсудив случившееся, удастся вернуть Геллу. И тогда они вместе будут строить планы на будущее.

Конечно, были сплетни, скандал и бесчестие, но Камински любил эту женщину, более того – он заболел ею. Значит, это был его позор, и только его.

Держа Геллу за руку, Артур вновь почувствовал связь с прошлым. И это теплое чувство привело к тому, что Артур сжал ее руку, будто в бреду, и сам не заметил, как сказал:

– Великолепная идея, Гелла! Давай еще раз вернемся в Абу-Симбел – туда, где все началось.

54

В Париже Майк Макорн узнал, что в Египетском музее в Берлине есть еще одно указание на «безымянную». Профессор Ледо назвал фамилию: доктор Штош. После телефонного звонка доктору Штошу Макорн безотлагательно отправился в Берлин. Майк знал Артура Камински, и у него было чувство, что тот, несмотря на все отговорки, все еще интересовался Геллой.

– Вам не звонил некий Камински? – это было первое, что он спросил.

– Нет, насколько я знаю, – ответил доктор Штош, седой пожилой мужчина в превосходном двубортном пиджаке.

Он был весьма услужлив, но осторожен. – Я долго был в отъезде, возможно, он звонил как раз в это время. А что с этим Камински?

Макорн рассказал всю историю. Он заметил, что доктор Штош высокомерно улыбается.

– И чем же я могу быть полезен? – спросил Штош, когда Макорн закончил.

– Все очень просто, – ответил тот. – Нужен текст с камня Хори или по крайней мере его основной смысл!

Доктор Штош покачал головой.

– При всем уважении к вашему расследованию, господин Макорн, это невозможно. Вы должны понять, что камень Хори – важный исторический документ, и работа над его расшифровкой все еще продолжается. Вы не могли бы подождать, пока научный мир прочтет перевод текста в официальном источнике? Такие публикации проводит наш специализированный журнал.

Он вытащил тонкую брошюрку и положил ее на стол: «Журнал египетского языка и археологии».

– Понятно, – ответил Макорн.

Но в его голосе не прозвучало разочарования. Напротив. Он знал, как упрямы бывают ученые, поэтому начал издаleка:

– Конечно, я понимаю ваше положение. Любой эксперт повел бы себя точно так же. Но я хотел бы сказать две вещи: во-первых, у меня нет ни малейшего желания публиковать текст с камня Хори дословно, меня интересует общий смысл. С другой стороны, позволю себе заметить, что публикация вашего имени и вашей работы в крупном журнале могла бы быть полезна вашему реноме. Есть много примеров ученых, – продолжал Макорн, – которые достигли мировой славы, когда о них написала пресса. Вы должны об этом помнить, доктор Штош!

Доктор Штош постоянно сморкался. Ему нужно было время, чтобы подумать. Макорн был прав. Его исследованиям часто не хватало популярности. Фамилия Штош никому не была известна, за исключением коллег.

– Что вы хотите узнать? – спросил он.

– Меня интересует все, что сообщает камень Хори о «безымянной». Все, понимаете?

– И вы упомянете мое имя в своей статье?

– Само собой разумеется. Это дело чести. Так же, как я упомяну имя профессора Ледо.

Мысль о том, что его имя будет стоять рядом с именем профессора из Лувра, польстила Штошу. Он подошел к шкафу и взял с полки желтую папку.

– Вы должны понимать, – извиняясь, произнес он, – все, что я вам сейчас

покажу, еще не опубликовано. Есть только сырой перевод текста. Он не выдерживает научной критики. Право публикации остается за мной.

Последние слова он произнес медленно, даже задумчиво. Потом достал из папки четыре листа и выложил их на стол. Левая часть листов была исписана иероглифами, на правой – непонятные согласные, соединенные дефисами. Под ними в скобках был перевод на немецкий.

– Хори был начальником гвардии Рамсеса II, – начал Штош. – Памятных камней, как этот, было множество. Каждый человек высокой должности заказывал такой камень, чтобы увековечить свое имя. При этом Хори сообщает о важных событиях своей жизни. В данном случае велась военная кампания против хеттов.

– А что сообщает Хори о «безымянной»? – не терпелось Макорну.

– Не спешите, – остановил собеседника Штош, – вначале я объясню, почему считаю, что под «безымянной» подразумевается именно Бент-Анат. Я переписывался с профессором Ледо, и он поддерживает меня...

– Да, Ледо мне все рассказал, – перебил ученого Макорн, боясь, что объяснения превратятся в лекцию. – Итак, мы исходим из того, что «безымянная» – это Бент-Анат.

Штош негодуяще посмотрел на журналиста. Доктору не нравилась напористость Макорна. Наконец он, взяв в руки третий лист, продолжил:

– Место, которым вы изволили интересоваться, находится здесь. – Он зачитал: – «В сорок второй год правления Усермаатра, могучего быка, угодного Амону, великая царская супруга, носящая венец Хатора, утратила свое имя. Это была плата за ее измену, когда Усермаатра забрал у нее дыхание Атума на вершине своего южного храма...»

Макорн вопросительно взглянул на доктора:

– Что все это значит?

Штош скривился, потом выдавил из себя улыбку и ответил:

– Древние египтяне старались красноречиво выразиться. Они привыкли описывать факты с помощью сложных речевых оборотов. Поэтому такие тексты расшифровать трудно. Ледо говорил, что Бент-Анат была шпионкой хеттов. Это и подтверждает слово «измена».

– И что это значит: «Усермаатра забрал у нее дыхание Атума»?

– Этому есть простое объяснение. Атум – олицетворение бога-создателя в древнем хаосе. Его дыхание – это бог воздуха Шу, вместе с Тефнут, сестрой и супругой, он является основой всей жизни. Говоря современным языком, Атум – это кислород.

– Это значит, Рамсес наказал ее, забрав кислород, лишил ее воздуха для дыхания. Он ее задушил, доктор! Рамсес убил Бент-Анат! – Макорн смотрел на доктора и взволнованно ожидал ответа.

– Это могло быть логическим следствием. Я пришел к такому же мнению, – ответил Штош.

– А «южный храм» – это...

– ...Абу-Симбел.

– Рамсес убил Бент-Анат, – повторил Макорн, – в Абу-Симбел.

Он попытался сопоставить услышанное с жизнью Геллы Хорнштайн. Была ли это именно та тайна, которую искала Гелла? И если она знала эту тайну, то какие последствия могло это иметь?

– Скажите, доктор, – задумчиво продолжал Майк, – какой символический смысл имеет скарабей? Я спрашиваю потому, что женщина, о которой идет речь, постоянно носит с собой скарабея из гробницы мумии. Может ли это что-нибудь значить?

Штош вначале смущенно развел руками, словно хотел сказать: «Ну что я могу знать о мотивах этой женщины?», но потом ответил:

– Скарабей – не что иное, как наш обычный жук-навозник. Древние египтяне приписывали ему огромное значение.

Иероглиф, обозначающий скарабея, значит «зарождение». Египтяне верили, что скарабеи размножаются самозачатием. Они не знали, что скарабей защищает свои яйца навозным шариком. Они видели только, что из шарика вдруг появляются личинки. Поэтому они почитали этого жука как «Хепре», что значит «зарождающийся из земли». Постепенно они приравнивали скарабея к богу-создателю Атуму, позже даже к самому богу солнца Ра, дарителю жизни. Скарабеев давали умершим как амулет и символ новой жизни.

Макорн понял: все, что делала Гелла Хорнштайн, строго соответствовало образцу, в ее поступках не было случайностей, она и в своей второй жизни хотела остаться такой же. Означало ли это, что она знала о своем конце?

«К счастью, – подумал он, – Гелла и Артур сейчас слишком далеко от Абу-Симбел».

18 сентября 1968 года в немецкой прессе появилось следующее сообщение: «Гамбург/Каир (ДПА[5]).

Самое авантюрное предприятие столетия завершено. В минувшее воскресенье египетские власти провели торжества в честь открытия древнего храмового комплекса в Абу-Симбел. За четыре года работы архитекторам, инженерам, техникам и организаторам удалось распилить храм на более чем тысячу частей и возвести заново в ста восьмидесяти метрах от старого места. Спасательная операция была необходима, так как из-за плотины уровень воды в Ниле поднялся и затопил бы храм. Проект проводился под руководством фирмы «Хохунд-Тифбау» из Эссена. В консорциум компании входили шведские, французские, итальянские и египетские фирмы. Общий контроль осуществляла ЮНЕСКО и египетское правительство. На обращение ЮНЕСКО от 8 марта 1960 года откликнулись более пятидесяти стран мира и передали средства на спасение храма в Абу-Симбел. Предварительные расходы составили двадцать шесть миллионов долларов США. ФРГ на торжественном открытии представлял министр по экономической помощи развивающимся странам Ганс-Юрген Вишневски».

56

Тремя днями позже Артур Камински и Гелла Хорнштайн прилетели на самолете в Абу-Симбел. Пыльная и пустынная взлетно-посадочная полоса, требовавшая от Куроша немалого мастерства, сейчас превратилась в длинную бетонную дорожку. Сюда садились теперь большие турбовинтовые самолеты с сотнями пассажиров.

Со стороны Нила дул хамсин, и турбины самолета сразу после посадки закрывались алюминиевыми люками для защиты от песка.

На месте старого барака Куроша теперь стояло кирпичное справочное бюро, в котором гремели репродукторы. По битумной трассе от аэропорта до храма курсировали два стареньких автобуса. С того времени, как Камински начал здесь работу, воды в водохранилище прибавилось вдвое.

В автобусе было невыносимо жарко. Потная одежда прилипала к сиденьям, а древний мотор дымил, как паровоз.

– Посмотри только, – сказала Гелла, глядя в окно, – от лагеря рабочих не осталось ни одного барака!

– Но наши дома, казино до сих пор здесь, – улыбнулся Камински.

– Госпиталь даже заново выкрасили. Интересно, Хекман все еще там работает? – Гелла толкнула Камински в бок.

Туристы высыпали из автобуса и оживленно зашумели, проходя по дорожке к храму.

– Я хотела бы побыть здесь, – сказала Гелла, – только вдвоем с тобой, Артур.

Камински взял Геллу за руку и огляделся по сторонам.

– Куда мы идем? – улыбаясь, спросила Гелла.

Артур не ответил, и Гелла последовала за ним. Они поднялись на холм, за которым теперь стоял храм. Отсюда была видна вся окрестность.

– Вот! – сказал Камински и ткнул пальцем. – Помнишь? Склад едва можно узнать. Там, в песке, мы с тобой впервые занимались любовью под открытым небом. Было так же жарко, как и сегодня.

– Конечно, помню, – ответила Гелла и потупила взгляд, будто устыдившись. – Здесь каждый камешек – это воспоминание.

– Приятное?

– Да. – Ответ Геллы был не очень убедительным.

– Возможно, ты права, – сказал Артур, – но в то время здесь случались вещи, которых лучше бы не было.

Он взглянул на Нил. Противоположный берег сливался с желтой дымкой неба.

– И какие же? – спросила Гелла, взяв Камински под руку. Ветер усиливался. Когда они говорили, на зубах хрустел песок. – Я тебя спросила! – настаивала Гелла. – Чего бы ты не стал делать?

Артур промолчал. Она раздраженно взглянула на него, отпустила его руку и остановилась, загородив дорогу. Тогда Камински неохотно ответил:

– Лучше бы я не находил мумию.

Выражение лица Геллы изменилось в одну секунду. В женственных чертах проступила мужская твердость, в веселых глазах появились злость и ненависть.

– Я знаю, – сказал Камински, успокаивая Геллу, – мы не хотели больше об

этом говорить, но ты меня вынуждаешь...

– Мы *должны* об этом поговорить, – возразила Гелла. – Где же еще, если не здесь?

Хамсин гнал облака пыли и песка, и Камински предложил вернуться к автобусу.

– Останься! – закричала Гелла. В ее голосе опять появились нотки, которые пугали Камински. – Почему ты не готов услышать правду?

– Правду? Что такое правда?

– А правда в том, что я не та, за кого ты меня принимаешь.

– Я знаю, знаю! – горько ответил Камински.

– Ничего ты не знаешь! – злобно закричала Гелла. – Ты вообще ничего не знаешь. А если ты и будешь знать, то не сможешь мне поверить.

Теперь уже и Камински говорил раздраженно:

– Ну хорошо, я ничего не знаю, я ничего не понимаю! Тогда объясни мне, в чем дело.

Гелла вытащила из кармана зеленого скарабея.

– Вот! – Она протянула его на ладони Артуру, будто живое насекомое. – Ты помнишь, где его нашел?

– Конечно. Глупый вопрос. Я его вынул из кулака мумии.

Правильно. А почему, как ты думаешь, мумия держала этого скарабея в руке?

– Наверное, есть какой-то символический смысл.

– Конечно! – воскликнула Гелла.

– И какой же?

– Бент-Анат держит в руке свою судьбу, это написано на камне. И этот камень сейчас у меня в руке, и судьба Бент-Анат – это моя судьба.

Камински хотелось закричать. Нужно было найти выход из этой ужасной ситуации. Он хватал ртом воздух, но его горло словно перехватили удавкой. «Значит, – думал Камински, – все должно начаться сначала?»

В порыве беспомощной ненависти он бросил Гелле в лицо:

– Тебе недостаточно бед, которые произошли из-за этого бреда? Ты хочешь погубить нас обоих?

– Бред, бред! – закричала Гелла гневно. – Ты называешь все, что не можешь понять, бредом. Я знала: ты никогда не поверишь, что я и есть Бент-Анат.

Камински подошел к Гелле, взял ее за плечи и встряхнул, словно намереваясь вытрясти мрачные мысли из ее головы.

– Ты – не Бент-Анат! – закричал он, захлебываясь от ярости. – Это просто бредовая идея, что ты – это она!

Гелла коварно улыбнулась и угрожающе выставила вперед зеленого скарабея:

– Я тебе это докажу!

Камински попытался вырвать скарабея из ее рук, но Гелла сопротивлялась с такой невероятной силой, что Камински удивился, откуда она взялась в этом маленьком хрупком теле. Он просто *должен* был заполучить этого проклятого скарабея. Он хотел швырнуть его в Нил, Может, это вернет Гелле благоразумие. Но Гелла не отдавала.

Словно тиски, обхватили его руки горло Геллы. Камински сжал их, но это не подействовало. Она с ненавистью посмотрела на него, будто хотела ска-

зять: «Ну же, давай, ты слабак, ты не способен меня убить!»

Разыгралась буря, и беспощадная жара, которая пришла вместе с ней, лишила Камински сил. Возможно, все дело было в отчаянии, в которое Артура ввергли слова Геллы. Он чувствовал, что не может причинить ей боль, хотя *хотел* этого. Он хотел мучить Геллу, потому что ненавидел ее, как лютого врага.

Он ожидал, что она будет кричать, попытается вырваться. Но ничего подобного не произошло. Гелла стояла, словно ожидая, что он сделает дальше.

И вдруг ее губы дрогнули, потом ожили глаза. Казалось, что она в одно мгновение почувствовала боль. Это придало Камински сил. Он сжал руки сильнее, сжал так яростно, что пальцы заньли.

Она попятилась назад, перебирая ногами, как цирковая лошадь, но, кроме тихого хрипа, не издала ни звука, лишь с ненавистью смотрела в глаза Камински.

Почему она не защищалась? Почему не применила силу, которую продемонстрировала минуту назад? Почему не отбивалась, не пыталась высвободиться?

Хотя Камински хотел убить Геллу (он осознавал это), его вдруг охватил страх. Он боялся, что Гелла внезапно перейдет в атаку и сбросит его вниз. Он был уверен, что на это сил у нее хватит.

Чтобы предупредить это, он собрал последние силы, и вдруг увидел, что выражение ее лица изменилось. Камински стало страшно. Это было уже не то знакомое лицо. Глаза Геллы вылезли из орбит. Горизонтальные морщины прорезали лоб, словно шрамы. Щеки запали и потемнели, словно битые потемневшие места перезрелого яблока. Она покачнулась и начала клониться назад.

Мгновение Артур упивался своей силой. Его лицо исказилось, на зубах хрустел песок. Когда Гелла закачалась, Артур, чтобы самому не упасть, разжал руки.

Бент-Анат рухнула на каменный выступ. Ее тело обвисло и упало, как подстреленная птица. Сверху была видна корона на голове колосса Рамсеса, о которую оно ударилось. Убийца увидел еще, как безжизненное тело задело колени Рамсеса и упало у входа в храм.

Фараон остался стоять на вершине, обдуваемый ветром. В момент триумфа он скрестил руки на груди и посмотрел вниз на свою работу. Это был его час, час мести, которого он так долго ждал, миг отплаты. Он поднял лицо к небу и захохотал. Хамсин обвевал его раскаленным песком и словно оборачивал шерстяным плащом. Хамсин дул еще сутки.

Труп нашли на следующий день у подножия второго колосса.

57

Двумя днями позже газеты всего мира сообщали о странном самоубийстве в Абу-Симбел. Бывший доктор совместного предприятия «Абу-Симбел» бросилась с вершины храма. По словам других сотрудников проекта, у нее раньше много раз проявлялись признаки шизофрении. Ее уволили четыре месяца назад после того, как она попыталась вместе со своим немецким любовником продать за границу мумию царицы Бент-Анат.

Возле трупа доктора нашли зеленого скарабея из царской гробницы. На нем была надпись. Ахмед Абд эль-Кадр из Египетского музея в Каире расшифровал иероглифы. Текст гласил: «Я, Рамсес, Усермаатра, столкнул тебя со скалы южного храма. И когда бы ты ни жила, тебя постигнет та же участь...»

58

Когда Майк Макорн узнал о несчастном случае, он попытался разыскать Артура Камински. Но Артур исчез. Он так и не поехал на работу в Турцию. В Египте тоже не было его следов.

Тогда Макорн вспомнил о Балое. Балое тайком получил от Камински какой-то адрес, когда хотел отблагодарить Артура за помощь в побеге. Ни Балое, ни Макорн не подозревали, что или кого они найдут по этому адресу: Эссен, Катариненштрассе, 55.

Дом находился южнее городского сада в районе вилл. Он был обсажен плакучими ивами. На двери висела табличка «Камински». Когда Балое и Макорн позвонили в дверь, им открыла двадцатилетняя девушка.

Макорн представился другом Артура Камински и поинтересовался, можно ли его увидеть.

Девушка ответила отрицательно и сказала, что ее отец уже четыре года как не появлялся. И спросила, не знают ли они чего-нибудь о нем.

Когда Макорн начал рассказывать, дочь Камински пригласила их войти.

Дом был довольно запущенный. Окна, двери и мебель требовали ремонта. На первом этаже в темной комнате на буфете работал телевизор.

– Мама, – позвала девушка, когда они вошли. – Пришли папины друзья.

В кресле в цветочек сидела бледная женщина с высоко начесанными черными волосами и улыбалась странной улыбкой.

– Вы, наверное, знаете, – сказала девушка, – моя мать, ну... она потеряла рассудок. Но иногда у нее бывают просветления.

Макорн озадаченно произнес:

– Мне очень жаль. Несчастный случай?

Девушка кивнула. Она старалась не заплакать.

– Папа вам об этом не рассказывал?

– Нет, – ответил Макорн, – он бывает очень странным. О жене и дочери он никогда не рассказывал.

– Они развелись, – сказала девушка. – Так даже лучше. Папа нас содержит.

– Как он это делает?

– Не ценными бумагами, конечно, но деньги дает.

Женщина у телевизора обернулась:

– Идите сюда, мы можем вместе смотреть телевизор.

Девушка ответила строго:

– Мама, эти господа не хотят смотреть телевизор. Они пришли от Артура.

– От Артура? – переспросила женщина. – А кто такой Артур?

– Видите, – обратилась девушка к гостям, – она его снова не помнит.

– Ужасно, – заметил Майк Макорн. – Как это случилось?

Девушка горько улыбнулась:

– Из-за самообмана. Не знаю, насколько хорошо вы знаете папу. У него случаются приступы. Каждый раз, когда он чувствует, что женщина одержала над ним верх, у него начинается бред. Да вы это, наверное, и сами знаете.

Макорн сделал удивленное лицо.

– Я не припоминаю, чтобы когда-нибудь видел Артура в таком состоянии, – соврал он.

– Тогда вы его не знаете, – заметила девушка.

– Может быть, – кивнул Майк. – А что вы имели в виду, когда сказали, что у него появляется один и тот же бред?

Дочь Камински хотела ответить, но передумала и пригласила гостей в дру- гую комнату.

Пока они поднимались по темной лестнице на второй этаж, девушка рас- сказывала:

– Что касается меня, то я бы уже давно выбросила эту ерунду. Но мама, ко- гда она в здравом уме, умоляет, чтобы я оставила все как есть.

Поднявшись, девушка открыла дверь. Макорн и Балое вошли.

Комната с занавешенными окнами от пола до потолка была оклеена фото- графиями, копиями документов, одеждой и изображениями времен Древнего Египта. Музей или свалка голов, бюстов и профилей Рамсеса II. Куда ни глянь, отовсюду на гостей смотрел Рамсес.

Словно издалека, Макорн слышал голос девушки:

– Мой отец жил самообманом, ему казалось, что он Рамсес. Если женщина показывала свое превосходство, его личность менялась. Во время одного из припадков он пытался сбросить маму с Кельнского собора. Ему это почти уда- лось. Мама отчаянно сопротивлялась. Тогда-то она и потеряла рассудок.

Выйдя из дома, Макорн и Балое некоторое время шли молча.

– Майк, – сказал наконец Балое, – я тебе не завидую. Я бы ни за что не опу- бликовал такую статью.

Примечания

1

Сад эль-Али – египетское название Асуанской плотины. (Здесь и далее примеч. перев.)

[^^^]

2

Орел (*англ.*).

[^^^]

3

Мои поздравления (англ.).

[^^^]

4

Девятый мост (*франц.*).

[^^^]

5

Информационное агентство ФРГ (Deutsche Presse-Agentur).

[^^^]